

Alma Mater Studiorum Università di Bologna

SCUOLA DI LINGUE E LETTERATURE, TRADUZIONE E
INTERPRETAZIONE

Sede di Forlì

Corso di Laurea magistrale in Interpretazione (classe LM - 94)

TESI DI LAUREA

in Lingua e Linguistica russa

Proposta di traduzione dallo slovacco al russo dei racconti per l'infanzia "Mimi a Líza"
(Perevod sbornika detskikh rasskazov "Mimi i Líza" so slovatskogo yazyka na russkiy s
kommentariem)

CANDIDATO:
(indicare Nome e Cognome)

Polina Krokha

RELATORE:
(indicare Nome e Cognome)

Svetlana Slavkova

CORRELATORE
(indicare Nome e Cognome)

Elio Ballardini

Anno Accademico 2015/2016
Terzo Appello

Оглавление

Введение

Глава I. Краткий обзор детской литературы в России и в Словакии.

Перевод детской литературы.

1.1 Детская литература в России

1.2 Детская литература в Словакии

II. Глава вторая – «Мими и Лиза»

2.1 История создания «Мими и Лизы»

2.2 Сюжет «Мими и Лизы», его значение и роль иллюстраций

III. Глава третья – предложенный перевод

IV. Глава четвертая – комментарий по переводу на русский язык

4.1 Имена собственные

4.2 Проблемы перевода лексики

4.3 Морфология и словообразование

4.4 Словосочетания

4.5 Синтаксис предложения

Заключение

Список использованной литературы

Приложение 1. Оригинальный текст произведения на словацком языке

Riassunto in lingua italiana

Введение

Данная дипломная работа посвящена переводу сборника рассказов для детей *Mimi a Liza* со словацкого языка (языка оригинала) на русский язык.

Невозможно недооценивать важность детской литературы в современном обществе. В последнее время к ней возрос интерес во многих странах. Появляются новые жанры и тематики произведений для детей; некоторые авторы не боятся писать о проблемах современного общества.

В сборнике рассказов *Mimi a Liza* присутствует как раз такая социальная проблема. Одна из главных героинь, Мими, слепа. Однако, во всех рассказах сборника нам доказывается то, что она чувствует окружающий мир порой даже лучше, чем ее подруга Лиза.

Актуальность выбранной темы состоит, прежде всего, в том, что эти рассказы никогда не переводились на русский язык. Они были опубликованы в 2013 году после выхода одноименного мультсериала и были высоко оценены критикой. На сегодняшний день и мультфильмы, и рассказы уже переведены на несколько языков, среди которых английский, французский, португальский и китайский.

Помимо громкого успеха, книга привлекает, прежде всего, своей социальной тематикой. Слепота Мими нисколько не мешает ей быть «нормальным» ребенком, а Лиза каждый день понимает что-то новое про свою подругу. Проблема непохожести на других остро стоит в современном обществе, поэтому детские произведения, затрагивающие эту тему, являются актуальными.

Перевод со словацкого языка на русский – пример перевода между близкородственными языками. В России интерес к словацкой литературе появился во времена СССР, тогда же было переведено и большое количество книг на русский язык. Некоторые ученые в современной России посвящают свои научные труды исследованию словацкого языка

и литературы. Среди них можно назвать А.В. Исаченко, написавшего «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким», и Л.Ф. Широкову, специалиста по словацкой прозе XX века, автора многочисленных статей по словацкой литературе.

Цель данной дипломной работы – перевести сборник рассказов *Mimi a Liza* со словацкого на русский язык и дать комментарий переводу.

Работа состоит из оглавления, введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы. Также имеется приложение с оригинальным текстом рассказов на словацком языке.

Глава I. Краткий обзор детской литературы в России и в Словакии. Перевод детской литературы.

1.1 Детская литература в России.

Литература для детей как отдельное направление литературы оформилось в России, как и во многих других странах, относительно недавно, в XVIII веке. До этого существовали лишь отдельные жанры, объединяющие под собой как «взрослые», так и «детские» произведения, но не разделяющие их между собой. Зачастую произведения, предназначенные именно для детей, считались всего лишь написанными упрощенным языком версиями для взрослых. Они не имели особых отличительных характеристик, или, по меньшей мере, никто не предпринимал попытки выделить эти характеристики.

Ранние произведения для детей на Руси существовали, прежде всего, в форме устного народного творчества. Детский фольклор был представлен следующими жанрами: былины, сказки, легенды, предания, колыбельные песни, обрядовые игры¹.

В детском фольклоре можно выделить наиболее важные жанры. Один из них - «материнская поэзия», включающая в себя такие виды фольклора, как колыбельные, песенки, прибаутки – все, что напевают или приговаривают матери своим новорожденным детям.

Другой важный жанр – это былина, героический эпос народа, передаваемый из поколения в поколение. Как и в современных детских произведениях, в былинах всегда говорится о противостоянии добра и зла – и добро всегда одерживает верх. Еще одним уникальным жанром детского фольклора является сказка. Сказка – это еще и «этическая» литература, она учит детей поступать правильно, уметь отличать добро от зла и счастье от несчастья. Помимо этого, сказка имеет свое строение,

¹ Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 5-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 23

язык, композицию. Здесь нельзя не упомянуть известного фольклориста В.Я. Проппа, чьи научные труды посвящены как раз структуре волшебной сказки. Согласно В.Я. Проппу, функции действующих лиц являются постоянными элементами сказки, образывая ее основные составные части. Число этих функций ограничено, а их последовательность всегда одинакова. Например, функциями действующих лиц является отлучка, запрет, нарушение, выведывание, отправка, получение волшебного средства и т.д. Всего таких функций 31, и в их пределах развивается действие всех сказок без исключения².

Сказки и былины – это огромный пласт культурного наследия общества. По мере развития детской литературы, сказки никуда не исчезали. Напротив, такие писатели, как А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, С.Я. Маршак черпали вдохновение из сказочных сюжетов, брали их за основу своих произведений для детей. Современные писатели тоже редко обходятся без отсылок к этим двум жанрам детского фольклора. По сказкам и былинам снимают мультфильмы, как и по сравнительно новым произведениям.

Со становлением русской государственности в общество пришел прогресс, а с ним и появление письменности. Однако в то время литература никаким особым образом не разделялась на детскую и взрослую. Согласно И.Н. Арзамасцевой, «в киевском периоде не выявлен ни один «детский» текст»³.

После появления книгопечатания увеличилось и общее количество литературных произведений. Среди дошедших до нас первопечатных книг второй половины XVI века известно двенадцать детских, в основном это азбуки или грамматики⁴.

² Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки.- М.:Лабиринт, 1998.

³ Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 5-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 43

⁴ Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 5-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 48

В XVII веке процесс становления детской литературы шел более активно. Можно было наблюдать сдвиг от просветительской литературы в сторону художественной. В это время происходит адаптация древних сказаний о героях для детей («Сказание о Мамаевом побоище»), начинает формироваться жанр рассказа. В это время на Руси зарождается первый художественный стиль, московское барокко, который нашел свое отражение в детской литературе благодаря Симеону Полоцкому. Он обращается к жанру детской поэзии, прививает любовь к культуре будущим царям и знати, пишет пьесы для детей. Его продолжателем станет Карион Истомин.

XVIII век представляет собой далеко не самый успешный период для детской литературы в России. Лишь во второй половине XVIII века, благодаря стремлению Екатерины II к просвещению своих внуков, детская литература получает новое развитие. В этот период работают Д.И. Фонвизин, Н.Н. Новиков (создатель первого в России журнала для детей «Детское чтение для сердца и разума»), А.С. Шишков (литературовед, переводчик, создатель «Собрания детских повестей»), Н.М. Карамзин (создатель и переводчик более 30 произведений для детей).

В этот период времени возникает также и феномен лубочной литературы, предвестницы современных книжных иллюстраций. Гравюры с текстом и рисунками создавались на совершенно разные темы и пользовались большим успехом и среди детей, и среди их родителей.

В XIX веке огромное влияние на детскую литературу оказывает романтизм. Аллегии, новые образы, одушевленные предметы как нельзя лучше встраиваются в детскую литературу; на новой волне популярности оказываются сказки, обработанные в стиле романтизма. В это время для детей творят такие выдающиеся писатели, как В.Ф. Одоевский, В.А. Жуковский, И.А. Крылов, А.С. Пушкин, Антоний Погорельский.

С развитием детской литературы появляется и новое направление в критике, посвященное именно литературе для детей. Одним из его основателей является В.Г. Белинский (1811-1848). Он одним из первых высказал мысль о том, что книга для ребенка является не только «учебником» жизни, но и отдушиной, через которую он получает радость и эстетическое наслаждение.

В XIX веке выпускается великое множество детских журналов – «Друг юношества», «Библиотека для воспитания», «Подснежник» и другие. В них публикуются не только сказки и стихи, но также и новые жанры детской литературы – исторические и научно-художественные рассказы.

Поэтические жанры представлены произведениями А.Н. Плещеева (1825-1893), И.С. Никитина (1824-1861), А.К. Толстого (1817-1875), Н.А. Некрасова (1821-1878).

XIX век запомнился нам еще одним выдающимся именем – К.Д. Ушинского (1824-1871). В своих трудах он писал о правильном подходе к преподаванию детям, составлял детские хрестоматии, в которые помещал и отдельные отрывки произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова. Помимо этого, он и сам писал детские рассказы и сказки.

Огромный вклад в развитие детской литературы внес и Л.Н. Толстой («Детство» (1852), «Отрочество» (1854) и «Кавказский пленник» (1872) и рассказ «Филипок» (1875)). То же можно сказать и о произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка (1852-1912), В.М. Гаршина (1855-1888), В.Г. Короленко (1853-1921) и А.П. Чехова (1860-1904).

В XX веке получают активное развитие сразу несколько течений в искусстве – реализм, символизм, акмеизм и т.д. Детская литература в этот период развивается очень быстро и успешно. Многие произведения посвящаются тому, как социум влияет на детей, как он формирует их личность, индивидуальность (М. Горький и Л. Андреев). Тем не менее, такой стремительный рост детской литературы приносит скорее больше вреда, чем пользы – издается огромное количество книг, феномен

приобретает статус массового, внедряется жесткая цензура, идет даже социальное разделение детской литературы на «для дворян» и для «крестьян».

После октябрьской революции детская литература получает неожиданный толчок в развитии. Однако, как и любые другие виды искусства, литература для детей во время СССР переживает и катастрофические спады, и грандиозные подъемы. Спады были связаны, в основном, с жесткой цензурой, со слишком конкретными требованиями к детским писателям, которые должны были воспитать правильных советских граждан на своих произведениях. Важное имя того времени – К.И. Чуковский (1882-1969), писатель, создавший огромное количество детских сказок («Крокодил» (1916), «Мойдодыр» (1923), «Муха-цохотуха» (1924)), а также труд о переводе «Высокое искусство» (1964) и книгу о дошкольном воспитании «От двух до пяти» (1933). Помимо К.И. Чуковского, в тот период активно пишут для детей В.В. Маяковский, С.Я. Маршак, Даниил Хармс, Н. Заболоцкий, Агния Барто, Ю.К. Олеша, А.П. Гайдар, М.М. Пришвин, К.Г. Паустовский, А.Н. Толстой, Саша Черный.

В 40-50 гг. XX века, т.е. в годы войны и восстановления после войны, появляется много патриотической литературы, призванной поднять боевой дух в детях, рассказать о войне. Авторы пишут о реальных подвигах юных бойцов (А. Фадеев «Молодая гвардия» (1946), В. Катаев «Сын полка» (1944), Е. Ильина «Четвертая высота» (1945), Л. Кассиль «Улица младшего сына» (1949)).

В 60-80 гг. литература проходила процесс «очищения» - от устаревших идей, устоев, предрассудков. Это годы расцвета детской литературы: пишутся сотни произведений, появляются новые литературные критики. Наиболее значимыми детскими писателями того времени можно назвать С.В. Михалкова, Б.С. Заходера, Н.Н. Носова, В.Ю. Драгунского, В.В. Голявкина, Э.Н. Успенского.

В конце XX века, после распада СССР, в литературе происходит множество новых процессов. Общество пытается переоценить советское

прошлое, переиздается большое количество книг писателей Серебряного века. Появляются новые жанры. С развитием «черного» юмора в детской литературе связано имя Григория Остера, создателя жанра «Вредных советов» .

В начале XXI века детская литература находится в постоянном поиске новых жанров, форм, идей, источников вдохновения. В русскую литературу для детей вплетаются переводы произведений западных писателей. Появляется много «игровой» литературы, фантастики, приключений.

Современное состояние детской литературы в России И.Н. Арзамасцева комментирует так:

«В целом российская детская литература в переходный период переживала не лучшие времена, много творческих сил было потрачено на коммерческие заказы издательств. Увеличился разрыв между «школьной» литературой и живым литературным процессом. Однако обновлялся литературный язык, пересматривалась сама система детской литературы (детское и недетское пересекались, появился тендерный подход), ширились контакты с мировым писательским сообществом, разрабатывались литературные модели, отвечающие вызовам современности»⁵.

1.2 Детская литература в Словакии

Как и в большинстве стран, детская литература в Словакии берет свое начало из детского фольклора – сказок, легенд и баллад. Современная детская литература в Словакии связана с именем Павла Добшинского, который в XIX веке выпускает два сборника словацких сказок (*Slovenské povesti* (1858-1861), *Prostonárodné slovenské povesti* (1880-1883)). Эти сборники пользуются огромной популярностью,

⁵ Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 5-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 304

переводятся на многие языки и издаются в разных странах – в СССР, в Германии, в странах Прибалтики, во Франции и Великобритании.

Последовательницей Павла Добшинского, продолжательницей фольклорной традиции в словацкой детской литературе, является Мария Дюричкова. Под ее руководством не только издаются новые сборники сказок, она и сама пишет сказки для детей. Ее произведения тоже были переведены на десятки европейских языков. Она внесла большой вклад в развитие словацкой детской литературы, и ее труды были отмечены государством множеством наград и премий.

В словацкой детской литературе XX века можно очень четко выделить отдельные «поколения» писателей. В 60-70 гг. это такие авторы, как Клара Ярункова, Ярослава Блажкова, Любомир Фельдек, Петер Глочко, Ян Навратил, Милан Руфус, Яна Шрамкова. В 80-х это Дэниел Хевьер, Штефан Моравчик, Ян Уличанский. В начале 90-х появляется еще несколько интересных писателей. Здесь можно назвать такие имена, как Яна Боднарова, Габриела Футова, Эрик Якуб Грох, Яна Юранева, Петер Карпинский, Дэниел Пастирчак. В то же самое время творят писатели, которые известны публике лишь одним своим произведением, которое, однако, вызывает не меньший интерес. Это Вилиам Климачек, Душан Тарагел, Ана Наглик. С 90-х годов до сегодняшнего времени детская литература в Словакии получила значительное развитие, появилось большое количество новых, интересных писателей.

Наиболее распространенным жанром в словацкой детской литературе являются сказки, рассказы и повести. По словам З. Станиславовой, такой повышенный интерес к фантастическим рассказам и сказкам связан с чрезмерным рационализмом современного общества⁶. Несмотря на то, что сказка отсылает нас, прежде всего, к детскому

⁶ LITERÁRNE INFORMAČNÉ CENTRUM. <http://www.litcentrum.sk/35009> [дата посещения страницы: 12.01.2017]

фольклору, в Словакии этот жанр не сдает позиции и, напротив, является доминантным.

В качестве примера автора, творящего в сказочном жанре, можно упомянуть Яна Уличанского. В своей книге *Čarovný chlapec* он рассказывает об отношениях между людьми и о ценностях нашего общества. Он говорит о том, что важно не только уметь проживать свою жизнь с удовольствием, но и всегда оставлять свое сердце открытым к проблемам других людей.

Еще в конце 60-х годов Ярослава Блажкова начала писать свои *Mačky vo vrecí* как серию рассказов для журнала *Zornička*. В каждом новом номере журнала выходило продолжение рассказа, который пользовался огромным успехом. Она также писала для журнала *Mladá Tvorba* и была ключевой фигурой в так называемом Поколении-56, группе молодых писателей. После событий 1968 года она покинула Чехословакию и переехала жить в Канаду, где занимала пост редактора журнала для эмигрантов *Nový domov*. Тем не менее, в Словакии ее рассказы до сих пор любят дети и их родители. Основные темы ее творчества – вопросы дружбы и взаимопомощи, честности и доброты.

В жанре сказки творят и такие современные словацкие писатели, как *Eva Hajduová* (в ее *Hrdzavá Rea a Veterný kral'* переплетаются характерные черты древних легенд и сентиментального романа), *Libuša Friedová* (пишет детские детективы), *Jaroslav Rezník* (в его сказках люди и звери живут в согласии между собой, и в мире царит спокойствие).

В 1960-70-х гг. наибольшего признания за рубежом добилась Клара Ярункова. Ее книги остаются наиболее известными словацкими детскими произведениями и по сей день. Она рассуждает о проблемах взросления, о переходном возрасте, о том, что происходит с детьми в

этот период. Как они становятся взрослыми? Клара Ярункова издала свою первую книгу, *Hrdinský zápisník* «Мой тайный дневник», в 1960 году⁷.

В 1963 году выходит ее вторая книга, *Jediná* «Единственная», и весь ее тираж раскупают в Словакии буквально за несколько дней. Это история о девушке по имени *Olinka* (в русском переводе – Ольга, перевод З. Валековой), которая превращается в настоящую волшебницу для детей своей соседки, которые растут без любви и ласки. В общей сложности эта книга была переведена на 14 языков.

Клара Ярункова принадлежала к такому поколению писателей, которые утверждали, что задача детской литературы заключается не только в обучении, но также и в развитии воображения, фантазии, т.е. детская литература должна иметь еще и игровую направленность.

Еще одним представителем этого поколения писателей является Любомир Фельдек. В 1958 году он выпустил статью под названием *Bude reč o literatúre pre deti*, в которой говорил как раз о необходимости сместить фокус с обучающей функции детской литературы на эстетическую. То, как это можно сделать, он продемонстрировал в своем первом произведении *Hra pre tvoje modré oči* (1959), переведенном на русский язык под названием «Синяя книга сказок».

Поэт Мирослав Валек был современником Любомира Фельдека. Еще во время Второй мировой войны он начал писать стихи, а в 60-х годах был главным редактором журнала «Ромбоид» и председателем союза словацких писателей, а затем стал министром культуры Словакии. Его стихи были любимы в СССР, их переводили на русский язык такие поэты, как Анна Ахматова и Булат Окуджава. Его книга детской поэзии - *Veľká cestovná horúčka pre malých cestovateľov* (1964) «Большая дорожная свистопляска» - была переведена на русский Юрием Кушаком.

⁷ Kniazkova V.S. Slovak children's literature in translations. PhD in Philology, Saint Petersburg State University, Russia. <http://rulb.org/en/article/slovackaya-detskaya-literatura-v-perevodax> [дата посещения страницы: 21.01.2017]

Винцент Шидула писал для детей в совершенно разные периоды своей жизни, начиная с 1960-х, когда в свет вышли его *Pán horár má za klobúkom mydleničku* (1965) «У пана лесничего на шляпе кисточка» и *Prázdniny so strýcom Rafaelom* (1978) «Каникулы с дядюшкой Рафаэлем». Затем в 80-х выходят его детские книги *Vajíčko sliepky liliputánky* (1981) «Яичко курочки-лилипутки» и *O múdrom kohútikovi* (1984) «Про умного петушка», а в 1997 году публикуются *Medardove rozprávky* «Сказки дядюшки Медарда».

1990-ые годы открывают миру такие имена, как Душан Душек, Петер Глочко, Эрик Якуб Грох, Дэниел Хевьер, Яна Юранева, Габриела Футова. Многие из этих писателей творят и по сей день.

На сегодняшний день в Словакии происходит подъем детской литературы, к ней растет интерес. Уже несколько лет Словакия успешно участвует в Ярмарке Детской книги в Болонье, а в 2010 году она была провозглашена почетным гостем ярмарки. Умберто Эко, который был одним из гостей этой выставки, высоко оценил труд словацких иллюстраторов, заявив, что почва, созданная для детской литературы в Словакии, способствует развитию книжного дела⁸.

⁸ Belková Z., Kepštová Ľ. Detské knihy v Bologni, 15. 4. 2010. URL: <http://kultura.sme.sk/c/5320995/detske-knihy-v-bologni.html>

Глава II. «Мими и Лиза»

2.1 История создания «Мими и Лизы»

На фоне подъема интереса к детской литературе в Словакии с последние годы выходит множество интересных книг для детей. Их стиль часто связан со сказкой, часто это небольшие рассказы, которые и развлекают детей, и учат их чему-то доброму и хорошему.

В Словакии существует традиция так называемого *večerníček* – детского вечернего мультфильма (нечто вроде российского «Спокойной ночи, малыши»). Эти мультфильмы горячо любимы словацкими детьми, их действительно смотрит вся страна. Тем не менее, начиная с 2002 года Центр производства анимации Словакии стал выпускать все меньше мультфильмов, и народ уже успел соскучиться по красочным словацким вечерним мультсериалам.

В 2013 году в Словакии выходит как раз такой новый *večerníček* – мультсериал «Мими и Лиза». Его создатели – *Katarína Kerekesová* (Катарина Керекесова), *Katarína Moláková* (Катарина Молакова) и *Alexandra Salmela* (Александра Салмела). Втроем они выступают как режиссеры, продюсеры и соавторы.

Мультфильм создавался совместно с *RTVS* (Радио и Телевидение Словакии). В пресс-релизе к мультфильму говорилось:

Seriál neprináša iba mnoho dobrodružných a vtipných momentov, ale aj posolstvo o nutnosti tolerovať všetky deti bez rozdielu. Malá Mimi je totiž

*slépá*⁹ «В сериале речь идет не только о приключениях и забавных моментах, но и о необходимости быть терпимыми ко всем детям без исключения. Ведь маленькая Мими – слепая»

На экраны телевидения сериал, состоящий из семи серий по семь минут каждая, вышел 23 декабря 2013 года и сразу же был высоко оценен словацкой критикой. Вот так отзывается о «Мими и Лизе» директор отдела программ RTVS Тибор Буза:

Som veľmi rád, že do programu zaraďujeme nový pôvodný večerníček - pôvodnú animovanú detskú tvorbu, ktorá má tie najvyššie ambície a ktorá spĺňa tie najvyššie kritériá kvality¹⁰ «Я очень рад, что мы начинаем показ нового вечернего мультфильма, который представляет собой оригинальное анимационное творчество для детей, имеет отличные перспективы и отвечает самым высоким требованиям качества»

После выхода первых семи серий создатели продолжили работу над оставшимися шестью эпизодами – по их замыслу, их должно быть тринадцать. Помимо телевизионной версии, «Мими и Лиза» транслировалась также и по радио на всей территории Словакии.

Следом за мультфильмом вышла книга о Мими и Лизе – текст к ней написала А. Салмела, а помощь в создании ярких и красочных иллюстраций им оказала *Ivana Šebestová* (Ивана Шебестова).

В 2013 году книга «Мими и Лиза» была награждена премией за «Лучшую словацкую детскую книгу», а мультфильм получил главную премию международного анимационного фестиваля ТОФУЗИ в Грузии.

⁹ Jednotka RTVS na Vianoce: Biblia aj nový Večerníček Mimi a Líza. <http://strategie.hnonline.sk/media/779626-jednotka-rtvs-na-vianoce-biblia-aj-novy-vecernicek-mimi-a-liza> [дата посещения страницы: 28.01.2017]

¹⁰ Video: RTVS po rokoch prinesie nový pôvodný večerníček. <http://www.webnoviny.sk/kultura/clanok/692331-video-rtvs-po-rokoch-prinesie-novy-povodny-vecernicek> [дата посещения страницы: 18.01.2017]

В 2015 году вышли в свет еще шесть эпизодов о приключениях Мими и Лизы, и за ними последовала и вторая книга, которая была принята словацкой публикой так же тепло, как и первая.

Мультсериал «Мими и Лиза» уже переведен на несколько языков – английский, французский, португальский, китайский – и успешно транслируется во многих странах.

2.2 Сюжет «Мими и Лизы», его значение и роль иллюстраций

Это сборник из семи рассказов про двух маленьких подруг – Мими и Лизу. Первый рассказ начинается с того, что Лиза с мамой переехала в новую квартиру, и в своем новом доме она как раз и познакомилась с Мими – слепой девочкой, которая живет в квартире напротив со своим папой. Сначала Лизу удивило, что Мими никогда не сможет ее увидеть, но Мими доказала ей, что «видит» окружающий мир через ощущения, слух и чувства. В конце практически каждого рассказа мы понимаем, что во многом Мими воспринимает мир лучше, чем Лиза: она обладает тонким слухом и доброй душой.

В каждом рассказе девочки отправляются в какое-нибудь увлекательное приключение, не выходя при этом из дома. Приключения ждут их совсем рядом – в квартирах соседей, на балконе, в собственной комнате.

В традиционных словацких вечерних мультфильмах (*večerníček*) обычно всегда присутствовали два персонажа. «Мими и Лиза» не стали исключением из этого правила, но оказались первооткрывателями во многом другом.

Главная социальная тема, вплетенная в мультфильмы и книги – это слепота Мими, которая при этом не чувствует себя какой-то ущербной и не взывает к жалости. «Мими и Лиза» ни в коем случае не

воспринимается ни детьми, ни взрослыми, как сборник «грустных» повестей, наоборот, в них есть очень много жизни.

Одна из создательниц «Мими и Лизы», Катарина Керекесова, так говорит о своем творении:

Kolegova dcéra dokonca skúša napodobniť Mimi a chodí po dome so zavretými očami [...] Ak sa budú rozprávky deťom páčiť a aspoň chvíľu začnú rozmyšľať o tom, aké to je byť iný, potom je naša misia vlastne splnená¹¹ «Дочь одного коллеги изо всех сил пытается имитировать Мими и ходит по дому с закрытыми глазами [...] Если рассказы будут нравиться детям, и они хотя бы немного задумаются о том, как это – быть другим, тогда наша миссия выполнена».

Книга действительно имеет очень сильную социальную направленность: учит с пониманием относиться к тем, кто отличается от тебя, не бояться общаться с «другими» людьми – в детской литературе эта тема до сих пор остается своего рода «табу», о ней принято умалчивать.

Каждый разворот книги имеет свою иллюстрацию. Все иллюстрации очень красочные, заполняют всю страницу. Так как книга предназначена для детей дошкольного и младшего школьного возраста, может случиться так, что они будут читать ее не самостоятельно, а будут слушать, как им ее читают родители. В такой ситуации детям очень помогут иллюстрации – ведь они, как мультфильм на бумаге, оживляют для них всех персонажей.

Интересно, что страница с названием рассказа имеет надпись как на словацком языке, так и название, напечатанное шрифтом Брайля – все в этой книге помогает нам почувствовать поистине полное погружение в ту атмосферу терпимости и понимания, которую и хотели создать авторы.

¹¹ Press Kit Mimi a Liza <http://www.mimializa.sk/app/data/presskit-ku-knihe-mimi-a-liza.pdf> [дата посещения: 02.02.2017]

Глава III. Предложенный перевод сборника рассказов „Мими и Лиза“

Тебе не нужно бояться темноты

В моём городе есть разные дома. Кирпичные, каменные, бетонные. Некоторые из них гладкие, у других стены неровные. Дома высокие. Я это знаю, потому что птиц, которые чирикают с крыш, я слышу плохо. У некоторых домов на первом этаже есть решетчатые окошки, у других – огромные стеклянные витрины. Иногда дома окружены заборами. Я хожу по ним, как балерина. Между некоторыми домами есть длиннющие лестницы с коваными перилами, которые вьются, как змеи. Я держусь за перила и считаю ступеньки. У меня уже получается сосчитать их все!

Улицы в моём городе тоже бывают разные: узкие, крутые, извилистые или широкие и прямые. Моя улица длинная и прямая, помимо машин по ней ездят еще и трамваи. Они всегда весело звенят и передают мне привет! Ах да: а это мы. Мой папа и я. Слышите? Цок-цок, цок-цок, цок-цок: мои туфельки весело цокают по булыжной мостовой и поребрику. Папины большие ботинки мирно пошаркивают.

Мой папа большой. Мы шагаем рядом, и в своей большой теплой ладони папа держит мою маленькую. Так мы вместе и ходим по нашему городу и нашей улице – мой папа и я, Мими. Папа говорит, что я его солнышко. Но я солнышка никогда не видела. Я только чувствую, как оно меня греет. И свои игрушки я тоже не вижу. Если я не держу их в руках, то они никакие,

как будто прозрачные. А потом, когда я дотрагиваюсь до них пальцами, они оживают. Но это никакое не чудо. Просто я слепая. Я вижу мир руками и ушами, и немножко даже носом и языком. Всё, что есть вокруг меня:

ДЗЫЫЫНЬ трамваи и старый телефон, БИ-БИИИП спешащие машины, ШШШшумящие деревья на летнем ветру, ЧИК-ЧИРИК птички, БЗЗЗЗ пчёлки и СКРИИИП папа возвращается с работы на скрипучем велосипеде. Я вижу-чувствую, как греет солнышко и цветут цветочки, как падают листья и мокрые капли дождя, а еще вьюю-вьюгу и щекочущие морозные снежинки.

Одна я выходить на улицу не могу, поэтому чаще всего я бываю в своей комнатке. У меня в ней порядок, чтобы я случайно не споткнулась о разбросанные колготки или не стукнулась головой об открытые двери шкафа. И игрушки у меня тоже аккуратно расставлены, каждая на своём месте. Я всегда точно знаю, где что лежит. Но сегодня на полу возвышается огромная гора деревянных кубиков. Я построю из них боооольшооой замок. Но что это за звук? СКРРРИИИИП – какой-то тяжелый грузовик резко остановился прямо перед нашей парадной. БУХ-БУХ-БУМ-БАХ – как будто из него высыпался весь груз. Что там привезли? Ещё и к нашему дому?

Лиза выпрыгнула из жёлтого автофургона. Все её вещи и игрушки лежали горой в запакованных коробках перед ОЧЕРЕДНЫМ НОВЫМ ДОМОМ. Теперь – почти все. Лиза несла чемоданчик, в котором что-то бешено металось и грохотало.

"Успокойся уже, наконец", - прошептала Лиза чемоданчику. "Мне тоже не хочется снова переезжать."

Старый дом. Немного обшарпанный. Лиза быстро разглядывала дом большими голубыми глазищами и семенила к двери вслед за мамой. Какие славные перила! По ним точно было бы здорово прокатиться с друзьями. Если тут все-таки живут еще какие-нибудь дети, с которыми бы я могла познакомиться, потому что ни одного из моих старых друзей здесь нет, хмурилась Лиза. В доме было так тихо, как будто он спал. Лиза задумчиво размахивала чемоданчиком, в котором снова что-то зашумело:

"ТРЕСК-ПЛЕСК-БАЦ-НА ПОМОЩЬ! Выпустите меня!"

На первом этаже открылась дверь. Из неё выглянула любопытная соседка.

"Тихо! А не то останешься там навсегда!" – отругала Лиза то, что так грохотало в чемодане. У соседки перехватило дыхание, и, сердитая, она исчезла в своей квартире. Если в этом доме живут одни ворчуны, не будет здесь вообще никакого веселья, вздохнула Лиза. Нет ни одной двери, перед которой бы стояли игрушки или детский велосипед! Лиза грустно поднималась на последний этаж, когда кое-что увидела краем глаза. Детские туфельки! Точно такие же как у нее, и даже такого же размера. И прямо напротив их новой квартиры! Лиза бросилась к черно-белой двери. Она настойчиво постучала, нетерпеливо встала на цыпочки и попыталась заглянуть внутрь сквозь замочную скважину.

"Ку-ку! Живет ли здесь хоть один ребенок?" – спросила Лиза с надеждой. Из-за двери раздалось:

"Хм. Здесь живет Мими".

"Я Лиза. Я тоже теперь здесь живу", - бойко сообщила Лиза.

Тогда дверь открылась. Перед Лизой стояла необыкновенная черно-белая девочка. Она спокойно сказала:

"Привет, Лиза".

Удивительно, никогда бы не подумала, что кто-то может быть черно-белым, думала Лиза. Но эта девочка, Мими, была действительно черно-белой: у нее было очень бледное лицо и прямые черные волосы до плеч,

на ней была черная футболка и белый передник. Но самое удивительное было то, что у Мими были закрыты глаза даже тогда, когда она разговаривала с Лизой.

"Привет. Ты спишь?" – выпалила Лиза удивленно.

"Нет. У меня просто закрыты глаза" – ответила Мими так, как будто она уже привыкла к такому вопросу.

"Так открой их" – наседала Лиза.

"Я...не могу. Я слепая. Они у меня всегда закрыты" – терпеливо объяснила Мими.

Лиза была очень разочарована: "Ты и меня никогда не увидишь?"

"Увижу" - успокаивала её Мими, - "вот так" - и стала трогать пальчиками Лизино лицо. Она изучила её глаза, нос, рот и уши, взъерошила ей волосы, погладила её по щекам и напоследок пальцем сосчитала все разноцветные горошины на Лизинем платъице. Их было тридцать семь. В воображении Мими ожили Лизины растрепанные светлые волосы и большие голубые глаза. Лиза радостно улыбнулась.

"Я тебе нравлюсь?" – спросила она.

"Ты немного растрепанная, но да, нравишься" – сказала Мими и легонько пощекотала свою новую подружку за живот.

Лиза рассмеялась: "Ой, щекотно!"

Лизин чемоданчик совсем не обрадовался встрече своей хозяйки с Мими. Он затрясся у Лизы в руках так сердито, как будто он должен был вот-вот взорваться.

"Что это грохочет?" – удивилась Мими.

"Непослушная игрушка. У тебя таких нет?" – теперь уже была Лизина очередь удивляться.

"Меня мои игрушки слушаются" – сказала Мими.

"Покажи!" - воскликнула Лиза и побежала в Мимину комнатку.

Комната была красивой и идеально убранной, но точно такой же черно-белой, как и сама Мими. Но посередине комнаты возвышался огромный замок из кубиков, который играл всеми цветами радуги. Замок был выше

Летучие мыши кружились над перепуганными девочками в дожде из кубиков. Клоун злорадно хохотал. Все неумолимо летели вниз к дыре, которая виднелась где-то далеко в глубине тьмы. Мими и Лиза пронеслись через проём, как грязная вода через водосток, и БУХ-ПЛЮХ - оказались в огромном каменном зале замка. С серых стен свисали толстые паутины, из темных углов враждебно смотрели светящиеся глаза. Мими и Лиза сидели на холодном полу, растирали себе затекшие руки и ноги и одновременно отмахивались от назойливых крылатых существ. Это было совсем не приятно, ни капельки, но Лиза отважно заявила:

"Какой красивый замок".

По мнению Мими, замок был довольно зловещий. Гораздо более зловещий, чем Лизин клоун. Он им грозил: "Сейчас я вас тут запру, барышни. Так вы поймете, что значит бояться. Хахахахахааа".

Напрасно Лиза на него кричала – в магическом замке у клоуна была магическая сила: его руки и ноги растягивались, как пружины, он даже нависал над девочками выше любой многоэтажки. Прыг-скок – и он повернул ключ, и тяжелые ворота со скрипом закрылись на три засова.

"Я вам и свечи погашу, чтобы свет вас совсем не беспокоил", - кривлялся клоун. Потом он сделал глубокий вдох и задул все-все свечи на огромной люстре с первого раза. Воцарилась полная темнота. Лиза не боялась ничего, кроме темноты, а эта темнота была действительно зловещей – сплошь пауки и летучие мыши. У Лизы встали дыбом ее растрепанные волосы, а из горла вырвался такой пронзительный крик, который бы испугал даже самое страшное страшилище. Но Лиза этого вообще не заметила. К счастью, Мими, которая много чего боялась, темноты не боялась нисколько. Все-таки темнота была для нее

привычной. Поэтому и Лизе она сказала: "Тебе не нужно бояться темноты".

Лиза не была в этом уверена. Особенно когда у нее было ощущение, что по ней ползет что-то противное. И она была права. С люстры спустился мохнатый паук и начал плести сеть вокруг девочек. Он заматывал их в катушку, как насекомых, которых он съест на ужин.

"Мими, Мими, это конец", - всхлипывала Лиза. Она чувствовала, как паук за нить тянет их куда-то к потолку.

"Не бойся", - успокаивала подружку Мими и ловкими пальцами ощупывала паутину, пока не нашла то, что искала.

"Вот начало! Держись, Лиза!"

Мими и Лиза болтались на люстре. Мими дернула за нитку. Паутина как будто чудом распуталась и легонько упала на взбудораженного клоуна.

"Так, а вот и ты" - выпалила Лиза. "Марш обратно в чемодан!"

"Отпустите меня. Я обещаю исправиться" - просил клоун писклявым голоском. Он не хотел возвращаться в тесный чемодан, в котором были только тьма и страх!

Лиза не могла это больше слушать. Все-таки она любила клоуна, хотя он был ее самой непослушной и злой игрушкой. Как она могла его, беднягу, закрыть в чемодане и даже не рассказать ему, куда они, собственно, едут! А потом сердиться на него?

Лиза обняла клоуна, он благодарно к ней прижался и робко протянул ей ключ.

Лиза сразу же побежала открывать ворота замка.

Зал озарился солнечным светом, и на люстре загорелись свечи! Замок опять заиграл яркими красками, и все темные существа исчезли. Внутри

влетели разноцветные бабочки и большими крыльями щекотали носы Мими и Лизе. Смеясь, девочки схватили клоуна за руки и через тройные золотые ворота вышли прямо в комнату Мими.

"Лиза, где ты так долго?" - нетерпеливо прозвучало из парадной.

Ой-ой-ой, вспомнила Лиза, мама уже точно ее ищет, так долго они с Мими были заперты в том страшном замке. Нужно идти скорее успокоить маму, а не то она будет беспокоиться, а потом будет сердиться и в итоге закроет ее в детской так, как Лиза закрыла в чемодане непослушного клоуна.

"Мне пора идти" - сказала Лиза.

"Но...ты же еще придешь?" – с опаской спросила Мими.

"Конечно" - ответила Лиза и, держа в одной руке клоуна, а в другой - чемоданчик, ускочила домой.

Когда мама вечером укладывала Лизу в кровать, Лиза рассказала ей про их приключение: о том, как обиженный клоун наслал на них паука, который их запутал в плотную паутину, как Мими совсем не боялась, нашла два ее конца и распутала всю паутину. Мама сидела у Лизиной кровати и серьезно кивала головой. Лиза видела, что мама совершенно не понимает, как Мими сумела все это сделать в полной темноте. Лиза маме серьезно объяснила, что Мими видит руками и ушами, вот как. Мама ласково засмеялась и сказала, что Лиза ее маленькая выдумщица и что ей уже пора ложиться спать. Мама не воспринимает это всерьез. Как будто она никогда не была в заточении в зловещем замке, удивленно подумала Лиза перед тем, как уснуть.

Мими папе ничего не рассказала о страшном замке: а вдруг он испугается? Зато она рассказала ему о своей новой подружке Лизе, которая сегодня переехала в ту пустую квартиру напротив. Но сейчас это уже не пустая квартира. Теперь в этой квартире живут Лиза и Лизина

мама. Папа покачивал головой и поправлял свои круглые очки. Мими восторженно рассказывала, как с Лизой было весело. Лиза пообещала, что придет и завтра. "Может же, папа, правда?" - Мими умоляюще смотрела на папу своими бледными закрытыми глазами. Она была так счастлива, когда папа сказал, что Лиза может приходить, когда захочет. А когда папа погладил Мими по голове и поцеловал ее на ночь, она уже почти спала. Город стемнел и затих. Мими не разбудил даже последний трамвай, который продребезжал перед их домом.

Прощай, серый цвет

Был серый день. Серый дождь серо падал на серые дома, которые утопали в сером тумане. По пустым серым улицам тащились серые машины, через дорогу иногда перебежал какой-нибудь серый человек, который сразу же исчезал в серых воротах. И даже трамвайный звон, обычно веселый и разноцветный, сегодня был каким-то мутным.

Мими и Лиза сидели в серой парадной своего серого дома и молчали. Мими смотрела закрытыми глазами куда-то вдаль, а Лиза сосредоточенно изучала узкую трещину, которая шла у нее под ногами через всю ступеньку, а потом незаметно исчезала в сером камне.

"В такой день-недодень совсем нечем заняться. Тоска зелёная. Серый цвет поглотил все остальные цвета и так раздулся, что через миг обязательно заглотит и нас. Терпеть не могу серый, серый - гадкий, противный, ужасный цвет. Фу!" - ворчала Лиза, но вдруг остановилась:

"Ой, Мими, ты же цвета не видишь!"

"Нет, вижу", - сказала Мими. "Серый это как шершавый асфальт под ногами, или как туман на ресницах, или как бетонная стена по дороге к

бабушке, или как зола на печеной в углях картошке, или как ноябрь. Или как парадная в нашем доме".

Лиза не могла поверить своим ушам. Мими руками и ушами видит еще и цвета! То есть один цвет, серый, но всё же! Она даже чувствует его на вкус. Невероятно, удивительно, хотела сказать Лиза, но Мими опередила её с робким вопросом:

"Серый - это черный, смешанный с белым, так что, по сути, я тоже серая. Значит, я скучная, Лиза?"

"Конечно же, ты не скучная," - выпалила Лиза. "Но ты и не серая. Ты черная и белая - по отдельности. Ты самая интересная девочка на свете! Моя лучшая подружка. Мими, а ты видишь и другие цвета?"

Мими рассмеялась:

"Ну конечно! Только не так, как те, кто смотрит на них глазами. У меня даже есть..." - Мими замялась и замолчала.

"Что у тебя есть?" - наседала Лиза.

Мими откашлялась.

"Цветные мелки", - тихо сказала она.

"И ты ими уже рисовала?" - спросила Лиза.

Мими помотала головой.

"Так значит нам нужно скорее нарисовать радугу!" - решительно заявила Лиза. "Красивую, большую, разноцветную! Чтобы этот ужасный серый день прояснился."

Мими даже не нужно было спрашивать, где Лиза хочет нарисовать эту радугу. Ей было ясно, что единственным местом, на котором может загореться большая красивая радуга, была серая стена на лестнице их дома. Мими было немного страшно. Когда эту яркую красоту обнаружит управдомша Серомилка, она точно будет ужасно кричать, шуметь и греметь ведрами, метлами и швабрами, которые верно сопровождают ее в каждой уборке. "Неужели Лиза не боится главного страшилища этого дома?" - думала Мими.

"Мими. Не спи" - потянула её Лиза за руку и вложила ей что-то в ладонь.

"Ну? Какой это цвет?"

"Наверное, красный. Как чай зимой" - взволнованно улыбнулась Мими.

"Правильно! Мими, ты и правда отлично чувствуешь цвета!" - хвалила её Лиза и приговаривала: "Я нарисую радуге жёлтую полоску. Как солнышко, и одуванчик, и цыплята, и... и...."

"И жаркое лето," – добавила Мими.

"И лимоны!" - радостно воскликнула Лиза. Она смело махала рукой, и на серой стене разгорелась первая высокая дуга радуги.

Мими глубоко вздохнула и медленно, но решительно водила красным мелком сначала наискосок вверх, а потом вниз. Краски усиливались, радуга расцветала у девочек под руками.

"Загляденье!" - прошептала Мими. Благодаря радуге, она вообще забыла про страх.

Но внезапно парадная загремела походным шагом и лязгом металла. Мими оцепенела от ужаса.

"К нам домой что, ворвался генерал слон?" - спросила Лиза с искорками в больших глазах. Но Мими было не до шуток.

"Хуже. Это у управдомши Седовой сегодня день уборки", - сказала она еле слышно.

"Ну и?" - не понимала Лиза.

"Она ненавидит краски. Ты её слышишь?"

Лиза насторожила уши. Через звон до неё доносилось сердитое ворчание. По мере того, как оно к ним приближалось, доносились и отдельные слова: "... красный мне глаза режет, такой кричащий цвет, прямо как жёлтый, фу-фу-фу, не говоря уже о синем, зеленый как яд, а все эти дешевые розовые, сиреневые, фиолетовые или как их там, их бы нужно запретить. Зато серый - это приличный деловой цвет. Серый и никакой другой. Серый - это мой цвет!"

"Она уже скоро будет здесь. Бежим, Лиза!" - выдавила из себя Мими, и если бы Лиза её не задержала, то она бы точно уже была за тяжелыми дверями квартиры, в безопасности своей идеально прибранной черно-белой комнаты.

"Мы ничего плохого не сделали, радуга очень красивая!" - протестовала Лиза, но когда на нее упала тяжелая тень управдомши, с грохотом поднимающейся по ступенькам, она тоже испугалась.

Фикус на площадке между третьим и четвертым этажом забился в угол и, трясясь, сбросил два последних зелёных листика. Метла бросила их на совок, совок выплюнул их в черный пластиковый пакет. Управдомша Седова спокойно почесала себе руку и без остановки продолжала свой боевой подъём.

Теперь она с улыбкой рассматривала чистые серые ступеньки, как вдруг увидела это. Цветная радуга на стене бросилась ей в глаза, как удар железным кулаком.

"Что это еще за фокусы?" - зашипела она, как разъяренный дракон. Мими надеялась, что черный в ней смешается с белым и она сольется со ступеньками, однако Лиза смело посмотрела в глаза управдомше:

"Это никакая не писанина, это радуга для того, чтобы раскрасить серый день".

Серомилка побагровела, даже если бы предпочла посереть. "Я вам раскрашу день! Я вас так уделаю, что будете разноцветные, как попугаи! А это - долой!" - скомандовала управдомша и тут же бросилась с тряпкой на меловую радугу:

"Проклятые цвета. Вот бы весь мир был серым!"

Радуга исчезала с каждым прикосновением серых тряпок; кружилась меловая пыль. Её мелкие разноцветные крупички все перемешались и слились в одно удушающее серое облако. Облако росло и росло, и даже

пустилось в пляс. Крутясь как волчок, оно поглощало всё, что встречалось ему на пути. Торнадо в нашем доме, мысленно ликовала Лиза, и скорее побежала к Мими, которая уже прижалась к голому фикусу на лестничной клетке между этажами. Вихрь подхватил управдомшу за серые бахилы на ногах и бешено закружил ее, как в хороводе. Серомилкино напуганное лицо исчезало в клубках серой пыли, которая забивалась ей в уши, нос и рот.

"Хр-хр, я не могу дышать!" - прохрипела тётка сдавленным голосом и пропала в прожорливой пасти серого вихря. А потом он остановился. Наступила полная тишина. Пыль медленно оседала на ступеньках. Управдомша Седова из неё так и не вынырнула.

"Где она?" - спросила Мими.

"Исчезла," - ответила Лиза. "Быстро за ней, иначе этот серый цвет точно её съест!"

"Так, как она съела все цвета," - ахнула Мими. Она схватила Лизу за руку, и девочки вместе бросились в редящее облако пыли.

Мими и Лиза шагали по серой выжженной земле, мелкая зола кружилась у их ног. Повсюду вокруг простиралась безграничная серость, бесцветная скука: нигде ни единого деревца, ни одной живой души. Ни одного цвета. Даже солнце было скрыто за толстым слоем грозových облаков.

"Где она? Я её нигде не вижу," - удивлялась Лиза.

Мими прислушалась. Откуда-то раздавалось слабое хныканье.

"Подожди. Я что-то слышу. Голос доносится сверху."

"Сверху? Управдомша ведь не умеет летать," - сомневалась Лиза.

Мими подставила под облако ладонь. На неё упала тяжелая, крупная капля.

"Лиза, она плачет," - задумчиво сказала Мими. "Она точно где-то наверху."

Лиза пристально всмотрелась в серое небо. У неё над головой кружили тяжелые грозовые тучи, дело шло к дождю. Больше ничего. Но вдруг из этой черноты вырвалось одно более светлое облако и пустилось наутёк. Тучи погнались за ним. Они метали громы-молнии и, оскалившись, преследовали бедное серое облако, которое медленно парило по небу. Тучи потихоньку его окружили и жадно на него набросились. Они пихали его со всех сторон, бодали его, как бараны, бросались им, как тряпкой. Серое облако размахивало короткими ручками и ножками, с писком и воплями пыталось оттолкнуть навязчивые тучи. Минутку, опешила Лиза. У облаков ведь нет ни рук, ни ног, и они точно не пищат и не вопят. Лиза внимательно наблюдала за очень странным облаком. С серых окантовок на нее смотрело перепуганное лицо управдомши.

«Она вот это серое облако, Мими! А темные облака её вовсю молотят!» Мими прикоснулась к Лизину платью и потербила его пальцами. Затем она выбрала на нём одну горошину, прислушалась, обнюхала её и спокойно кивнула. Но на всякий случай все-таки спросила:

"Эта горошина голубая, правда же, Лиза?"

"Да, но..."

Мими бросила горошину в облака. Они разом сменили цвет. Страшный черно-серый посветлел, побледнел и поглубел. Пошёл дождь. С голубых облаков падали голубые капли. Вместе с каплями в руки девочкам выпал и голубой зонтик, под которым они укрылись. Дождь шёл и шёл

.

"Хоть бы уже и управдомша вылилась вместе с дождём, что думаешь, Мими?" - прогнусавила Лиза.

Мими захихикала и затопала мокрыми ногами в глубокой луже. Вода только прибывала. Она была им уже по пояс, у их ног плавали разноцветные рыбы, щекотали их своими плавниками, а вода всё поднималась и поднималась.

"Прыгай, Мими!" - скомандовала Лиза и перетащила подружку на перевёрнутый зонтик.

Волны так оживлённо покачивали лодко-зонтик, что он превратился в красивый пароход с весёлой красно-белой трубой. Девочки тем временем разыскивали пропавшую управдомшу:

"Алло, тётя, где Вы?"

"Я надеюсь, что она не утонула."

Вдруг из ясного лазурного неба вылетело что-то большое и серое. Управдомша Седова с грохотом свалилась на палубу. Пароход закачался, как скорлупка. Управдомша растерянно посмотрела вокруг себя, неуверенно улыбнулась и заявила:

"Этот синий - то, что надо."

Мими и Лиза захлопали в ладоши. На один цвет из тех, что пугают управдомшу, меньше. Она всё еще наслаждалась потоками синего, когда Лиза начала карабкаться по красно-белой трубе, как по лестнице.

"Вот, тётя, красный тоже не кусается!"

Управдомша тряслась от страха: красный был как огонь, он обжигал ей глаза. В придачу эта труба-лестница на качающейся лодке казалась ей бесконечно длинной и слишком шаткой. Мими стукнула пальцем по красно-белым полоскам. Они сложились, как домино, и превратились в широкие и надёжные ступеньки.

Сверху им махала Лиза.

«Не все красные одинаковые», - добавила Мими и ступила на лестницу, которая сразу же заиграла всеми оттенками красного, от самого тёмного до светло-оранжевого. Мими бойко бежала вверх по ступенькам, управдомша отважно пыхтела следом за ней. На самом верху она довольно вытерла пот со лба.

"Вот это вид, девочки!"

Но через мгновение её лоб наморщился.

"А что это к нам приближается? Что за жуткий цвет! Мне там точно станет плохо," – скривилась управдомша.

"Это всего лишь карусель, тётя," - успокаивала её Лиза.

"Зелёная. Она пахнет, как трава," - сказала Мими.

"Вперёд!" - крикнула Лиза и впрыгнула с Мими в покрытую мхом кабинку. Управдомша быстро впрыгнула в следующую кабинку, даже не заметив, какая она ядовито-зелёная. Карусель крутилась, как заведенная, девочки, как заведенные, махали управдомше, а она, как заведенная, махала девочкам.

Но кабинки вдруг решили, что они пойдут гулять, и понеслись куда-то в неизвестность, подпрыгивая вверх-вниз, как на горной дороге.

Навстречу им выплыл гигантский сверкающий диск.

"Ааа, что это!" - выкрикнула управдомша, закрывая глаза руками.

"Это солнышко, тётя, не бойтесь," - успокаивала её Мими.

"Жёлтое," - пояснила Лиза.

"Ммм, приятный цвет, теплый", - согласилась управдомша.

С последними лучами заходящего солнца начали падать и разноцветные листья: красные, жёлтые, оранжевые, коричневые. Управдомша вся была ими облеплена, и так ей это нравилось, что она их на себе приглаживала и приглаживала, пока они не превратились на ней в симпатичный свитер.

"Так он мне нравится!" - ликовала она.

"Тетя, вы же так совсем другая," - удивилась Лиза. Управдомша залилась краской.

"Вы синяя, тетя?" - спросила Мими.

«Не совсем, но я могу добавить сюда еще какое-нибудь синее пятнышко, пускай у меня на нем будет немного неба," - задумалась управдомша. "И немного зеленого, он тоже красивый. Ой, и розового, он молодит!"

Управдомша гуляла по стране красок и собирала себе на свитер оттенки всех цветов радуги.

Мими и Лиза от радости прыгали и кувыркались. Им вторили вращающиеся ветряные мельницы, вертушки и трещетки, на лугу цвели разноцветные цветы, а в небе парили десятки разноцветных воздушных шаров.

"Такая страна мне действительно по вкусу," - довольно объявила управдомша.

Но Лиза уже звала её:

"Идите сюда немного полетать, тетя!"

Управдомшу не нужно было долго уговаривать, и вскоре она уже поднималась в плетёной корзине высоко над землей вместе с Мими и Лизой. С лазурно-голубого неба заморосило, и на нём расцвела радуга.

"Радуги нужны, чтобы с них съезжать, дамы!" - воскликнула управдомша и скатилась с нее вниз. Мими и Лиза были вне себя от радости – и за ней!

"Но... но..." - лепетала Мими несмело, пока они наконец не приземлились перед стертой наполовину радугой в парадной их дома.

"Что же будет с нашей радугой?"

"Нам нужно будет ее подправить", - решительно заявила управдомша. Она подняла с пола мелок и протянула его Мими.

"Ух ты, вы и правда стали совсем другая, тетя," - радовалась Мими.

"Да, вся в листьях и цветах," - рассмеялась Лиза. "Тетя-управдомша Разноцветная."

"А ты тогда Лиза Горошковая!" - хохотала Мими.

"А ты..." - сказала Лиза.

Мими печально опустила голову.

"А ты будешь Мими Радужная!" - взвизгнула Лиза и разрисовала всю Мими в разноцветный горошек.

Приключение с красками было таким сказочным, что Лиза потом прокручивала его в голове, уже лежа в постели. Невозможно было поверить, что Мими так хорошо видит все цвета! Мама в это, конечно же,

не верила, она только кивала головой с нежной улыбкой на лице. "Честно, мамочка. Руками и ушами. Я сама видела," - убеждала её Лиза, но в итоге от всех этих усилий заснула.

Мими немного волновалась, прежде чем спросить у папы, знает ли он вообще, какой у нее самый любимый цвет. Папа удивленно пробормотал, что он не знает. "Все-таки тот, который я слышу, когда идёт дождь," - прошептала Мими и погрузилась в сон.

Найди пару!

Лиза знает море отличных игр, именно поэтому с ней всегда так весело. Сегодня она решила научить Мими играть в «Найди пару». Ну знаете, «Найди пару» – игра, в которой нужно искать карточные пары. Но не думайте, это не так просто, ведь карточки перевернуты картинкой вниз. Вы можете одновременно посмотреть только на две картинки, и потом вам нужно их как следует запомнить, чтобы позже вы смогли перевернуть правильную пару. Лизе в этой игре очень везёт, но Миминому пальцу все карточки кажутся одинаковыми.

"Жираф и...жираф!" - победоносно закричала Лиза и убрала свою семнадцатую пару. Теперь очередь Мими: она перевернула две карточки и пальцами чувствовала только бумагу и... бумагу. Мими было по этому поводу немножко грустно, и еще она немножко злилась. Лиза что, не видит, что эта игра не для слепых детей?

"Пойдем лучше займемся чем-нибудь другим, Лиза," - застенчиво предложила Мими.

Лизе не хотелось бросать такую успешную игру, но внезапно из парадной раздались какие-то звуки. То есть, это Лиза услышала КАКИЕ-ТО звуки. Мими же услышала, что по ступенькам шагают две запыхавшиеся тети в

туфлях с цокающими каблуками и что они несут длинные мягкие палки, которые бьются об стены и о металлические перила, как быстрые палочки ксилофона:

"Дзинь-дзинь, динь-дон. Дзинь, динь, дон-дзинь."

"Что это за звуки?" - пробормотала Лиза и уже тянула Мими в парадную.

По ступенькам шли две пожилые тети, на руках они несли длинные рулоны разноцветной ткани. Через горы ткани они ничего перед собой не видели, поэтому иногда они спотыкались или на что-нибудь натыкались. Зачем кому-то столько ткани, удивлялась Лиза. Но сами тети были еще необычнее. Они были похожи, как две капли воды.

"Вы тети из «Найди пару»?" - Лиза вытаращила голубые глаза так, что тети не могли не рассмеяться. Они смеялись и хохотали, у них тряслись животы, и рулоны ткани падали у них из рук. Ткань катилась вниз по лестнице, а тети всё смеялись и смеялись, и у них и глаз катились слёзы: "Вы что, тети из «Найди пару»! Нет уж, девчата. Мы близнецы."

Мими и Лиза сбежали вниз, чтобы собрать тетям рулоны ткани, и помогли им их донести до самого верхнего этажа.

"Мы близнецы портнихи," - пояснили тети, и когда они открыли двери своей квартиры, то Лизе показалось, что они вошли в страну чудес.

В комнате было много тканей и полотен на любой вкус: они возвышались на полу, выглядывали из коробок, свисали с мебели и вешалок, длиннющие ленты и отрезы, готовые и недошитые платья и всякие-разные изделия из ткани, по которым так и хотелось провести пальцем. Мими уже уселась между тканями и изучала нежный легкий шелк, скользкий глянцевый атлас, приятный ворсистый бархат, тяжелую узорчатую парчу, мягонький душистый лён, рубчатый...

"Чик-чик!" - взялись тети за ножницы. От кусков ткани отлетали более мелкие куски, тети кроили из всех сил.

"Что это будет?" - поинтересовалась Лиза, но тети только пожали плечами:

"Мы пока не знаем. Это будет сюрприз."

Рулоны ткани размотались. Метры и метры полотна раскинулись, как широкая волнистая саванна. То тут, то там из нее прорастал пучок мелких и плотных кустарников-заплаток, вырастал могучий баобаб-молния или кружевная акация. Мими чувствовала запах палящего солнца и дуновение освежающего ветерка. Ключья сухой травы шуршали на ласковом ветру. В низкой траве пряталось и подстерегало что-то длинное. Только бы это был не питон, молила Мими. Вдруг из горы отрезов поднялись две длинных светло-коричневых шеи с рожками и подняли Мими и Лизу на рога: девочки теперь неслись по саване на жирафах из парчи. Лиза визжала от восторга, а Мими закрывала глаза еще сильнее, чем обычно. Ей было страшно ехать так быстро, но она была рада, что тот таинственный звук издавал не удав из веревки.

В середине зеленой равнины жирафы наклонили шеи, чтобы девочки могли с них соскользнуть. Но Лизе одного раза было недостаточно. Ей казалось, что это было лучшее развлечение на свете: фьюююх вниз по гладкой жирафьей шее, топ-топ вверх по взъерошенной гриве и снова фьюююх вниз. Но еще веселее было, когда ей удалось уговорить Мими прокатиться с ней. Мими сначала сомневалась, ведь как-никак жираф не горка, но в итоге скатилась с таким же восторгом, как и Лиза. Однако жирафы были не единственными животными, которые бегали по этой расшитой саванне. Вдали паслись зебры из холщовой ткани, со сшитых деревьев свисали вельветовые обезьяны, на холме возлегли льняные львы, неподалеку размахивали хоботами шерстяные слоны, и у каждого, действительно у каждого существа была своя пара.

«Прямо как в «Найди пару», - сказала Лиза.

«Все-таки у каждого должен быть друг», - протрубили шерстяные слоны и сцепились хоботами. Они размахивали ими так радостно, что девочки могли прыгать через них, как через скакалку, и качаться, как на качелях.

Но вдруг Мими и Лиза услышали грозное рычание. Кому-то или чему-то было не весело – совсем наоборот. Оно рычало так, как будто от злости хотело всех заглотить.

«Либо ему просто грустно, и оно плачет. Пойдем посмотрим», - Мими взяла Лизу за руку.

Лизе стало страшно. В африканской саване наверняка много опасных голодных хищников, которые точат зубы на маленьких девочек. Но Мими была уверена, что где-то неподалеку это что-то на самом деле жалобно плачет. Она прислушивалась к всхлипам и вздохам и вела Лизу через сухую траву, между колючими кустами и огромными баобабами, пока дорогу им не перегородила вода.

Девочки подошли к озерцу из тюля. В нем сидел одинокий махровый крокодил и плакал гигантскими слезами. Лиза украдкой на него взглянула. Он и правда выглядел очень расстроенным, но ведь крокодиловы слезы могут быть притворными. Лиза осторожно стояла на берегу озера.

«Что с тобой, крокодил?» - спросила Мими.

Она зашла в воду и ласково погладила его по спине. Крокодил зарыдал еще сильнее. Между вздохами и всхлипами он выдавил из себя:

«У всех здесь есть друг, с которым можно играть и разговаривать. Только я остался без пары, совсем один. Мне очень одиноко, я никому не нужен!»

«Не бойся, мы найдем тебе какого-нибудь друга», - уже снова самоуверенно сказала Лиза.

Девочки взяли крокодила под мышки и отправились искать ему друга. Но это оказалось не так легко, как это себе представляла Лиза. Это было даже гораздо тяжелее, чем себе это представляла Мими.

Милые слоники громко трубили и отбегали на безопасное расстояние, веселые шимпанзе на хлопковом баобабе раскричались от страха,

жирафы-горки неслись за горизонт, а от холщовых зебр не было ни слуху ни духу.

Крокодила все боялись. Одни только львы лениво валялись под солнышком и зевали зубастыми пастьями. Лиза просияла:

«Львы точно примут тебя к себе!»

Но крокодил застрялся от ужаса.

«Ну точно, они захотят съесть меня на ужин», - заныл он.

Мими и Лиза были в растерянности. Они не знали, как помочь крокодилу, кроме как ласково почесать его по махровой чешуе.

«У меня есть идея», - вдруг сказала Мими. «Тети-портнихи могли бы сшить крокодилу приятеля».

«Точно!» - повеселела Лиза. «Тети-портнихи! Тети-портнихи!! Хм, они что, меня не слышат?»

«Тети-портнихи, идите сюда, в савану, нам нужна ваша помощь!!!» - вместе закричали девочки так громко, как только могли.

Раздалось громкое ржание, и с неба с грохотом спустилась ретивая швейная машина. Тети-портнихи сидели у нее на спине, как настоящие ковбои.

«Тети-портнихи, вы не могли бы сшить этому махровому крокодилу друга? Посмотрите, какой он одинокий», - просили девочки.

Тети одновременно кивали головами. Потом они зашарили по большим карманам, и тут улыбки замерли на их лицах: на второго крокодила не хватало ткани. Махровый крокодил покорно вернулся в озеро и снова расплакался. Все старались его утешить, но им не удалось облегчить крокодилово горе. Мими тихо села неподалеку. Ловкими пальчиками она перебирала гору отрезков, перекладывала их вверх-вниз и что-то терпеливо из них складывала. Куски ткани чудесным образом превращались в чешую ящерицы, в руках у Мими росло какое-то существо.

Мими бережно ощупала свое творение. Ее пальцы говорили ей, что это мог бы быть весьма хороший крокодил, но для надежности она спросила Лизу: «Хмм, мог бы это быть...»

«Мими!» - закричала Лиза. «Да ведь это же настоящий крокодил!»

«И какой красивый», - любовался своим новым другом махровый крокодил. Но когда он попытался его дружелюбно обнять, тот развалился у него в лапах. Какая досада!

К счастью, здесь были тети-портнихи:

«Не бойся, мы сошьем тебе приятеля на раз-два».

Так и замелькали иглы в руках у тетей-портних. Мими и Лиза и глазом моргнуть не успели, как разноцветный крокодил был уже готов.

«Красивый, чудесный, забавный!» - хвалили они тетю.

Махровый крокодил радостно нырнул в озерцо вместе со своим новым другом. Девочки радовались, что он наконец-то нашел себе пару. Но пора было уже возвращаться домой. Мими и Лиза уселись за тетями на ржущую швейную машинку и поцокали на ней обратно в их квартиру. Девочки уже попрощались и стояли на пороге, когда Лиза кое-что вспомнила. Это был сюрприз для Мими, поэтому она потихоньку шепнула это тетям на ухо. Тети, улыбаясь, закивали головой, и вскоре Лиза уже сидела дома за столом и вырезала из кусочков ткани пары зверят и наклеивала их на квадратные карточки.

Когда Лизе снова захотелось поиграть в «Найди пару», Мими не могла поверить своим ушам. Лиза что, не помнила, что она не умеет играть в эту игру?

Но Лиза не принимала отказа. «Попробуем так», сказала она и завязала себе глаза платком. «Твоя очередь, Мими».

Мими скептически перевернула карточки. Я снова буду чувствовать только бумагу и больше ничего, говорила она про себя.

Но ее пальцы нащупали жирафа и... жирафа!

«Моя первая пара!» - обрадовалась Мими, а потом собрала их еще двадцать девять.

Зато Лизе не везло. С горем пополам ей удалось найти две пары. Вечером, лежа в кровати, она даже пожаловалась на это маме. Но она ласково потрепала ее по волосам и сказала, что ей кажется, что Лиза слишком гордая. Без Лизиной изобретательности Мими вообще никак не могла бы играть в эту игру. Лиза сквозь сон ответила, что она права, но все равно: только две пары!

Мими была в таком восторге от обновленной игры, что весь вечер рассказывала об этом папе. Он кивал и кивал головой, и только тогда, когда он укладывал Мими в кроватку, замер – «Найди пару»? Мими и правда говорит о той игре, в которой ищут пары? «Именно о ней», - захохотала Мими. «Пары, которые подходят друг другу. И в эту игру мы могли бы когда-нибудь сыграть и вместе».

Куда пропала тень?

Небо было лазурно-голубое.

Солнышко озаряло стены дома, где жили Мими и Лиза, оно бойко спускалось от верхнего этажа к первому. «Скоро оно своими теплыми лучами выметет все серые-пресерые углы в нашем дворе», радовалась Мими и уселась на качели напротив Лизы. «Ура, сегодня мы целый день можем быть на улице!» - радовалась Лиза и оттолкнулась ногами от земли. «Юххуу», смеялась Мими, когда взлетела высоко вверх, а Лиза на это воскликнула «гип-гип»!

«Доброе утро, девочки», - поздоровался с ними господин с лейкой в руках, который вдруг появился на балконе, полном цветов. Его балкон был единственным зеленым оазисом во всем пустом дворе. Дело в том, что этот господин был ботаником. «Ну что, качаетесь?»

«ДобРОЕутРОдядяТрАвКИН», - сказали Мими и Лиза, раскачиваясь.

«Качаемся!» - веселилась Мими.

«А вы поливаете?» - спросила Лиза.

«Поливаю, поливаю», - сказал дядя Травкин. «До того, как на балкон придет солнце. Ведь в такую жару...»

Но Лиза уже барахтала ногами высоко на землей, разгоняла стоячий воздух, но недолго, потому что Мими вдруг подпрыгнула, Лиза плюхнулась на землю айяйяй, Мими закричала ойойой, Лиза ааааа! Мими ууууу! и так они качались и летали вверх-вниз, вверх-вниз, вниз-вверх-вниз, у них уже мир скакал перед глазами, и Мими выдохнула ах! и Лиза вздохнула уф! и качели со скрипом остановились.

«Лиза, я уже не могу. Мне слишком жарко, как будто у меня горят волосы».

«И мне», - согласилась Лиза. «Жуткая жарница. Солнце, перестань уже!» Мими устало сползла с качелей. Под ней пылала выжженная потрескавшаяся земля. Ей не хватало дождя или воды из лейки дяди Травкина, но и кое-чего еще – чего-то, что было здесь утром, но куда-то улетучилось в течение дня.

«Куда пропала тень?» - вдруг вскрикнула Лиза.

Конечно, тень, поняла Мими. Та освежающая прохлада тени. Приятный холодок, который появляется под шумящим деревом.

«Но в нашем истоптанном дворе не растет ни травинки, какие уж там деревья», - задумчиво вздохнула Мими.

«Ты гений, Мими, - дерево!» - взвизгнула Лиза. «Давай сходим за ним!»

Мими была в полном смятении. О каком дереве говорит Лиза? И куда она ее снова тащит? Лиза обхватила Мими за пояс и приподняла ее.

«Хватайся за решетку и лезь», - приказала она.

Мими сопротивлялась:

«Куда лезь?»

«На балкон дяди Травкина!» - подгоняла ее Лиза.

«Зачем?» - не понимала Мими.

«Ну так дерево же!» - нетерпеливо фыркнула Лиза. «У дяди Травкина на балконе целые джунгли. Там растет и наше дерево, дающее тень».

Мими в ужасе висела на решетке балкона дяди Травкина.

«Лиза, я не могу просто так красть деревья!»

Но Лиза ей объяснила, что в таком лесу никто не заметит пропажу одного дерева, а вот их пугающе пустой двор оно превратит в свежий оазис. Они его только немножко пересадят.

Чуть-чуть. Мими неуверенно кивнула и начала лезть. Балкон дяди-ботаника Травкина утонул в бурной растительности. Мимины руки утонули в гуще листьев всевозможной формы и величины. Некоторые гладили ее по пальцам, другие щекотали, еще одни легонько кололи. Вьющиеся растения затаскивали Мими в копну одурманивающе пахнущей зелени. Мими сделала глубокий вдох и занырнула туда. На другой стороне зеленой горки на нее свалилась полная тишина, из которой вскоре выделились миллионы звуков. Триллионы ароматов и запахов смешивались с незаметным движением, которое пульсировало под оболочкой каждого растения. Может ли движение пахнуть? удивлялась Мими. На коже у нее подпрыгивали искорки – это ее покусывали маленькие букашки. Вокруг вздымались паутины-занавески, Мими откинула одну, отдернула другую и схватилась за третью. Она укололась об колючку, и проглотила парящее семечко, но неколебимо продолжала ползти вверх по густым лианам. Лианам, вспомнила Мими. Бесконечно длинным лианам. Запыхавшись, Мими села на какую-то грубую ветку. Лиза спустилась к ней на лиане как обезьяна.

«Лиза», - узнала ее по дыханию Мими. «Разве мы не должны уже быть там?»

«Но мы уже там», ответила Лиза.

«Но...» - задумалась Мими. «Ведь на балконах не растут такие огромные деревья. Где это мы?»

«Так в джунглях», - сказала Лиза так, как будто это была самая естественная вещь на свете. «Где-то здесь растет и наше дерево-тень».

«Здесь нет никаких деревьев, дающих тень», - прошептало что-то.

«ВАШШИХ деревьев здесь точно нет», - прошелестело что-то дальше, и оба голоса одновременно прошуршали: «Вы воришшки».

Мими вздрогнула. Что это было? Но Лиза не услышала ничего необычного, так что только пожала плечами и стала продвигаться дальше, вверх, к тяжелому куполу из крон деревьев. Но тут дорогу ей перегородили две ухмыляющиеся живые лианы и дружелюбно обвили ее вокруг плеч:

«Ну куда же вы, девочки?» - спросила первая, и прежде чем Лиза или Мими успели что-либо ответить, им уже советовала вторая: «Деревья, дающие тень, не растут в облаках, пойдемте с нами».

«Мы вам покажем дорогу», - присоединилась к ней первая.

«Верную дорогу», - добавила вторая, а первая подтолкнула Мими и Лизу обратно к ветке: «Вам туда».

Лиза обрадовалась. Как здорово, что в джунглях они сразу нашли себе друзей. С ними они легко найдут дерево-тень! Мими была в смятении. Те голоса, это точно были те же самые голоса, которые шуршали, что они воришшки. С чего бы вдруг они захотели им помочь?

«Лиза...» - раскрыла было Мими рот, но Лиза бойко последовала за лианами. Мими чувствовала под ногами, как ветка сужается и разветвляется – слабые ветви скоро не смогут их больше выдерживать.

«Лиза...» - громко позвала Мими, но Лизины уши слышали только сладкое убаюкивание лиан:

«Сюда, сюда, девочки, здесь растет ваше дерево-тень, вот туда, так, сюда-сюда, не бойтесь, доверьтесь нам».

Правая нога Мими провалилась сквозь толстый слой листьев, как сквозь тонкий лед на озере, и Мими пошатнуло.

«Здесь не безопасно», - хотелось крикнуть ей, но Лиза крепко схватила ее за руку и сказала:

Мими уже не успела подумать, потому что Лиза снова схватила ее за руку и потащила за ползучими лианами сквозь заросли и ветви, по и под повалившимися тлеющими стволами деревьев, по обросшим мхом камням, через болото и стаи пищащих комаров на какой-то островок посреди неприятно пахнущего, булькающего болота.

«Вот мы и здесь», - довольно заявили лианы. «Вот оно, ваше деревце».

Лиза похлопала дерево по толстому зеленому стволу:

«Какое оно мягкое».

Мими несмело дотронулась до дерева. Как будто она ткнула пальцем в гигантский холодец.

«Квак», - сказала желеобразное дерево.

«Лиза, это не дерево!» - уверенно сказала Мими. «Это огромная...»

«А ты откуда так хорошо разбираешься в деревьях наших джунглей?» - фыркнула первая лиана.

«В наших деревьях наших джунглей», - добавила вторая так ехидно, что у Лизы ёкнуло сердце. Кому доверять? Чутью Мими или новым подружкам?

Лианы поняли, что проговорились. Они приникли к Лизе и начали сладко ей напевать:

«Конечно же, ваше дерево-тень здесь. Мы пообещали, что приведем вас к нему, вот он здесь и есть. Оно такое... особенное».

Лиза щупала раздувающийся ствол.

«Ну да, это может быть каучуковое дерево. Или дерево из жвачек», - неуверенно предположила она.

«Дерева из жвачек не существует, Лиза», - сказала Мими.

Вдруг из этого растянутого дерева вылетел длиннющий красный отросток. Девочки не успели опомниться, как уже прилипли к нему, как мухи. Отросток поднялся вверх. Лиза увидела перед собой два выпученных глаза и гигантскую жабью морду. Сзади нее пританцовывали хохочущие лианы:

«Ошибка вышла, девочки, это мухоловка».

«Или по-другому – жаба».

«И она любит мясо. Она всегда рада полакомиться любопытными девчонками!»

Мими и Лиза стояли на липком жабьем языке, трясаясь от страха. Лианы издевательски крутились вокруг них.

«В жабьем желудке вам перехочется красть деревья из наших джунглей, вы...злодейки. Воришки вы вредные!»

«Предательницы! Коварные!» - разозлилась Лиза.

«Неужели это конец нашего похода, Лиза?» - зашептала бледная Мими.

Лиза крепко обняла Мими.

«Потому что я тебя не слушала, Мими».

Мими хотела сказать Лизе, что это ничего страшного, но у нее встал ком в горле, и она просто тихо ее обняла. «Ох, как трогательно», - лианы вытирали крокодиловы слезы. «А теперь – быстренько жабке в брюшко! Время обеда».

Это вывело Лизу из себя. Какие мерзавки! Нужно что-то придумать, не дать сожрать свою настоящую подругу. Лиза схватила гнусных лиан за шеи и завязала их большим узлом. Лианы злобно шипели и извивались как клубок змей, но Лиза не испугалась: она запихнула барахтающийся шар жабе в глотку. Жаба скривила пасть, к растительной пище она не привыкла. Она хотела было выплюнуть противную еду, но барахтающиеся лианы застряли у нее в глотке.

«Хрк-хрк», - хрипела жаба. Она задыхалась. Мими и Лиза опомнились, соскочили с жабьего языка и убежали прочь так быстро, что у них запутались ноги, и они упали на мягкую траву. Лиза вздохнула:

«Мы никогда не найдем дерево-тень».

«Тсс!» - прошептала Мими. «Мне кажется, я его слышу».

Лиза вытаращила на нее глаза.

«Как ты можешь слышать дерево?»

«Я слышу, как оно дружелюбно шумит. Наверное, оно делает тень», - улыбнулась Мими.

На лужайке посреди леса стояло дерево-тень.

«Ничего себе, какое оно огромное!» - воскликнула Лиза и обняла могучий ствол. Мими приложила к нему ухо и слушала, как оно дышит.

Вдруг что-то зловеще зашипело, и с зеленой кроны спустились две старые знакомые – коварные лианы. После вынужденного визита в желудок жабы они были все пожеванные и поломанные, а поэтому еще более злые. Сипя, они обмотались вокруг Мими и Лизы, их глаза мстительно поблескивали.

Ну вот теперь уже точно конец, подумала Мими. Но внезапно пошел дождь. Лианы улетели вверх, как будто их туда подняла какая-то невидимая рука.

«А вы две что здесь делаете?» - удивленно спросил чей-то голос.

Это был дядя Травкин, который в одной руке держал обвисшие лианы, а во второй – лейку, полную воды.

Промокшие до нитки Мими и Лиза ёжились в углу его цветущего балкона, а в руках у них был цветочный горшок с маленьким деревцем.

Мими стыдливо потупила глаза. Они хотели украсть дядино дерево-тень. Но Лиза сразу же начала бойко объяснять, что во дворе вообще невозможно играть, потому что там нет ни одного тенежка, так что им действительно очень-очень нужно дерево, которое бы отбрасывало тень. Сами ведь понимаете, в такую жару... Дядя Травкин довольно качал головой.

«Мое деревце вам не поможет, но вы можете попробовать вот это», - сказал он и вытащил из кармана своего комбинезона косточку.

Лиза недоверчиво посмотрела на него. От этой малюсенькой косточки тени хватило бы разве только муравью. Но Мими взяла косточку в ладошку и приложила ее к уху:

«Она живая. Она шумит так громко, как и наше дерево-тень».

«Еще бы», - кивнул дядя Травкин. «Попробуйте ее посадить».

Лиза выкопала посреди двора ямку, а Мими положила в нее косточку. Они вместе ее закопали и полили.

«Мими, но ведь пройдет целая вечность, пока вырастет дерево-тень», - осенило Лизу.

Мими покачала головой. Она уже слышала, как через твердую обложку косточки пробивается побег. Через минуту он уже пробился к свету и рос так быстро, что шатер его развесистой кроны вскоре накрыл выжженный двор. Благодатная тень ослабила зной, увлажнила землю. Мими и Лиза бросились к качелям. И пока они качались, из карманов платьев у них вылетали семена чудесных растений, которые залетели туда в старом лесу. Серый двор зазеленел, расцвел всеми цветами радуги и еще какими-то в придачу. Мими и Лиза, смеясь, качались в бурных шумящих джунглях, вокруг жужжали насекомые и чирикали птички. Дерево нужно было, конечно, регулярно поливать, чтобы оно не засохло. Потому что без дерева не было бы освежающей тени у них во дворе. Все это Лиза объясняла маме, когда вечером она укладывала ее спать. Но вскоре глазки у нее начали потихоньку закрываться, а ее уставший голос пропал в шуме вентилятора. Ведь в такую жару...

Мими снова описала папе все те чудесные ароматы, которыми теперь благоухал их двор. Прямо как в джунглях. Папе казалось, что он плохо расслышал. Наверное, Мими имела в виду сад. Но нет. Мими говорила не о саде, а о больших диких джунглях.

Агент Витамин

«Тоска зеленая», - пробормотала Лиза, прислонившись носом к окну. «В такую погоду вообще нечем заняться. Только болеть».

Мими сидела на подоконнике и тихо смеялась.

Как будто она Лизу вообще не слышала!

«Мими!» - прокашляла Лиза.

Мими вопросительно посмотрела на Лизу своими закрытыми глазами.

«Я сказала, что дождь – это такая скука», - жаловалась Лиза, чихая, и поднесла ко рту конфету. «Будешь? Апельсиновая». Мими легонько покачала головой.

«Конфета? Нет, спасибо. Папа мне очистил настоящий апельсин. В нем полно витаминов. Они хорошо борются с болезнями».

Лиза поморщила нос. Апельсины кислые, и от них руки липкие. А вот конфета... Но Мими ее уже не слушала.

Она слушала дождь.

«Дождь – это музыка. Капля за каплей. Послушай».

Лиза напрягла слух, хотя была уверена, что услышит только скучное капание. Но это было не так. Дождь пел высоким кристальным голосом:

«Я пою под дождем, и все счастливы».

«И правда, Мими!» - воскликнула Лиза. «Дождь поет, что он...поет под дождем», - растерянно закончила она фразу.

«Это поет не дождь, а кто-то в нашем доме», - сказала Мими.

Лиза сразу зарядилась энергией. Таинственный певец спас этот скучный сырой день! Нужно немедленно пойти разузнать, на каком этаже он живет, и попытаться с ним познакомиться. Потом Лиза и Мими будут сидеть в его квартире, слушать прекрасное человеческое пение вместо нудного капания дождя и пожевывать при этом конфеты. Блестящий план, вот только Мими слезла бы, наконец, с подоконника.

Лиза нетерпеливо побежала вниз по ступенькам. Затаив дыхание, она прислонялась к каждой двери и прислушивалась, не оттуда ли раздается эта прекрасная песня. Мими между тем медленно и верно шла к правильной двери. Лиза кинулась к звонку.

«Динь-дон!»

Дверь открыла пухлая дама в длинном парчовом халате. Она удивленно посмотрела на девочек и сказала:

«Да?»

Лиза аж задыхалась от оживления.

«Тетя, это вы так красиво поете?»

Было видно, что даме это очень польстило. Она наклонила голову и защебетала:

«Да, да, да. Это я, Мелания Певцова. Тралалалалала! Проходите же, девочки».

Мими и Лиза последовали за дамой в квартиру. В ней было много мягких ковров и высоких пюпитров с нотами, на стенах висели афиши, фотографии и портреты тети Мелании. На всех картинах у тети Мелании был широко открыт рот и она была одета в потрясающие платья.

«Тетя, вы принцесса?» - спросила Лиза, вытаращив глаза.

Тетя Мелания залилась певучим смехом.

«Хахахахаха! Я певица, девочки. Вокальный диапазон в семь октав. Критики мной не нахвалятся. Они утверждают, что у меня в горле – чистое золото», - скромно улыбнулась она.

«Сегодня у меня премьера. Конечно, это будет блистательный успех, но я хочу еще немного поупражняться».

Тетя Мелания встала перед Мими и Лизой, как перед публикой на премьере, сложила мягкие руки на мощной груди и с воодушевлением запела. По крайней мере, хотела запеть. В горле у нее что-то запнулось, и вместо дивной трели из ее уст вылетел только жалкий хрип.

«У вас там что-то скрипит», - приложила Мими ухо к груди тети Мелании.

Тетя Мелания драматично развела руками и в тоске упала на диван. От ужаса у нее выступил пот на лбу. Трагически вздохнув, тетя вытерла его рукавом и проговорила хриплым голосом:

«Это будет конец моей карьеры. Если сегодня вечером я не буду петь».

«Так что это скрипит?» - выводывала Лиза, но не дождалась ответа. Мелания Певцова лишилась чувств. Ее рот остался раскрытым в трагическом ААААх.

Мими беспомощно топталась у ее неподвижного тела.

«Мы должны как-то помочь тете Мелании».

«Нам нужно залезть ей в горло и посмотреть, что не так», - решительно заявила Лиза и спокойно добавила:

«К счастью, у нее достаточно большой рот».

Это правда, подумала Мими, иначе бы в него не поместилось семь октав. Но два живых семилетних ребенка туда однозначно не влезут.

«Ну почему же. Семерка – счастливое число», - поспорила Лиза. «Мы только немного уменьшимся».

Мими скептически крутила головой, но когда Лиза позвала ее произносить уменьшающее заклинание вместе с ней, она тут же присоединилась:

нормальные, все еще большие, меньше, маленькие, малюсенькие, крохотные, мизерные.

«Пойдем», - заявила Лиза. Мими сглотнула и неуверенно шагнула вперед. Она сразу же споткнулась о какой-то твердый острый порог.

«Мы только что преодолели зубной забор», - Лиза подняла подругу на ноги.

«Так мы и в самом деле...» - не могла поверить Мими.

«Именно там», - подтвердила Лиза. «В горле тети Мелании».

Горло Мелании Певцовой выглядело как пещера или как тайная подземная галерея, которая по несчастливой случайности обросла плесенью. Вдобавок в нем валялся всякий мусор, о который Мими постоянно спотыкалась. Хоть бы Лиза не бежала так быстро! – подумала Мими и ускорила шаг. Внезапно она ударилась головой обо что-то твердое, гулкое и очень болезненное.

«Ура, Мими, ты молодец, ты его нашла!» - радовалась Лиза. Мими потирала ушибленный лоб. Она вообще не понимала, что это она нашла. И что Лиза вообще искала?

«Вот голосовод. Вот это такие трубы, по которым голос идет из легких до рта. Примерно как батарея», - объясняла Лиза. «Теперь нужно только найти центральный выключатель, и готово. Тетя Мелания снова будет распевать, как соловей».

Мими держалась за голосоводную трубу, как за поручень в трамвае и нащупывала центральный выключатель. Она не была до конца уверена,

должна это была быть кнопка, рычаг или кран, но она решила терпеливо обследовать каждый миллиметр трубопровода. Но в таком грохоте, который сразу подняла Лиза, она вообще не могла сосредоточиться.

«БУМ-буМММ-ПАТАТА-ПАТАТА-РРРах-РРРах-кРРРах-буммм-буМММ-КРРРах-кРРРах!»

«ЛИЗА!» - закричала на нее Мими.

«Это не я», - оправдывалась Лиза. «Это раздается из того переплетения голосоводных труб».

Мими прислушалась. Звук действительно исходил не от Лизы. Но это бы значило, что...

«Ты думаешь, здесь кто-то есть?» - настороженно прошептала Мими.

«Я сбегая посмотреть», - беззаботно сказала Лиза и скрылась в лабиринте из труб. Мими тревожно сжала кулаки. Она так и не успела сказать Лизе, чтобы та была осторожна. Этот кто-то может быть весьма небезопасен. Это может оказаться каким-то страшилищем или диким зверем, или ужасным приведением.

«Там какой-то зеленый человечек», - сообщила Лиза. «Уселся прямо у центрального выключателя голосовода и бьет по трубам, как бешеный!»

«Зеленый человечек?» - удивилась Мими. «Может быть, это он виноват в болезни тети Мелании? Кажется, что это ...»

«Он кажется забавным», - продолжала свой отчет Лиза.

Шум вдруг затих. Зеленый человечек обиженно выскочил из лабиринта голосоводных труб.

«Что, простите? Я шеф команды Гриппа, известный певец Лорд Вирус, мультимузыкант».

Вирус гриппа! Именно этого Мими и боялась. Вирус подтянул кожаные штаны, потопал ногами в изношенных ковбойских сапогах и низко поклонился. Он ненадолго замер в поклоне, и когда девочки ему не зааплодировали, он зааплодировал себе сам и добавил к этому еще соло на ударных (несколько ударов по ржавому ведру) и игру на погнутом фаготе. Потом он довольно постучал по голосоводной трубе.

«Сейчас я устрою настоящий хриплый концерт. Уже давно было пора, от чистых тонов этой тетки мне было дурно», - сказал Вирус с отвращением и накрепко закрыл поток голоса тети Мелании.

Лиза была возмущена. Какой-то гадкий грязный человечек влез тете Мелании в горло и хулиганит, как будто он у себя дома!

«Отпустите этот голос! Тетя Мелания – знаменитая певица, и сегодня вечером у нее премьеры», - пропыхтела она.

«Премьера», - шепотом поправила ее Мими.

«Какая разница. В любом случае ей нужно будет вернуть голос обратно», - решительно заявила Лиза.

Вирус развалился в куче своих старых инструментов и, прищурясь, уставился на девочек.

«Ну хорошо», - наконец согласился он. «Но сначала вы со мной потанцуете. Хотя я и умею играть на всех инструментах лучше всех на свете, но не одновременно. Пока что. Мне нужны хоть какие-нибудь музыканты, пусть и сравнятся со мной в таланте они, конечно же, не смогут».

Он расхохотался и всучил обеим девочкам в руки погнутые трубы, а сам схватился за пробитый саксофон. Звуки, которые издавали инструменты, напоминали скорее рев простуженного слона, чем музыку. У Мими чуть уши не лопнули.

«Хватит! Теперь отпустите бедный голос».

Вирус немного поколебался. Потом он придумал, что сначала все трое как следует побарабанят, и бросил Мими и Лизе по ржавой кастрюле.

«Как будем барабанить, еще и запоем, хорошо, барышни?» - и начал так пронзительно кричать, что с ним не смог бы сравниться даже самый разъяренный павиан. «А эти крутые звуковые эффекты!» - орал Вирус, скрипя гвоздем по кастрюлям. У Мими и Лизы по спине забегали мурашки.

«Теперь отпустите голос тети Мелании!» - решительно приказала Мими.

«И немедленно уходите отсюда! Этот гам невозможно слушать», - закричала Лиза прямо в лицо Вирусу и выбила у него из руки гвоздь. Вирус позеленел от злости. Вот это наглость! Какая-то малявка позволяет себе критиковать его, великого Вируса. Он схватил большую старую кастрюлю для консервации и набросил ее на Лизу.

«Беги, Мими! Спасайся!» - успела крикнуть Лиза, перед тем как Вирус захлопнул ее кастрюлей.

«Я вытащу тебя оттуда, Лиза!» - пообещала Мими и побежала изо всех сил. Она спотыкалась о металлолом и мусор, которые Вирус принес в горло тети Мелании, ударялась головой обо всякие заглушки на голосоводе. К счастью, Мими быстро осознала, что голосоводные трубы помогут ей вылезти из лабиринта горла тети Мелании. Держась за главную трубу, она поднималась вверх по крутой горе. Вдруг все вокруг затряслось, Мими упала с трубопровода, пару раз кувыркнулась, и сильная ударная волна вынесла ее в простывшее горло певицы. Тетя Мелания выкашляла Мими на низкий столик, прямо к миске с фруктами.

«Тетя Мелания, покашляйте еще разочек, Лиза осталась внутри», - попросила Мими.

Тетя Мелания побледнела от ужаса, чуть снова не потеряла сознание.

«Не могу, золотце. Так я совсем потеряю голос. Ах, мой дорогой любимый голос», - сказала она дрожащим голосом со слезами на глазах. Мими печально сидела среди фруктов. Вдруг ее окутал их чудесный аромат.

«Свежие апельсины, кислые лимоны, сладкие яблоки, сочные груши. Столько витаминов», - призадумалась Мими. «Точно, витаминов! Витамины лучше всех побеждают болезни!»

Как только она это сказала, из горы фруктов задул ветер, и из-за яблок вынырнул апельсиновый вертолет. Внутри сидел натренированный спасатель, полный здоровья:

«Меня кто-то звал? Я Агент Витамин».

«Агент Витамин? Знаменитый борец с болезнями?» - недоверчиво спросила Мими.

«Ну конечно, кто же еще?» - бодро засмеялся Витамин. «Но хватит уже слов, в критических случаях нельзя терять ни минуты!»

Мими быстро запрыгнула в кабину к Агенту Витамину и объяснила ему сложившуюся ситуацию. Как Лорд Вирус залез в горло тети Мелании, закрыл ей голосовод и накрыл Лизу ржавой кастрюлей. Вдобавок у тети Мелании сегодня премьера! Агент Витамин только махнул рукой и велел певице широко открыть рот. Мелания Певцова перепуганно захлопала глазами, но послушно открыла рот, как большие ворота. Агент Витамин уверенно направил вертолет через них до самого горла.

«Тут довольно грязно, но это ничего. Сперва мы тут немного пропылесосим витамином В12. Это хорошенько ослабит Вируса», - объяснил Витамин и спустил с вертолета длиннющие всасывающие шланги.

Мими немного испугалась. Лишь бы Витамин случайно не засосал и Лизу! Боевой настрой Витамина был невероятен. Острым взором он изучил темные закоулки горла тети Мелании. Когда он наконец обнаружил Вирус, он радостно просиял.

«Сейчас мы этого хулигана разбомбим витамином С. Он бросится бежать, как от огня!»

Агент Витамин начал сбрасывать с вертолета суперсильные витаминные бомбы. Вирус растерял всю свою самоуверенность и, перепуганный, залез на центральный выключатель голосовода. Но он не заметил, что Лизе удалось выбраться из-под кастрюли. Мими сразу же услышала крик своей подружки и спустила ей с вертолета веревочную лестницу.

Мими и Лиза радостно обнялись и вместе с Витамином продолжили бомбардировку Вируса. Тот уворачивался изо всех сил, но перед оздоравливающими эффектами супервитамина С у него не было никаких

шансов на спасение, и вместе с последним приступом кашля он вылетел из горла тети Мелании. Он упал прямо среди ненавистных фруктов и вдобавок разодрал свои шикарные кожаные штаны! Разбитый и пристыженный, он с голым задом уполз назад в дождь – чихать на следующую жертву, которую можно заразить.

Мими и Лиза все еще возились с защемленным замком голосовода тети Мелании. Но у них уже не хватало сил.

„Покажите, для меня это будет пустяк!» - воскликнул Агент Витамин и гордо продемонстрировал девочкам свои гигантские мышцы. Он открыл замок мизинцем левой руки, и кристальный голос тети Мелании снова зажурчал чисто.

«Ничего себе», - восхищенно сказала Лиза. «Я обещаю, что с сегодняшнего дня буду есть и настоящие витамины. Не только конфетные».

По случаю торжественной премьеры оперной дивы Мелании Певцовой, либо просто тети Мелании, девочки все же съели еще несколько конфет и даже по куску торта и выпили по стакану апельсинового лимонада. Вечером, лежа в кроватке, Лиза серьезно заявила маме, что конфеты хоть и сладкие, но вредные, и что завтра они могли бы приготовить настоящую витаминную бомбу. Маму это очень обрадовало и развеселило. Им нужно будет только быть осторожными, чтобы не поднять на воздух весь дом.

В голове у Мими постоянно звучала чудесная песня о дожде. Тетя Мелания потрясающе спела ее, стоя на сцене и вертя в руках оранжевый зонтик. Вот бы только Мими вспомнила, как называется эта песенка. Может, папа знает? Он, конечно же, решил, что Мими говорит о песенке «Дождик, дождик»¹². Хм. Мими имела в виду песенку, в которой поется, что она поется в дождь. Папа, наконец, понял и в тот вечер пел Мими чудную колыбельную:

¹² Популярная детская словацкая песня.

«Я пою в дождь,
что я счастлив с Мими».

Невидимая рыба

«Одiiiiин...дваа...три...четыре
пятьшестьсемьвосемьдвятьдствяидууууууууууу!» - закричала Лиза и открыла глаза. Она запросто найдет Мими, ведь во дворе есть всего лишь пару мест, где можно спрятаться. Например, за контейнерами, подумала Лиза и посмотрела за мусорными баками. Но Мими там не было. Тогда она точно на корточках под лестницей, была уверена Лиза. Но Мими не было и там. Ну тогда в нише под балконом дяди Травкина. Но и там Мими не было. Лиза проверила все три места еще раз. Пусто. Лиза ходила туда-сюда по пустому двору и так усердно думала, что у нее из головы пошел пар. Куда же Мими могла так спрятаться?

Вдруг что-то зашумело, грохнуло и зарычало: «Аааа, Лиза!»

Из-за контейнеров выскочила Мими. Лиза подскочила от страха.

«Мими, этого не может быть, я там смотрела сто раз, и тебя там не было!»

«А вот и была», - захохотала Мими. Только Лиза ее не видела, хотя и смотрела широко открытыми глазами прямо на нее. Мими чувствовала даже ее дыхание, и от напряжения обгрызла себе ноготь на большом пальце правой руки. Но Лиза ее не увидела.

«Ты что, невидимая?» - пробормотала Лиза. У нее в голове не укладывалось, как она могла не заметить Мими. Ведь у нее отличное зрение. Но пусть Мими не надеется, она сейчас спрячется так, что та ее никогда в жизни не найдет! Смеясь, Лиза залезла в контейнер для бумаги. Мими спокойно досчитала до десяти и отправилась искать Лизу. Она потихоньку шагала по двору, останавливалась там-сям, как будто вслушивалась во что-то, а потом бросилась вперед и решительно подняла крышку контейнера.

«Я тебя нашла, Лиза!»

Лиза обиделась. Она придумала лучший тайник на свете, совершенно новый. Как Мими смогла найти ее так быстро? Она шла так уверенно, как будто подглядывала, пока считала, зажмурившись.

Но Мими ведь все равно не видит, опешила Лиза.

«Ты так смеялась, что трясся весь мусор. И ты так рылась в бумаге, как ежик в осенних листьях. Шуршала», - объяснила Мими. «И потом я знала, что ты захочешь меня обыграть».

«Получается», - встрепелась Лиза, «что ты меня нашла, потому что я придумала СЛИШКОМ ХОРОШЕЕ МЕСТО?»

«Мммм...», - сказала Мими и кивнула.

«Урааа!», - порадовалась Лиза, но в прятки ей играть уже не хотелось. Мими снова бы выиграла. Все время бы выигрывала. Нужно придумать какую-то новую игру или приключение, что-нибудь такое, особенное. Вдруг из ворот вынырнула тетя Рыбакова с каким-то мешочком в руке. Она несла его осторожно, как самое ценное сокровище на свете.

«Тетя-тетя, что это у вас такое?» - вскочила Лиза, таща Мими за собой. Тетя Рыбакова слегка вздрогнула от неожиданности, но потом у нее на лице засияла радостная улыбка.

«Рыбка, девочки, рыбка».

«Ничего себе, какая красивая», - любовалась ей Лиза. «Желтая, как одуванчик».

Мими взяла мешочек в руки. Рыбка махнула хвостом, и вода в Миминых руках пошла волнами.

«Как она здорово колышется!» - взвизгнула Мими.

«Да, да», - закивала тетя Рыбакова и наклонилась к Мими и Лизе. «А еще, девочки, а еще эта рыбка волшебная».

«Волшебная?» - в один голос выпалили Мими и Лиза.

«Именно так», - загадочно шепнула тетя Рыбакова.

«Когда ей страшно, она становится невидимой».

«А не будет ей одной у вас грустно?» - испугалась Мими.

Тетя Рыбакова рассмеялась тихим булькающим смехом. Нет, нет, нет, нет, у нее рыбке точно не будет одиноко. Если девочки хотят, то они могут пойти посмотреть на ее маленькое водное королевство.

Как только Мими и Лиза вошли в квартиру тети Рыбаковой, им стало ясно, что они действительно очутились в водном королевстве. Но не в маленьком. Посмотрев на гигантский аквариум, который занимал почти всю комнату, Лиза раскрыла рот от удивления. Мими казалось, будто над широкой гладью воды дул свежий ветерок. Мими подставила ему лицо. Носом она почувствовала тонкий запах соли. Прямо как у моря!

В аквариуме резвилась стайка шустрых красных рыбок. Они кружили пируэты и творили фигуры на любой вкус.

«Как красиво они вместе танцуют!» - любовалась ими Лиза.

«Да, да. Они очень милые. И дружелюбные» - тараторила тетя Рыбакова, развязывая мешочек с драгоценной рыбой.

«А теперь мы отпустим тебя, рыбка моя, к подружкам. Хлюп туда!»

Желтая рыба довольно поплыла к красной стайке.

Но та встала в строй. Рыба возле рыбы, все выпрямившись, как на воинском смотре.

«О, посмотрите, как здорово они ее встречают!» - восхищалась тетя Рыбакова.

Лиза не была в этом так уверена. Ей, скорее, показалось, что красные рыбки окружили пришелицу и злобно махали на нее плавниками. Но Тетя Рыбакова была убеждена, что они всего лишь ее целуют и приветствуют. Какой благородный жест! А как чудесно они представились новой подружке:

«Мы красные рыбки без единой ошибки. А ты что такое, желток?»

«О, как они с ней шутят», - восхищалась тетя Рыбакова. Но Лизе так не показалось. Так не показалось и желтой рыбе, которая начала растерянно пятиться перед стаей. Тетя Рыбакова с улыбкой смотрела, как красная стая быстро плыла вслед за строптивой желтой рыбой. Они придумали для нее новую веселую игру, радовалась тетя.

«Но тетя!» - вскрикнула Лиза. «Ведь они ее...»

«Тсс!» - сказала Мими. «Послушайте».

Из аквариума отчетливо раздался насмешливый писк.

«Ты такая уродливая! Желтая бедняжка. Что ты сюда лезешь, мы не хотим тебя здесь!»

Красные рыбы набросились на желтую рыбу, как торпеды. Та плыла изо всех сил, быстро махала хвостом, извивалась, извивалась и ... бледнела. Тетя Рыбакова заломила руки от отчаяния. С ее глаз свисали две крупные капли соленой воды. Мими припала к аквариуму, как будто так она могла помочь рыбке. Лиза испуганно кричала:

«Она совсем исчезла! Мими, ты должна ее спасти, у тебя получится! Ты ведь видишь и невидимые вещи».

«Но я ведь ничего не слышу через стекло», - хныкала Мими.

«Тогда нам нужно нырнуть за ней», - заявила Лиза.

«Но я...» - возразила Мими.

Плачущая тетя Рыбарикова грустно погладила Мими по волосам:

«Бедная рыбка».

Действительно, бедная рыбка, подумала Мими. И бедная тетя.

«Пойдем, Лиза», - сказала Мими так решительно, что Лиза чувствовала за нее гордость.

Девочки забрались на приступку, с которой тетя Рыбакова кормила своих рыбок. Это было так высоко, что с них тетя Рыбакова казалось маленькой, как... хм, красная рыбка, подумала Лиза. Мими села на край гигантского аквариума и решительно окунула ноги в воду.

«Маши и плечи ими как следует» - посоветовала ей Лиза.

Мими улыбнулась. Вода была приятно мокрой.

«Лиза», - осмелилась заговорить Мими. «Я не умею плавать».

«Если честно, то я тоже», - успокаивала ее Лиза. «Но в сказках это никому не мешает. Нырнем в воду и будем махать руками и ногами, как лягушки. А изо рта у нас пойдут пузырьки».

Мими неуверенно кивнула. Лиза схватила ее за руку: «На старт, внимание, плюх!». Мими парила между водорослями. Она раскинула ноги и руки, как лягушка, а вода их плавно поднимала. Мими аккуратно ими двигала. Она чувствовала, как ее начали подбрасывать невидимые волны. Мими потихоньку выпустила воздух изо рта. Пузырики защекотали ей лицо.

«Ой, щекотно!» - ойкнула Мими, смеясь.

«А вот так?»

Лиза набрала в рот воды и обрызгала ей Мими прямо в лоб.

«Ты кит!» - рассмеялась Мими и пустила Лизе в лицо облако-пузырь.

«Давай, Мими, пойдём искать ту невидимую рыбу», - Лиза слегка подтолкнула Мими вперед. Обе девочки плавали, как дельфины. В полумраке водорослей притаилась группка красных рыб, а во тьме под камнем их подстерегала целая стая. Откуда-то сзади приближалось гигантское облако бордового цвета. Мими и Лиза были окружены. Стройные ряды красных рыб остановились на безопасном расстоянии от девочек и недоверчиво смотрели на них. Потом они взяли плавниками за брюшко и расхохотались:

«Та желтая еще была куда ни шло, а это что за чудища? Вместо плавников какие-то странные отростки. А головы! Они вообще не блестят! Как так? Таким чудовищам не стыдно плавать в нашей воде?»

«Послушайте, вы... Вы что, никогда не видели никого другого, кто бы не был красной рыбой?» - Лизу подбросило от возмущения.

Но Мими осталась невозмутимой.

«В мире есть место для разных существ. Некоторые живут на суше, а некоторые – в море. Одни летают, другие бегают, кто-то ползает, а кто-то плавает», - терпеливо объяснила она рыбкам. Рыбки молчали. А Мими начала перечислять. Под беглым касанием ее пальчика рыбки меняли выражение лица.

«Есть маленькие рыбы и рыбы большие. Дельфины и киты. Морские змеи, звезды и коньки. Медузы и осьминоги. Рыбы с усами, с иглами и с фонариками».

«И еще с присосками и ногами. Я их видела в зоопарке», - похвасталась Лиза.

Мими продолжала:

«На суше растут деревья и цветы, там бегают животные и дети, а в небе летают птицы».

От удивления рыбки зачирикали, как стая ласточек.

«Правда? Серьезно? Мы этого не видели. Мы думали, что все существа одинаковые. Что все ДОЛЖНЫ быть одинаковыми».

Рыбки затихли и призадумались. Они кое-что поняли, и им стало стыдно. Они сокрушенно склонили головы.

«Вам бы нужно попросить прощения у желтой рыбы», - сказала Лиза.

«Но сначала нам нужно ее найти», - напомнила Мими.

Стая красных рыб разбежалась во все стороны.

«Желтая рыба! Желтая рыба, где ты? Желтая рыба, теперь можно не бояться!»

Лиза пробиралась через заросли водорослей:

«Рыбка, теперь тебе не нужно быть невидимкой!»

Но рыбка-невидимка так и не объявилась. Как ее найти в этом море воды? Мими растерянно плыла под водой. Ее поднимали течения, которые устроили в воде рыбки, плавающие вдоль и поперек. Ну конечно! «Стоп!» - воскликнула Мими.

Красные рыбы и Лиза остановились в недоумении.

«Стоп», - решительно повторила Мими. «Рыбку-невидимку мы сможем найти не глазами, а чутьем. Вода вокруг нее движется не так, как вокруг вас или вокруг нас. Нам просто нужно быть внимательными и не колыхать воду слишком сильно».

Красные рыбы замерли в одно мгновение ока. Мими и Лиза взялись за руки и начали искать особое колебание волшебной рыбы.

Мими случайно почувствовала мелкую вибрацию и широко улыбнулась. Лиза изумленно воскликнула:

«Я вижу рыбку-невидимку!»

«А я ее чувствую», - Мими погладила волны. «Иди сюда, рыбка, теперь ты можешь не бояться».

Стая красных рыбок смущенно приблизилась.

«Извини, желтая рыба. Это было глупо с нашей стороны. Это хорошо, что ты другая».

Невидимое существо посередине плавного колебания начало постепенно набирать цвет. Красные рыбы ликовали. Весело, как карусель, они крутились вокруг новой подружки, расстилались под ней ковром и подбрасывали ее, как на трамплине. Желтая рыба радостно закружилась и хвостом создавала волны, под которые пустилась в пляс вся развеселившаяся стая красных рыбок. Когда Мими и Лиза выкарабкались из аквариума, тетя Рыбакова растроганно показывала им пальцем на то, как красные рыбки плавниками целовали большую желтую рыбу.

Несмотря на приключение с рыбкой-невидимкой, вечером Лизе в кровати было все еще досадно, что во время игры в прятки она не заметила Мими за мусорными контейнерами, хотя она как следует там все осмотрела как минимум сто раз. Мими точно стала невидимкой, как та рыба, думала Лиза. Но для надежности она спросила маму, могла бы Мими быть волшебницей. Мама предположила, что да – быть волшебницей очень здорово. Но гораздо сложнее видеть невидимые вещи. Лизе стало грустно. Этого она не умеет. И Мими за контейнерами она не заметила, хотя Мими смотрела на нее во все глаза. «Но ведь ты рыбку ты все-таки видела, да?» - уточнила мама. Лиза кивнула. «Вот видишь, сегодня ты научилась видеть невидимые вещи», - сказала мама, и довольная Лиза погрузилась в невидимые сны.

Вечером перед сном Мими с надеждой спросила у папы, могли бы они когда-нибудь съездить на море. Папа погладил себе бороду и сказал, что могли бы. Но не сейчас. Попозже, летом. Радостная Мими зевнула и

заявила, что до тех пор будет плавать хотя бы в аквариуме. Папа от удивления вытаращил глаза, к счастью, его очки крепко сидели у него на переносице. В аквариуме, хотел удивиться он вслух, но потом вспомнил, что Мими не умеет плавать. Он растерянно запнулся. Но Мими уже спала, как будто ее окунули в воду.

Рождество

Лиза с мамой, запыхавшись, ползли вверх по лестнице.

«А вафли у нас есть?» - проверяла Лиза.

«Есть», - заверила ее мама.

«А мед, мед тоже есть?»

«Есть»

«А конфетки?»

«И конфетки есть», - терпеливо ответила мама. «И еще карп, фрукты, морожение и свечи. У нас есть всеееееее...» - ни с того ни с сего мама начала петь, как тетя Мелания, то есть, конечно, не так красиво, честно говоря, это больше походило на вой сирены. Переполненные сумки выпали у нее из рук, яблоки и апельсины покатались по лестнице вниз.

«Мама, что случилось?» - спросила перепуганная Лиза. А вдруг у мамы рождественский приступ или что-то в этом роде? В последнее время она постоянно жаловалась на какой-то стрессовый период, думала Лиза.

Мама глубоко вдохнула и призналась:

«Я забыла купить елку».

«Ох, мама», - Лиза схватилась за голову.

Мама побежала по лестнице за убегающими фруктами и растерянно убеждала Лизу:

«Не бойся, не бойся, все в порядке, я сейчас только это соберу, и мы пойдем...еще успеем...где-нибудь на рынке еще будут елки...тихо, тихо, не бойся, Лиза».

Вдруг кто-то дружелюбно взял ее за плечо. Мимин папа неловко протянул Лизиной маме ярко-оранжевый апельсин.

«Бесполезно идти на рынок. Там уже все равно никого не будет», - сказал он, неуверенно улыбаясь.

«Нееет», - взвыла Лиза.

Мими дернула папу за пальто. Что-то ему прошептала. Папа кивнул головой.

«А вы уверены, что вам нужна елка? У нас может быть одна общая», - предложил он и быстро прибавил – «если вы не против».

Мими сияла, как солнышко. И у Лизы тут же просветлело лицо. «Правда?»

«Конечно!» - сказала Мими. «Мы даже нарядим ее вместе».

«У нас есть соломенные ангелы», - тараторила Лиза.

«Даже не знаю», - сомневалась Лизина мама. Но в итоге согласилась.

«При одном условии – карпа и салат сделаю я».

«Как вам угодно», - согласился Мимин папа. «Но вы должны будете попробовать мои щи».

«Это будет лучшее Рождество из всех Рождеств!» - радовалась Мими, когда они с Лизой украшали дома пышную елку. «И елочка у нас никогда не была прекрасней. Повесим вместе звезду?»

«Мими, как ты думаешь, я под вашей елочкой тоже найду какой-нибудь подарок?» - застенчиво спросила Лиза.

«Конечно», - улыбнулась Мими. «Ведь это наша общая елочка». Лиза расплылась в улыбке.

«А какой подарок ты бы хотела получить?» - спросила ее Мими.

«Хм», - задумалась Лиза и начала, - «большой конструктор, неоновые фломастеры, крылья феи и рожки, балетную пачку, какую-нибудь одну книжку или даже две, блестящие наклейки, летающего единорога, плеер, на котором можно слушать и кассеты, и диски, санки с рулем и носки с рисунком».

«Так много?» - удивилась Мими. Лизе стало немного стыдно. Она действительно в этом году хотела много всего, а раньше она всегда желала иметь только сестру и ничего больше. Но сейчас ей больше не нужна сестра. Ведь у нее есть Мими.

«Ну все равно ведь я все не получу», - прогнусавила Лиза. «А ты что хочешь, Мими?»

Мими не задумалась ни на секунду.

«Собачку».

«Настоящую?» - удивилась Лиза. Мими кивнула.

«Но не обычную. Такую, чтобы она видела вместо меня. Она бы водила меня по городу, ждала бы со мной зеленого света светофора и помогала бы сесть на трамвай. А я бы о ней заботилась», - оживленно рассказывала Мими.

«А как бы ее звали?» - любопытствовала Лиза. Мими растерялась. Она так сильно мечтала о собаке, но ей и в голову не пришло придумать ей какое-нибудь имя.

«В правильном имени для собаки обязательно должна быть Р», - заявила Лиза. «Например... Цитрус».

Мими рассмеялась.

«Собаку нельзя назвать Цитрусом! Она тогда бы стала кислой».

«Ну а как тогда?» - наседала Лиза. «Черешня? Она сладкая».

«Но Лиза, собака же не съедобная. Ей бы нужно собачье имя, не фруктовое».

«Это какое?»

«Не знаю», - признала Мими.

«А Шарик? Это было бы хорошее имя для собаки?» - предложила Лиза.

«ШАРИК», - Мими посмаковала на языке это имя. Оно приятно дребезжало. И не было ни кислым, ни сладким, а таким правильным, собачьим.

«Это отличное имя», - сказала Мими.

Но Лиза вспомнила что-то неприятное.

«Мама говорит, что настоящих животных нельзя дарить в подарок».

Мимин восторг пошел на убыль. Папа ведь тоже сказал, что у нее будет пес-поводырь, но когда она вырастет. Но тогда того момента, когда она будет бросать своей собачке палку или насыпать ей в миску корм, ей придется еще долго ждать.

«Тогда я не знаю, что мне подарят. Может быть, носки. Без рисунка».

Девочки тихо сидели под елочкой. Цветные огоньки свечей мерцали в Лизиних глазах, танцевали в них, ослепляли ее. Интересно, как Мими видит свет. Лиза содрогнулась. Это не может так кончиться! Не в Рождество. Она взяла руку Мими в свои ладошки и подула на них теплом.

«Мими», - прошептала Лиза. «Если ты будешь очень, очень сильно хотеть собачку, твое желание обязательно исполнится».

«Думаешь?» - выдохнула Мими с надеждой.

«Да. Обязательно», - убеждала ее Лиза. Она крепко зажмурила глаза и загадывала, чтобы это действительно сработало. Она загадывала, чтобы Мими подарили собачку, с которой она сможет сама выйти на улицу и проехаться на трамвае. Если это желание сбудется, то она уже не будет загадывать ничего другого, пообещала Лиза. Ни крылья феи, ни санки с рулем. Только одно-единственное желание. Пожалуйста. Три-четыре-ре! Сейчас. Лиза открыла глаза.

Ничего не изменилось. Лиза все еще держала руки Мими в своих ладошках. Девочки все так же сидели под рождественской елкой. Разве что эта елка вдруг стала большой и возвышалась над ними. Ее окружали дома, башни, небоскребы, построенные из коробок и свертков, перевязанных глянцевыми лентами.

«Город из подарков!» - воскликнула Лиза. «Пойдем, Мими, обследуем его».

«Но Лиза», - не решалась Мими. «Разве мы не должны быть дома в Рождество?»

Лиза призадумалась. Да. Вообще-то им нужно быть дома. Но что если все эти подарки лежат у них дома вокруг ИХ елки? И они все для них? Лиза чуть не забыла про свое обещание. О том, что она вообще ничего не будет загадывать на Рождество, пусть только Мими подарят собачку. Лиза ощупывала один сверток руками и уже начала развязывать бант.

«Не кажется ли тебе это немного странным, Лиза?» - скептически спросила Мими.

Конец ленты выскользнул у Лизы из пальцев. Да, немного странно. Только чуть-чуть. Но ничего. Главное – здесь есть целый миллион прекрасных подарков на любой вкус.

Лиза была как будто околдована. «Мими, я даже не подозревала, как много существует разных игрушек. Куклы – модели с пятиэтажными виллами с бассейном, реактивные самокаты, медвежата на батарейках, которые поют колыбельные и говорят, что любят тебя, мини-пылесосы, которые сами убирают, радужные платья принцесс, и парики, и башмачки, грохочущие грузовики с мигающими фарами, пластмассовые животные, которые превращаются в цветы, говорящие мячи на дистанционном управлении, Мими, это чудесно, это невероятно», - тараторила Лиза. Как робот, она шагала вперед, вглубь джунглей из подарков, даже не оборачиваясь. Мими старалась не отставать от нее – она почти бежала, продвигаясь наощупь вдоль стен сверточных домов. В ладошке у нее осталась ленточка, она ползла вслед за Мими, как длиннющая змея. Внезапно Мими врезалась во что-то длинное и острое.

«Ай», - вскрикнула Мими.

«Приготовься к дуэли!» - грозно захрипело это что-то.

«Простите, я не хотела», - испуганно извинилась Мими. Откуда-то раздался Лизин звонкий смех.

«Мими, ты балда, это же говорящий светящийся меч!»

Мими облегченно вздохнула. Ей стало немного стыдно и немного досадно. Как она могла это увидеть!

«Чудная игрушка, я такую не знаю. Я люблю игрушки, приятные на ощупь и хорошо пахнущие».

«Пахнущие?» - не поняла Лиза. «Как игрушки с ароматом?»

«Нет. Например, деревянные. Кубики из бука пахнут не так, как кленовые или сосновые. Кукла с конопляными волосами щекочет мягче, чем вязаный мишка. Резиновый мяч скачет лучше, чем кожаный».

«Хм, возможно», - повела плечом Лиза.

«Но те розовые зверята с большими глазами – загляденье», - дотронулась до пуговицы на своем платье Лиза.

«Ага, а как они мякают».

«Тсс. Тихо», - перебила ее Мими. «Ты слышишь то же, что и я?»

Лиза наострила уши. Откуда-то раздавался веселый лепет.

«Совсем скоро мы будем с детьми. Я так этого жду! А как детям будет с нами весело! Я уже жду-не дождусь!»

Мими и Лиза крались вслед за взволнованно перекрикивающимися голосами. Лиза осторожно выглянула из-за сверточной стены.

«Игрушки разговаривают!» - потрясенно выдохнула она.

Куклы, медведи, машинки, лошадки-качалки, марионетки, клоуны возбужденно перекрикивались и с восторгом и нетерпением ждали окончания ужина в сочельник, когда дети найдут их под елкой, распакут коробки, и у них в глазах будет сверкать тысяча счастливых искорок.

«Рождество! Рождество! Рождество!» - дружно повторяли они. Но вдруг что-то зарычало. Злобно залаяло. Прыгнуло прямо в середину взбудораженной группы.

«Гррр, снова это Рождество», - фыркнул длинный несуразный пес с висячими ушами. «И вы так его ждете, никчемные. Знаете ли вы, какие на самом деле эти дети?»

Игрушки настороженно замолчали. Прихрамывая, пес бродил среди них и злобно объяснял:

«Сначала они немножко вас потискают, а потом начнется. Они посадят вас в грузовик, пустят вас вниз с горки и будут смеяться, смотря на то, как

забавно вы при этом скулите. Они бросят вас в воду и будут смотреть, умеете ли вы плавать. Они откроют вам животики и достанут из вас батарейки. И в итоге они закинут вас в угол, и даже думать о вас забудут».

Игрушки испуганно тряслись. Некоторые замерли в движении, другие тихонько всхлипывали, третьи льнули друг к другу в отчаянии. Лиза не могла больше это терпеть. Она выбежала из-за коробок и яростно закричала:

«Что за чепуху ты несешь? Мы дети, и мы никогда в жизни бы так не сделали!»

Мими успокаивала перепуганные игрушки:

«Не бойтесь. Если бы вы пришли к нам, мы бы взяли вас с собой в кровати, на прогулку и на пикник. Мы бы вас любили и о вас заботились».

Игрушки воспряли духом. Но пес не сдавался. Он ворчал и лаял, как бешеный:

«Не верьте им, детям. Сейчас они перед вами лебезят, а вот потом... Я это знаю».

«Это нисколечки не правда!» - возмущенно кричали Мими и Лиза. Игрушки собрались вместе и шагнули вперед. Они все-таки хотят верить детям. Дети не будут их обижать, они их друзья. С кем бы они тогда играли? Игрушки были настроены решительно:

«Запрыгиваем в коробки, прыг-скок».

Пес пытался их остановить, он бегал перед ними, свирепо лая, но они решительно продолжали двигаться вперед.

Пес все пятился и пятился, пока не врезался в подарочный небоскреб, который с грохотом на него обрушился. Воцарилась тишина.

«Ку-ку! Ты там?» - спросила Лиза.

«Эй. Где же мне еще быть», - пробурчал раздосадованный пес.

Игрушки выдохнули. Напряженная тишина разрядилась. Игрушки начали с воодушевлением обсуждать, каково это – быть дома с детьми и исчезали из виду, шагая навстречу Рождеству.

«Нам тоже бы уже пора пойти», - поторопила Мими подружку.

«Ага», - согласилась Лиза, «но...»

«Бегите домой, я и один здесь встречу Рождество», - прорычал пес.

«Но...» - хотела было возразить Мими.

«Вы что, глухие?» - залаял пес. «Вы мне вообще не нужны».

«Но...» - все еще не решалась Лиза.

«Мы не можем тебя там оставить», - Мими начала разбирать коробки.

«Конечно, не можем», - воскликнула Лиза и тут же бросилась помогать Мими.

«Почему не можете? Кому есть дело до старого облезлого пса?» - причитал пес.

Лизе не пришло в голову, что ему ответить.

«Вот видите. Вы ничем не лучше всех остальных», - скулил пес, съездившись в горе подарочных коробок. Потом он раздрыздался: «Я гадкий и противный. Никто никогда не выбирал меня себе в подарок. Думаете, что я сам захотел навсегда остаться одиноким? Каждый день, даже на Рождество?»

«Но...» - Лиза тут же нашлась, что сказать. «По-моему, ты не такой уж и гадкий. По-моему, ты даже вполне себе красивый».

«Лгунья», - хотел было обиженно прорычать пес, но из краешка глаза у него покатились слезы счастья.

Мими наклонилась к псу и погладила его по жесткой шкуре. Пес радостно заскулил.

«Лиза?»

«Да, Мими?»

«Как ты думаешь, раз у нас уже есть общая елочка, не могло бы у нас быть еще и общего...»

«Подарка?»

«Да», - прошептала Мими.

«Могло бы. Давай дадим ему хорошее собачье имя и будем за ним ухаживать».

«Шарик», - прошептала Мими.

«Шарик?» - скептически твякнул пес.

«Да, Шарик», - повторила Мими, и пес бросился ей на руки.

Лиза почесала ему шею, а пес взамен лизнул ее в лицо. Рождественская елка внезапно просияла, как тысяча звезд.

«Уже начинается», - мечтательно сказала Лиза.

«Нам пора возвращаться домой», - опомнилась Мими.

Лиза огляделась вокруг.

«А как же мы выберемся из этого лабиринта?»

Куда бы она ни посмотрела, везде валялись горы разрушенных коробок. Нигде ни тропиночки. Шарик радостно завилял хвостом и ткнул Мими и Лизу мокрым носом:

«Я уже разнюхал одну тропинку. Она пахнет жареным карпом и щами».

Лиза рассмеялась:

«Сдается мне, что у кого-то здесь еще лучший нюх, чем у тебя, Мими!»

«Хмм. Карп пахнет прудом, а щи – грибами», - не сдалась Мими. «Но ты все равно лучший пес-поводырь на свете», - признала она и крепко поцеловала Шарика в нос. «Наш», - просияла Лиза.

Это было счастливое и веселое Рождество. За столом в сочельник их было пятеро: Лизина мама, Лиза, Шарик, Мими и Мимин папа. Лиза вытащила косточку из карпа и выразительно посмотрела на маму:

«И что бы мы делали без Шарика?»

Мама посмотрела на счастливого пса, восседающего за столом между счастливыми девочкам, и расплылась в нежной улыбке. Мимин папа лукаво ей подмигивал и заметил, что каждому иногда необходимо, чтобы ему указали верное направление. Лизина мама немного покраснела, но свою руку от беглого прикосновения руки Миминого папы не отдернула. Лиза увидела это своими глазами так четко, как Мими это почувствовала

своим чутким сердцем. А Шарик, лучший общий пес-поводырь на свете, подтвердил это решительным ГАВ!

Конец.

IV. Глава четвертая – проблемы/комментарий перевода на русский язык.

Оригинальный сборник рассказов «Мими и Лиза» предназначен для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Следовательно, было бы логично ожидать, что оно будет написано простым языком, позволяющим улучшить восприятие текста детьми. В подобных произведениях авторы часто прибегают к упрощению речи и делают выбор в пользу более простых лексических форм. Однако, на наш взгляд, авторы «Мими и Лизы» не ставят перед собой задачи упростить текст и полностью адаптировать его для маленьких читателей. В ходе перевода нам пришлось столкнуться не только с разговорной лексикой, но также и с литературной лексикой довольно высокого стиля. Таким образом, мы пришли к выводу, что авторы ставили перед собой цель не только развлечь маленьких читателей, но и познакомить их с новой для них лексикой.

Верный ход нашего суждения подкрепляется словами русского литературоведа, исследователя литературы для детей, И.Н. Арзамасцевой:

«Язык детской книги должен быть особенно богат и выразителен, чтобы помочь ребенку расширить горизонты, научить новым формам речи. Вместе с тем язык должен быть доступен. Эти качества речевого стиля достигаются тщательным отбором каждого слова, строго выверенной грамматической структурой каждого предложения»¹³.

Повествование в рассказах ведется от третьего лица. Мы как бы со стороны наблюдаем за главными действующими лицами произведения – Мими и Лизой – и теми персонажами, которые их окружают.

¹³ Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 5-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 18

В данной главе мы предлагаем проанализировать переводческие сложности и особенности, с которыми пришлось столкнуться в ходе перевода.

4.1. Имена собственные

Название сборника рассказов на словацком языке звучит как *Mimi a Líza*. В силу того, что имя Мими в словацком языке является таким же необычным, как и в русском, а имя Лиза – довольно привычным, в переводе на русский язык было решено использовать прием транскрипции, сохранив при этом имена оригинала и для русскоязычных читателей – «Мими и Лиза».

Сложности, однако, возникли уже при переводе названия первого рассказа – *Tmy sa nemusíš báť*. В русском языке нет глагола, аналогичного словацкому *musieť*, который бы указывал на долженствование и стоял бы в личной форме, но при этом не имел бы показателя рода. Именно поэтому в переводе на русский язык мой выбор пал на безличную конструкцию, состоящую из отрицательной частицы «не», предикатива «нужно» и личного местоимения «ты» в дательном падеже – «тебе не нужно бояться темноты». Таким образом, личная форма глагола *musieť* (2 лицо ед. число) в русском языке была выражена через предикатив и личное местоимение.

Помимо Мими и Лизы, в рассказах появляются еще и другие персонажи. Все они обладают «говорящими» именами, которые призваны вызвать у детей ассоциацию, «картинку», какой-то визуальный образ. Вот какие две группы имен собственных выделяет А.В. Суперанская:

«Существуют две самостоятельные, однако достаточно связанные между собою группы собственных имен: имена, сложившиеся естественным путем, и имена, искусственно созданные, выдуманные. Вторые в свою очередь делятся на употребляющиеся в реальной

действительности, наряду с естественными, сложившимися именами (придуманые новые личные имена, искусственные фамилии, переименования географических объектов) и на имена книжные (имена и фамилии героев литературных произведений, названия мест действия)»¹⁴

В случае с «говорящими» именами в рассказах мы имеем дело как с книжными именами, которые, однако, употребляются персонажами в совершенно реальных жизненных ситуациях, так и с именами и фамилиями, существующими на самом деле.

«Говорящие» или, как их называет В.С. Виноградов, «смысловые» или «значимые» имена являются созданной автором метафорой, сравнением, они призваны точнее охарактеризовать конкретного персонажа¹⁵.

Несмотря на то, что при создании «говорящих» имен писатель опирается на уже существующие в языке модели словообразования, характерные для ономастики, у переводчика нет никакой гарантии в том, что в переводящем языке он найдет аналогичные модели. Поэтому одним из способов перевода «говорящих» имен является транскрипция. Однако, к ней стоит прибегать, скорее в крайних случаях. Вот что об этом пишет В.С. Виноградов:

«Заключенная в значимых именах смысловая и эмоциональная информация должна быть «проявлена». Значимое имя требует от читателя как оригинала, так и перевода понимания смысла внутренней формы и восприятия ее образности. Будучи транскрибированным, оно само по себе не может оказать эмоционального воздействия на рецептора в то время, как в оригинале оно рассчитано на такое

¹⁴ Суперанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. С. 22

¹⁵ Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. С. 161

воздействие. Поэтому переводчик стремится к сохранению в переводе его эмоциональной силы».¹⁶

Конечно, перевод таких «говорящих» имен в большинстве случаев вызывает сложность, т.к. они всегда связаны с конкретными образами и ассоциациями определенной культуры.

Так, например, в рассказе *Zbohom, farba sivá* одним из главных действующих лиц, помимо двух главных героинь, является еще и женщина-управдом (в переводе: «управдомша»), которую девочки зовут как *Sivomilka*, так и *Šedivá*. По своей форме и словообразованию *Sivomilka* напоминает имя женщины, которая любит серый цвет, а *Šedivá* – это существующая в действительности словацкая фамилия. Таким образом, у нас есть полное имя персонажа – *Sivomilka Šedivá*.

Имя *Sivomilka* состоит из двух частей: *sivo* (от слова *sivý* «серый») и *milka* (уменьшительно-ласкательное от *mila*, ономастический формант, который часто встречается в словацких женских именах, например, *Jarmila*). В русском языке тоже есть женские имена, оканчивающиеся на – мила, например, Людмила, Мила, Яромила, то есть в русском языке такая ассоциация тоже работает. Уменьшительно-ласкательный суффикс тоже является частью образа этого персонажа, поэтому было решено сохранить его и при переводе на русский язык. В результате из словацкого имени *Sivomilka* мы получили русское Серомилка.

Что касается фамилии *Šedivá*, здесь тоже прослеживается ассоциация с серым цветом, чем-то седым, сивым. В русском языке есть фамилии, которые имеют сходное происхождение: Серов(-а), Седов(-а), Сивков(-а), Седых и т.д. В данном случае мы решили совместить два подхода: транскрипцию и непосредственно перевод фамилии для того, чтобы найти наиболее подходящий окончательный вариант. При транскрипции фамилии *Šedivá* мы получаем «Шедива». Выбирая из

¹⁶ Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. С. 162-163

вышеперечисленных вариантов русских фамилий, мы остановили свой выбор на «Седова», т.к. она и передает смысл, и является наиболее похожей по форме. В результате у нас получилось имя Серомилка Седова, которое, на наш взгляд, вызывает у русскоговорящих нужные ассоциации.

Во втором рассказе нам встречаются и другие прозвища-фамилии. В самом конце рассказа мы видим полное преобразование управдомши. Раньше она признавала только серый цвет, а теперь полюбила и другие цвета, и Лиза прозвала ее *Farebná*. Это прилагательное означает *týkajúci sa farieb* «касающийся цветов» или *majúci istú farbu* «имеющий некий цвет». По-русски оба этих значения передает прилагательной «цветной», соответственно, и фамилию-прозвище мы перевели как «Цветная».

Вторую «фамилию» получает Лиза, которую Мими зовет *Líza Bodkovaná*. *Bodka* – это «горошек», узор платья Лизы. Поэтому мы перевели фамилию как «Горошковая».

Третья фамилия касается Мими, которую называют *Dúhová*. *Dúha* – это «радуга», поэтому фамилию Мими мы перевели как «Радужная».

Таким образом, мы переводили фамилии в соответствии с коннотациями и ассоциациями русского читателя.

Название третьего рассказа тоже вызвало некоторые трудности при переводе. Он называется *Tety z pexesa*. *Pexeso* – это карточная игра, в которой нужно искать парные карты и одновременно их переворачивать. Такая игра известна и русскоговорящим читателям, но в русском языке нет для нее какого-либо особого названия, как в словацком: обычно ее называют просто «найди пару» или даже используют гипероним «карточная игра».

Для корректного перевода названия этой главы мы решили обратиться к уже существующим переводам ее названия на другие языки – например, английский, французский и португальский. В английской версии «Мими и Лизы» название этого рассказа было переведено как *Twins from the Cards*, дословно «Близнецы из карт (карточной игры)». Во

французской версии мы встречаем еще более общее *Le Jeu de Cartes* «Игра в карты». На португальском языке рассказ получил название *As Gêmeas do Jogo da Memória*, дословно «Близнецы из игры на память». Таким образом, ни в одном из переводов не было сохранено слово *rehexo*, несмотря на то, что иностранные коллеги могли просто оставить слово в латинском написании без изменений и объяснить его ниже в тексте или с помощью сноски.

В русском переводе мы хотели сделать название таким, чтобы детям было любопытно узнать, о чем же идет речь в рассказе. Поэтому вариант «карточная игра» нам не подошел. Название «Тети из «Найди пару» было бы слишком громоздким для русского читателя, с излишним употреблением кавычек. Поэтому было решено перевести название рассказа как «Найди пару!», совместив в нем при этом и название игры, и призыв к действию.

В четвертом рассказе одним из персонажей является *ujo Zelinka*. *Ujo* означает *ujec* «дядя» или *dospelý muž, strýko* (обыч. v oslovení detmi) «взрослый мужчина, дядя (детское обращение)». Поэтому *ujo* можно точно перевести на русский язык как «дядя». *Zelinka* здесь является «говорящей» фамилией, которая показывает нам, что этот «дядя» - ботаник, он любит растения, у него самый зеленый балкон во всем дворе. Такая форма фамилии является совершенно нормальной для словацкого языка. Поэтому было решено найти в русском языке похожую фамилию, которая бы сразу вызывала у читателей подобную ассоциацию. Такой фамилией, на наш взгляд, является фамилия «Травкин». В ней присутствует и уменьшительно-ласкательный суффикс, как и в случае с *Zelinka*, и она сразу же вызывает ассоциацию с зеленью. В итоге в русском переводе персонаж получил имя «дядя Травкин».

В пятом рассказе мы снова сталкиваемся с приемом «говорящей» фамилии. Наряду с Мими и Лизой, в этом рассказе одним из персонажей является *Melánia Spevavá*. Эта героиня – оперная певица. В силу того,

что имя *Melánia* не является традиционным ни для словацкого языка, ни для русского, мы пришли к выводу, что автор использует его для того, чтобы «отличить» персонажа от всех остальных так, как ее отличает от других ее прекрасный голос. Поэтому в переводе на русский язык мы приняли решение оставить имя Мелания. Фамилия *Spevavá* действительно существует в Словакии. Она происходит от прилагательного *spevavý*, которое означает *kt. rád, často (a dobre) spieva* «тот, кто любит часто (и хорошо) петь». В русском языке тоже есть фамилия, которая берет свое начало от слова «певец» - Певцов(-а). Поэтому окончательный перевод имени *Melánia Spevavá* – «Мелания Певцова».

В шестом рассказе нам встречается персонаж, которого Мими и Лиза называют *teta Rybáriková*. Это женщина, у которой дома стоит огромный аквариум с рыбками. *Rybáriková* – это реальная словацкая фамилия, довольно распространенная. Она происходит или от слова *ryba* «рыба», или от слова *rybárik*, которое означает *vták modrozelenej farby žijúci pri vode a živiaci sa rybami* «птица сине-зеленого цвета, обитающая рядом с водой и питающаяся рыбой». Но если в словацком языке название птицы *rybárik* связано с рыбой, то в русском языке такая птица называется «зимородок», т.е. связь с рыбой в названии полностью отсутствует, поэтому нельзя перевести *Rybáriková* как «Зимородкова». Тем не менее, зимородок питается рыбой, он «рыбачит», поэтому выходом из положения может стать фамилия «Рыбакова», которая связана и с рыбой, и (косвенно) с зимородком – он ведь тоже ловит рыбу, как и рыбак. Таким образом, окончательным вариантом перевода для *teta Rybáriková* стало «тетя Рыбакова».

В заключительном, седьмом, рассказе сборника нам встречается собачья кличка *Šaryk*, которое не вызвало у нас никаких проблем при переводе, ведь в русском языке тоже есть собачья кличка Шарик, очень распространенное, как и в Словакии.

4.2. Проблемы перевода лексики

Перед тем, как прокомментировать выбранные нами варианты перевода различных видов лексики, мы бы хотели процитировать слова В.С. Виноградова о художественном переводе:

«Перевод может, как уже говорилось, лишь бесконечно сближаться с подлинником. И не более. Потому что у художественного перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника. Художественный перевод порождается подлинником, зависит от него, но в то же время обладает относительной самостоятельностью, так как становится фактом переводящего языка»¹⁷.

Действительно, невозможно переводить художественное произведение дословно, оставаясь исключительно в контексте и реальности подлинника. Следует выходить за его рамки, как бы «переносить» смысл произведения в ту реальность, которой живет читатель, для которого мы переводим.

Одной из особенностей художественных текстов, особенно текстов для детей, является обширное использование звукоподражаний. При переводе звукоподражаний со словацкого на русский язык, в силу их родственности, у нас не возникало особых сложностей. Ниже мы приводим примеры звукоподражаний, с которыми мы столкнулись в исходном тексте, и наши предложения по их переводу на русский язык.

В предложении *klip-klop [...]: moje topánočky veselo klopajú na dlažbe* речь идет о том, что туфли, касаясь брусчатки, издают при этом звук *klip-klop* и при этом они *klopajú* (глагол *klopať*), в русском языке выбор пал на ономатопею «цок-цок» и глагол «цокать»: «цок-цок: мои туфельки весело цокают».

¹⁷ Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. С. 24

Звукоподражательные слова встречаются нам и в следующих абзацах, когда Мими рассказывает, как она с помощью звуков «видит» предметы вокруг себя. Некоторые звуки в русском и словацком языках совпадают – например, мы одинаково выражаем шум деревьев через звук «шшш» и жужжание пчел через звук «бззз». Остальные же звуки в той или иной мере отличаются друг от друга. Основываясь на традиции перевода художественной литературы, мы перевели на русский язык звон трамвая и телефона как «дзынь», автомобильный гудок как «бип», чирикание птиц как «чик-чирик» и скрип велосипеда междометием «скрип».

Еще один пример перевода звукоподражания – *buch-žuch*, когда девочки падают на пол зала в замке. В русском языке тоже используется слово «бух» для обозначения падения, а вот за аналог *žuch* мы взяли русское слово «плюх».

В третьем рассказе в предложении встречается звукоподражание *šmyk-šmyk*. Оно указывает на тот звук, который слышен, когда тети-портнихи щелкают ножницами. На русский язык подобный звук мы можем перевести как «чик-чик».

Частицу *ach-jaj* в предложении *ach-jaj, spomenula si Líza* мы перевели как «ой-ой-ой». Этот русский эквивалент, как и словацкая частица, используется в ситуации сожаления о том, что что-то забыли.

Частица *fuj* в предложении *taká krikľavá farba [...] fuj-fuj-fuj* означает презрительное отношение к красному цвету (вообще ко всем цветам, отличающимся от серого). На русский эту частицу можно перевести как «фу», в таком случае она полностью совпадает по значению и, более того, является очень схожей по форме.

В четвертом рассказе Мими говорит Лизе *pst*, подразумевая то, что ей нужно быть тише. В русском языке в этом значении используется междометие «тсс».

В пятом рассказе, когда девочки звонят в дверной звонок, он издает звук *ding-dong*. В русском языке в этом значении используется междометие «динь-дон».

Когда Мими удается найти «голосопровод» в горле тети Мелании, Лиза произносит: *jéj, Mimi, ty si fantastická, ty si ho našla*. Междометие *jéj* в данном контексте выражает радость, восторг, удовлетворение. В русском языке в этом значении можно использовать междометие «ура»: «ура, Мими, ты молодец, ты его нашла!».

Пример с междометием *jéj* встречается нам и в шестом рассказе, когда Лиза демонстрирует Мими радость, но на самом деле она огорчена тем, что ей не удалось найти идеальный тайник для игры в прятки. Она говорит *jéééj*, что на русский язык тоже можно перевести словом «урааа!», сказанным, при этом, без особого воодушевления.

Междометие *haf* обозначает собачий лай. В русском языке в этом значении используется звукоподражание «гав».

По ходу перевода мы столкнулись и с другими трудностями. Зачастую, из-за схожести русского и словацкого языков между собой, было сложно удержаться от калек, не перевести «дословно». Когда речь идет о таких родственных языках, всегда есть желание перевести как можно ближе к оригиналу. В эти моменты очень важно помнить, что «можно заранее утверждать, что любой перевод никогда не будет абсолютно идентичен каноническому тексту оригинала. Эквивалентность перевода подлиннику всегда понятие относительное»¹⁸. При переводе мы руководствовались следующим принципом: старались не искать соответствие для каждого отдельного слова или выражения, а заново выражать их смысл уже на русском языке. Ниже мы приводим комментарии по переводу как раз к таким моментам, когда дословное выражение фразы на русском языке не «работало».

¹⁸ Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. С. 18

В предложении *konečne sa mi podarilo vyslobodiť z [...] kufra* используется глагол *vyslobodiť sa* «освободиться» или «высвободиться». В силу того, что после него в исходном предложении стоит еще и обстоятельство места, было решено перевести эту фразу на русский с использованием глагола «выбраться» - «наконец-то мне удалось выбраться из этого чемодана».

В предложении *všetci sa [...] rútili do diery* мы встречаем глагол *rútiť sa*, который имеет значение *prudko padať z výšky* «быстро падать с высоты». В русском языке ему соответствует глагол «низвергаться», но в данном контексте он бы выглядел слишком громоздким и непонятным для детей. Поэтому было решено перевести данное предложение как «все [...] летели вниз к дыре», заменив глагол на «лететь» и добавив к нему наречие «вниз».

Еще один пример, когда в переводе пришлось прибегнуть к переводу не одним аналогичным словом, а несколькими, встретился нам в данном контексте: *z tmavých kútov gánili svietiace oči*. Глагол *gániť* имеет значение *nepriateľsky, zlostne sa dívať* «недружелюбно, зло глядеть». В русском языке такой же смысл можно выразить только через глагол и наречие, как и было сделано в данном случае: «из темных углов враждебно смотрели светящиеся глаза».

Во втором рассказе в какой-то момент Лиза произносит: *nastupovat!* Из контекста понятно, что этим возгласом Лиза хочет воодушевить свою подружку и заставить ее запрыгнуть в кабинку карусели. При переводе на русский язык мы заменили инфинитив на наречие «вперед!», которое в русском языке используется как раз в таких ситуациях.

Изменить часть речи при переводе пришлось и еще в одном случае. Управдомша, собирая себе на свитер разные цвета и оттенки, в какой-то момент говорит: *a ružovej, tá je mladistvá!* Прилагательное *mladistvý* означает *príznačný pre mladosť* «характерный для юности». В русском языке есть прилагательное «моложавый», но оно имеет

несколько другой оттенок. Поэтому было решено перевести *mladistvý* не прилагательным, а глаголом «молодить». Этот глагол используется в русском языке как раз в подобных случаях («этот цвет ее очень молодит», «эта помада ее молодит», т.е. освежает). В результате окончательным переводом фразы стало «и розовый, он молодит!».

Большие трудности возникли при переводе следующей фразы: *sivá je trochu ako škvara vřzgajúca pod nohami*. *Škvara* на русском языке – это «шлак» или «штыб», т.е. производный продукт от переработки угля. Носителям словацкого языка это слово известно, шлаком покрывали раньше дорожки для легкоатлетов и теннисные корты. Тем не менее, носителю русского языка, тем более ребенку, это слово не так хорошо знакомо. Мало вероятно, что ребенок, сравнивая с чем-либо серый цвет, сравнит его со шлаком или штыбом. Поэтому по аналогии было решено перевести *škvara* как «асфальт», а причастный оборот *vřzgajúca pod nohami* заменить на прилагательное «шершавый», поставленное перед существительным: «серый это как шершавый асфальт под ногами».

Некоторые сложности возникли с переводом слова *domovníčka*. Из текста точно известно только то, что *domovníčka* убирает парадную дома Мими и Лизы. Толковый словарь словацкого языка дает следующие определения слову *domovník*, от которого затем было образовано слово *domovníčka* через суффиксацию: *zamestnanec majúci na starosti poriadok v dome* «служащий, который следит за порядком в доме» и *kto sa stará o správu (väčšieho) domu* «тот, кто заботится об управлении (большим) домом». С этой точки зрения, наиболее подходящими русскими словами для перевода *domovníčka* являются «экономка» и «домоправительница». Однако, оба этих слова непременно вызвали бы трудности у маленьких читателей: слово «домоправительница» - своей громоздкостью, а слово «экономка» - непонятной для детей этимологией, не имеющей для них связь ни с чем из того, что окружает их в реальном мире. Поэтому было решено использовать в переводе такой разговорный вариант, как «управдомша». Это слово имеет понятную этимологию («управлять

домом») и является разговорным, что всегда очень импонирует детям. Помимо этого, слово «управдомша» встречается нам в русской литературе (например, у Б.Л. Пастернака).

В одном из предложений третьего рассказа нам встречается такое сравнение: *udierajú do stien [...] ako obrovitanské cimbalové paličky. Cimbal* – это цимбалы, музыкальный инструмент, широко известный в Словакии. Подобные слова мы можем отнести к «страноведческим». Страноведческие знания – это «те сведения, которыми располагают все члены определенной этнической или языковой общности»¹⁹, а члены другой общности этими сведениями уже не обладают. Иначе эти «сведения» называют «реалиями», под которыми «понимают не только сами факты, явления и предметы, но также их названия, слова и словосочетания»²⁰. Реалии одного общества могут совершенно не совпадать с реалиями другого общества. Появление в культуре таких реалий – это долгий процесс, совмещающий в себе совершенно разные аспекты – духовный, материальный, социальный и др.²¹

Если мы вернемся к случаю с цимбалами, то мы сразу поймем, что имеем дело как раз с такой реалией. Цимбалы являются национальным инструментом Словакии, для них написано много песен и музыкальных произведений, которые словацкие дети знают с самых юных лет. Среди русскоговорящих детей этот инструмент не так широко известен, мало того, не каждый взрослый сможет объяснить ребенку, что же такое цимбалы. Следовательно, нам необходимо было найти этой реалии адекватный эквивалент в русском языке. Из тех музыкальных инструментов, которые известны русскоязычному читателю и которые по принципу извлечения звука отдаленно напоминают цимбалы, есть ксилофон и металлофон. Поэтому в переводе слово *cimbalové* было

¹⁹ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М, 1973. С. 126.

²⁰ Влахов С, Флорин С. Непереводимое в переводе. Реалии // Мастерство перевода. 1969., М., 1970. С. 432—456.

²¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000.

изменено на более понятное, например, вот так: «они бьются о стены, как быстрые палочки ксилофона».

В третьем рассказе мы встречаем такое интересное выражение, как *cupity-lupity: cupity-lupity hore po naježenej hrive*. *Cupity* происходит от глагола *cupitať*, что означает *ísť drobným krokom, cupkať* «идти мелкими шагами, семенить». *Lupity* же было приставлено к нему из-за схожести в произношении, но смысл это выражение берет именно из глагола *cupitať*. *Cupity-lupity* употребляется в ситуациях, когда кто-то быстро семенит или когда нужно подогнать ребенка (например, подняться вверх по лестнице). В русском языке похожее значение можно передать, пожалуй, только через «топ-топ», потому что оно употребляется, когда кто-то шагает маленькими шагами: «топ-топ вверх по взъерошенной гриве».

В третьем рассказе одинокий крокодил произносит следующую фразу: *nikto ma nechce*. Дословно на русский язык это можно перевести как «никто меня не хочет». Смысл этого предложения будет понятен русскому человеку, однако для передачи этого смысла в русском языке используется другое выражение – «я никому не нужен». Поэтому было принято решение перевести эту фразу именно так.

В предложении *nebol to však tvrdý pád* (дословно «но это падение не было жестким») мы решили заменить слово «падение» на слово «приземление». Обычно на русском языке говорят «жесткое приземление», имея в виду, что что-то упало с большой высоты и приземлилось не самым удачным образом. Кроме того, слово «падение» имеет в русском языке другое значение и коннотации.

Когда в пятом рассказе Мими нашла «голосовод» в горле у тети Мелании, Лиза сказала: *jéj, Mimi, ty si fantastická [...]*. Прилагательное *fantastický* дословно означает «фантастический», однако, в русском языке, мы редко говорим про человека, что «он фантастический», особенно, если употребляем просто одиночное слово «фантастический», без существительного. В данном контексте Лиза хочет похвалить Мими,

поэтому в переводе на русский язык мы можем использовать слово «молодец»: «ура, Мими, ты молодец».

В пятом рассказе Лорд Вирус говорит о себе, что он *multiinštrumentalista*. В словацком языке не существует такого слова, но его значение легко угадывается по его форме: *multi-* означает «много», *inštrumentalista* – это *hudobník hrajúci na nejakom hudobnom nástroji* «музыкант, играющий на каком-либо музыкальном инструменте». При переводе на русский мы предлагаем перевести только корень этого слова – «музыкант», а приставку оставить неизменной – «мультимузыкант».

В самом конце пятого рассказа мы встречаемся с названием словацкой песни *Prší prší*. Это еще одна словацкая реалья - песня, которую знает каждый ребенок, выросший в Словакии. На русский язык мы перевели название этой песни как «Дождик, дождик». Выбор был сделан в пользу слова «дождик», а не, например, «дождь», благодаря особенностям слогаобразования в словацком языке. Слог может формироваться из сонанты R, таким образом, R в словацком языке является слогаобразующим элементом. Следовательно, слово *prší* состоит из двух слогов, как и русское слово «дождик».

В тексте перевода пришлось сделать сноску, чтобы пояснить, о какой песне идет речь, т.к. из контекста видно, что папа Мими сразу же спросил у нее, не о ней ли она говорит, ведь именно эта песня приходит на ум словакам при слове «дождь».

В шестом рассказе мы встречаем два таких предложения: *Líza skontrolovala všetky tri skrýše ešte raz. Nič*. Дословно это переводится как «Лиза проверила все три места еще раз. Ничего». Из контекста известно, что Лиза ищет Мими, поэтому сказать, что она не нашла «ничего» в данном случае нельзя, только «никого». Но мы предлагаем другой вариант перевода: «пусто», ведь Лиза не увидела ничего и никого ни в одном из трех мест, для нее там было пусто.

В седьмом рассказе мы встречаем еще одну словацкую реалию – это слово *salónky*. Лиза и мама возвращаются домой с рождественского рынка, и Лиза спрашивает у мамы, купили ли они *salónky*. Это слово означает *ozdobné cukríky na vianočný stromček* «конфеты для украшения рождественской елки», т.е. это специальное название для конфет, которые совмещают в себе еще и функцию елочных игрушек. В русском языке такая реалия отсутствует. Поэтому было решено перевести *salónky* как «конфетки», не утяжеляя диалог Лизы с мамой излишними объяснениями, ведь в данном контексте не играет особой роли, что это именно конфеты для украшения елки. При этом мы сохранили уменьшительно-ласкательный суффикс.

В этом рассказе мы вообще столкнулись с большим количеством отсылок к словацкой культуре, к бытовыми реалиям, такими как *kapustnica (polievka z kyslej kapusty* «суп из кислой капусты»), которую мы перевели как «щи» и *karor* «карап». Это два традиционных блюда, которые готовят в Словакии на Рождество. В России праздник наступления Нового Года традиционно является более отмечаемым, чем Рождество, да и Рождество в большей части России отмечается не 25 декабря, а 7 января. Однако, мы не посчитали нужным адаптировать абсолютно все словацкие реалии под российские. Ведь тогда бы Рождество превратилось в Новый Год, рождественская елка в новогоднюю, а щи и карпа пришлось бы менять на красную икру и салат Оливье. Поэтому было решено оставить все так, как есть. В этом есть одно большое преимущество: так маленькие читатели смогут познакомиться с возможно новой для них культурой.

4.3. Морфология и словообразование

При переводе у нас возникали сложности, связанные, в том числе, и с грамматическими формами отдельных слов, которые не находили

дословного отображения в русском языке. Встречались и обратные ситуации, когда в отдельных случаях русский язык оказывался грамматически и морфологически «богаче» и мог более точно передать тот или иной оттенок слова или фразы. Здесь хотелось бы процитировать А.В. Федорова:

«Разумеется, воспроизведение грамматической формы подлинника, как таковой, не может служить целью перевода. Целью является передача мысли в ее целом, — мысля, выражению которой в оригинале могут соответствовать иные формальные средства».

«Случаи изменения грамматических категорий слова в переводе, небольших перестановок или добавлений в пределах малых словосочетаний постоянны при передаче любого текста; они типичны и для самого «точного» перевода²²».

Первое предложение первого рассказа на словацком языке звучит следующим образом: *V mojom meste sú všelijaké domy*. В данном случае в русском варианте необходимо оставить предикатив наличия «есть» - «в моем городе есть разные дома».

Нами было отмечено, что в словацком языке предпочтительным вариантом для словосочетаний «в руках» или «из рук» является форма единственного числа существительного «рука» - *v ruke, z ruky*. Например: *kufřík vypadol Líze z ruky*, в то время как на русский язык лучше перевести это предложение как «чемоданчик выпал из рук».

В предложении *mňa moje hračky poslúchajú* глагол *poslúchať* соответствует русскому «слушаться», но в словацком языке этот глагол не является возвратным.

Обратную ситуацию мы наблюдаем в предложении *šašo sa zlomyseľne rehotal*, где *rehotat' sa* – возвратный глагол несовершенного вида, который означает *nahlas, neviazane sa smiat'* «громко и развязно

²² Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. — 5-е изд. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ. — 2002. С. 193-197

смеяться». В русском языке этому соответствует глагол «хихотать», который не является возвратным.

Словацкое *aká naňho potom bola zlá?* на русский язык лучше перевести как «а потом сердиться на него?», то есть заменить конструкцию из глагола и прилагательного на один глагол с таким же смыслом, но при этом поставить его в инфинитив.

Во всех без исключения рассказах нам приходилось сталкиваться со словом *pod'*, формой глагола *ísť*, стоящего в повелительном наклонении, в форме второго лица единственного числа. *Pod'* подразумевает под собой движение по направлению к говорящему или вслед за говорящим, а также призыв к действию (аналог русского «давай!»). Поэтому в тех случаях, когда в тексте встречалась форма *pod'*, мы переводили ее на русский язык либо как «давай», либо как «иди сюда», либо формой второго лица множественного числа «пойдем».

В восклицании *pustite ma von!* в значении «выпустить» словацкий язык использует не приставку *vy-*, как русский язык, а наречие *von*, «наружу». Несмотря на то, что в словацком языке существует и глагол *vypustiť*, обычно он не используется в восклицаниях такого рода, а только лишь в изъявительных предложениях. В русском же языке направление движение выражается обязательно с помощью префикса.

В предложении *dievčata so smiechom chytili šaša* словацкий язык использует предлог и существительное *so smiechom*, чтобы передать одновременность действия. На русский язык это лучше передать с помощью деепричастия: «смеясь, девочки схватили клоуна».

В предложении *ako sa Mimi ani trochu nebála, našla koniec (pavučiny), teda vlastne začiatok* было решено в переводе на русский язык для удобства понимания заменить существительные *koniec* «конец» и *začiatok* «начало» на одно существительное «конец». В русском языке такая игра слов (начало, конец паутины) не работает, поэтому нам пришлось заменить это на «два конца»: «как Мими совсем не боялась (паутины), нашла два ее конца [...]».

Часто при переводе приходилось задумываться над видом глагола. В словацком и русском языках вид глагола часто не совпадает, обычно это несовпадение заключается в том, что словацкий глагол несовершенного вида имеет аналог в русском языке, но этот аналог совершенного вида. Цитируя А.В. Федорова, «переводчику на русский язык часто приходится выбирать между двумя возможностями, которые непосредственно не диктуются подлинником, так сказать, не «вписаны» в него»²³. У русского глагола часто есть дополнительная окраска, выражающаяся через префикс и позволяющая использовать не форму несовершенного вида, а форму совершенного вида с тем префиксом, который наиболее хорошо отразит происходящее действие. Например, в русском языке для обозначения начала действия используется приставка «по-», ее употребление обязательно, когда нужно подчеркнуть начало действия. В словацком языке эта приставка тоже существует и употребляется, но значительно реже. Самое главное различие состоит в том, что в словацком языке начало движения может показывать и глагол несовершенного вида – то, что в русском языке совершенно недопустимо.

Так, например, в предложении *Líza hneď aj utekala do Miminej izbičky* нам встречается глагол *utekať*. В словацком языке это глагол несовершенного вида. Смысл же предложения заключается в том, что Лиза уже устремилась бегом к Мимину комнату. В русском языке для обозначения этого действия есть глагол «побежать», глагол совершенного вида, но которой в полной мере отражает смысл сказанного на словацком языке – «побежала в Мимину комнатку».

Очень похожая ситуация наблюдается в предложении *Líza [...] ťahala ju (Mimi) do hradu*. Глагол *ťahať* имеет несовершенный вид. Было бы логично перевести его как «тащила», если бы не внезапность

²³ Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. — 5-е изд. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ. — 2002. С. 207

действия, которая заставляет нас, как и в предыдущем случае, сделать выбор в пользу «потатила», снова с префиксом «по-» - «Лиза потатила ее к замку».

Подобная ситуация возникает и в предложении *Líza hneď bežala odomknúť bránu*. Глагол *bežať* имеет несовершенный вид, но слово *hneď* «сразу же» указывает нам на то, что в русском языке эта форма будет соответствовать не глаголу «бежать», а глаголу «побежать», так как в русском языке нельзя сказать «сразу же бежала», а можно только «сразу же побежала».

Во втором рассказе встречается любопытное слово: *v takýto deň-nedeň...* В словацком языке не существует слова *nedeň*. Исходя из контекста, речь идет о неудачном, скучном дне, когда совершенно нечем заняться. Слово образовано из корня *deň* и отрицательной приставки *ne*. Следуя такому же принципу словообразования, было решено перевести это на русский как «день-недодень». Была выбрана именно приставка «недо-», а не «не-», т.к. в русском языке именно приставка «недо-» показывает на неполноту, недостаточность чего-либо по сравнению с какой-либо нормой (например, «недогруз», «недоспать»). В данном случае речь идет о «неполноценном» дне – «недодне».

Интересно то, что для обозначения будущего времени глагола *buť* «быть» словацкий язык может использовать форму настоящего времени. Пример этому мы видим в предложении *už je skoro tu!*, где девочки с минуты на минуту ожидают прихода злой домоправительницы. На то, что она еще не пришла, но это скоро случится, нам указывает как наречие *skoro* «скоро», так и сам контекст. Наречие дает нам понять, что на русский язык перевести это предложение как «она уже тут» нельзя, и что речь идет о будущем времени. Соответственно, в русском переводе появляется глагол «быть» в личной форме будущего времени: «она уже скоро будет здесь».

В словацком языке слово *farba* «цвет» - женского рода, а в русском - мужского. Соответственно, все прилагательные, которые обозначают

цвет, будут согласовываться с существительным по тому роду, который оно имеет. В то же время и субстантивированные прилагательные будут сохранять в себе род существительного «цвет»: ср. *neznášam sivú* «терпеть не могу серый».

В предложении (*domovníčka*) *zdvihla zo zeme kriedu* нам встречается слово *zem*. В словацком языке оно означает не только Землю, сушу, страну, почву, как в русском, но имеет еще и такое значение - *zemský povrch; plocha, miesto, po kt. chodíme (pôda, cesta, dlážka)* земная поверхность; территория, место, по которому мы ходим (земля, дорога, пол). Именно это дает нам возможность перевести это предложение на русский как «она подняла с пола мелок».

Когда домоправительница увидела разноцветную радугу на стене, она *zrúkla ako rozzúrená dračica*. Слово *dračica* означает *samica draka* «самка дракона», «фурия». Очевидно, что поместить в книгу словосочетание «она зашипела, как разъяренная самка дракона» было бы не очень уместным, так же, как и «она зашипела, как разъяренная фурия», ведь книга адресована детям. Поэтому было принято решение в переводе отказаться от женского рода и заменить его мужским: «она зашипела, как разъяренный дракон». Согласно А.В. Исаченко, в словацком языке, в отличие от русского, число существительных, применяющихся без изменения к мужскому и женскому полу, весьма ограничено. Это связано с большей, чем в русском, стандартностью приемов словообразования.

В предложении *tvár sa strácala v kúdoloch sivého prachu, ktorý jej zapchával uši, nos i ústa* для более полной передачи смысла нам пришлось заменить невозвратный словацкий глагол *zapchávať* на возвратный русский глагол «забиваться»: «лицо исчезало в клубах серой пыли, которая забивалась ей в уши, нос и рот».

В предложении *mrak rástol a rástol, až sa roztancoval* мы встречаем любопытный глагол – *roztancovať sa*. Он означает *začať tancovať* «начать танцевать». В русском языке нет такой приставки, которая,

присоединяясь к глаголу «танцевать», дала бы похожее значение. Поэтому пришлось прибегнуть к описательному способу перевода и перевести это предложение на русский как «облако росло и росло, и даже пустилось в пляс».

Интересна превосходная степень наречия *najčastejšie* в словацком языке. В русском языке не существует аналогичной формы, поэтому слово было переведено как «чаще всего».

В предложении *na prvom poschodí sa otvorili dvere* мы сталкиваемся с примером *pluralia tantum* в словацком языке, где слово *dvere* не имеет формы единственного числа. На русский же язык это предложение лучше перевести как «на первом этаже открылась дверь», так как в значении «входная дверь» обычно используется форма единственного числа, хотя в некоторых случаях в русском языке форма множественного числа тоже используется (ср. «в дверях»).

Аналогичная ситуация наблюдается с существительным *šaty* «платье», которое в словацком языке является *pluralia tantum*.

В предложении (*ujo Zelinka*) *z vrecka na montérkach vyťahol kôstku* мы встречаем еще один пример *pluralia tantum* в словацком языке: это существительное женского рода *montérky*, которое всегда стоит во множественном числе. Оно означает *oblek alebo kombinéza použ. pri manuálnej práci* «костюм или комбинезон, использующийся во время работы руками». На русский язык это слово лучше перевести как «комбинезон», а все предложение – как «(дядя Травкин) вытащил из кармана своего комбинезона косточку». Мы добавили в перевод слово «свой», чтобы точнее показать принадлежность предмета и избежать двойного смысла.

Иногда мы видим и обратное: слово, которое в словацком языке изменяется по числу, в русском является *pluralia tantum*. Например, слово *brána* имеет и единственное число, и множественное: *brány*. В русском же языке существует только слово во множественном числе – «ворота».

Помимо *pluralia tantum* в этом произведении можно встретить также и *singularia tantum*. Например, словацкое слово *hmyz* как раз является примером *singularia tantum*, а его аналог в русском языке можно перевести и как «мошкара» (которое тоже будет являться *singularia tantum* за неимением/неупотреблением формы множественного числа), и как «насекомые», тогда это уже будет существительное, изменяемое по числу.

Если при переводе предложения *susedka zalapala po dychu* мы ставим перед собой цель как можно ближе придерживаться контекста (т.е. есть оставить в переводе слово *dych* – «дыхание», то необходимо заменить личное предложение безличным – «у соседки перехватило дыхание». Предложение продолжается такими словами: *namosúrene zmizla vo svojom byte*. Несмотря на то, что в *namosúrene* является наречием, на русский язык его лучше перевести деепричастием – «разозлившись, она исчезла в своей квартире».

Слово *štekli* «щекотно» является в словацком языке формой третьего лица единственного числа глагола *šteklit'* «щекотать». Эта форма используется для обозначения действия конкретного лица – *štekli dieťa* «он/она щекочет ребенка». Однако на русский язык фразу *to štekli* возможно перевести только наречием – «щекотно».

В предложении *schyľovalo sa k dažďu* нам встречается возвратный глагол *schyľovať sa* в безличной форме. Он означает *blížiť sa (v čase)* «приближаться (во времени)». Для того, чтобы оставить без изменений дополнение *k dažďu*, переводя его как «к дождю», было решено перевести глагол *schyľovať sa* существительным и невозвратным глаголом в личной форме: «дело шло к дождю».

Обратную ситуацию мы встречаем в предложении *blankytne modrá obloha sa rozmrholila*. Глагол *mrholit'* означает «моросить», а глагол *rozmrholit' sa* означает «начать моросить». В словацком предложении подлежащим является слово *obloha* «небо», которое «начало моросить». Для русского языка не характерна агентивация неодушевленных

существительных («небо заморосило»), для русского языка более типична локативная конструкция – «с неба заморосило», поэтому мы перевели это предложение именно так.

В третьем рассказе мы встречаем такое предложение: *tety [...] sedeli na chrbte ako ozajstné kovbojky*. Наибольший интерес в данном предложении представляет для нас слово *kovbojky*, т.е. женщины-ковбои. В русском языке слово «ковбой» применяется без изменения и к мужчинам, и к женщинам. По запросу «ковбойка» толковый словарь русского языка выдает следующее значение: «плотная клетчатая рубашка простого покроя с отложным воротом», что является совершенно не тем, что нам нужно. Как мы писали выше, словацкий язык располагает гораздо большим, чем русский, количеством слов для обозначения профессий/рода деятельности конкретно для женского пола. Это связано с большей стандартностью приемов словообразования в словацком языке и со специализацией словацких суффиксов²⁴ (ср. *lekár-lekárka* «врач», *inžinier-inžinierka* «инженер»).

В предложении *šikovnými prštekmi (Mimi) sa prehrabávala v hĺbe ústrižkov* нам встречается возвратный глагол *prehrabávať sa*. Он означает *pri hľadaní prehadzovať* «перебирать при поиске». На русский язык его можно перевести как «перебирать» - тогда этот глагол потеряет возвратность при переводе – или как «рыться» - тогда возвратность сохранится. Однако, слово «рыться» хуже подходит в данном случае по стилистике: все-таки маленькая девочка именно «перебирала гору лоскутков» для того, чтобы найти подходящий, а «рылась» имеет оттенок «что-то перекапывать», часто неаккуратно. Поэтому было принято решение перевести это предложение именно с помощью глагола «перебирать», даже если возвратность теряется: «ловкими пальчиками она перебирала гору отрезков».

²⁴ Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Bratislava, ч. I, 1954 (2 изд. 1965), ч. II, 1960; репринтное издание в одном томе: М.: «Языки славянской культуры», 2003. – с.250.

В предложении *mohol by to byť gumovník alebo žuvačkovník* нам встречаются два интересных существительных. Первое – *gumovník*, которое является синонимом слова *kaučikovník* «каучуковое дерево». В русском языке не существует такого названия для этого дерева, которое бы состояло из одного слова, как в словацком. Поэтому *gumovník* мы перевели как «каучуковое дерево». Второе интересное существительное – *žuvačkovník*. Оно не существует в словацком языке, но составлено по словообразовательной модели слова *gumovník* – основа *žuvačka* (*žuvacia guma* «жевательная резинка») и суффикс *-ovník*. Соответственно, в данном контексте *žuvačkovník*, как и *gumovník* относится к дереву, что позволяет нам перевести это слово как «дерево из жвачек», а всю фразу как «это может быть каучуковое дерево или дерево из жвачек».

В шестом рассказе мы встречаем предложение *od napätia (Mimi) si ohlodáva necht na pravom palci*. Глагол *ohlodávať* стоит в несовершенном виде, хотя перед нами реальный результат действия, Мими переживала, что Лиза ее найдет, и от напряжения обгрызла ноготь на большом пальце. В переводе на русский язык глагол несовершенного вида «грызла» идет вразрез со смыслом фразы. Поэтому было решено перевести ее с помощью глагола совершенного вида «обгрызть»: «от напряжения она обгрызла себе ноготь на большом пальце правой руки».

В этом же рассказе нам встречается наречие *sem-tam: sem-tam sa zastavila*, т.е. останавливалась везде. В русском языке в этом значении используется наречие «там-сям», которое, помимо прочего, обладает даже визуально похожей формой.

4.4. Словосочетания

В предложении слово *von* было переведено как «на улицу», так как односложный аналог «наружу» в данном контексте и в рамках детского художественного произведения представляется не очень уместным.

Выбор был сделан в пользу словосочетания «на улицу», а не, например, «из дома», потому что в следующих рассказах мы увидим, как Мими и Лиза играют в парадной и во дворе дома.

В предложении *topanočky [...] aj rovnako veľké* мы сталкиваемся с аналогичной ситуацией: на русском гораздо более понятно будет звучать фраза «туфельки такого же размера», чем «такие же большие», тем более, что в данном случае речь идет как раз-таки о детской обуви.

Поскольку русский и словацкий языки являются близкородственными, многие предлоги в них по своей форме совпадают, имеют одинаковую этимологию и мотивацию. Однако часто встречаются случаи, в которых предлог в русском и словацком языке имеет разное управление, присоединяя к себе другие части речи посредством разных падежей. Так, например, в предложении *presne oproti ich novému bytu* мы видим, что предлог *oproti* присоединяет к себе другие части речи через дательный падеж, а в русском языке после аналогичного предлога «напротив» мы поставим родительный падеж – «и прямо напротив их новой квартиры».

В словосочетании *hmla pod mihalnicami* дословно речь идет о «тумане под ресницами», но в русском языке это сравнение не совсем понятно. Поэтому в переводе предлог *pod* был заменен в русской версии на предлог «на» - «туман на ресницах».

В следующем предложении нам встретилась интересная разница в предлогах словацкого и русского языков: *skákať ako cez švihadlo*, дословно «прыгать, как через скакалку». В русском языке со словом «скакалка» используется предлог «на», поэтому и это словосочетание мы перевели как «прыгать, как на скакалке».

Еще одним примером разницы в предлогах может послужить словосочетание *bojovník proti chorobám*. *Bojovník* переводится на русский язык как «боец» или «борец», в данном случае по контексту нам больше подходит слово «борец». В словацком языке глагол *bojovať*, от которого произошло существительное *bojovník*, присоединяет к себе

существительные посредством предлога *proti* «против». А в русском языке говорится «бороться с кем/чем», то есть используется предлог «с». Это отражено и в переводе: «борец с болезнями».

Часто при переводе приходилось прибегать к смене вида грамматической связи слов в словосочетаниях. Так, например, словосочетание *skriňové dvere* (грамматическая связь – согласование) невозможно перевести на русский язык, не изменив при этом вид подчинительной связи. Таким образом, переведя данное словосочетание на русский язык как «двери шкафа», связь с согласования изменилась на управление.

Другая подобная ситуация встретилась нам при переводе словосочетания *zátocká sála*. В данном случае точно так же необходимо изменить подчинительную связь с согласования на управление – «зал замка».

В одном из предложений нам встречается словосочетание *jašterie šupiny*, которое дословно означает «ящеричная чешуя». Прилагательное «ящеричный» в русском языке употребляется редко, чаще всего с названиями конкретных видов рептилий. Поэтому в данном случае мы решили изменить вид подчинительной связи с согласования на управления, превратив в русском варианте это словосочетание в «чешуя ящерицы».

Словосочетание *uprostred dlážky* (*dlážka* «пол») нельзя перевести на русский язык буквально; в русском не говорят «посреди пола». В контексте речь идет о комнате Мими, поэтому было решено перевести данное словосочетание как «посередине комнаты».

Выражение *kdesi d'aleko na dne tmy* дословно означает «где-то далеко на дне тьмы». В русском языке гораздо более привычным является словосочетание «в глубине тьмы», поэтому было решено перевести именно так.

Также грамматическую связь пришлось поменять в словосочетании *gombíkové oči*, дословно «пуговичные глаза». На наш

взгляд, лучше заменить определение «пуговичный», выраженное прилагательным, на приложение, выразив его, соответственно, через существительное – «глаза-пуговицы».

Словосочетание (*šašo*) *sa zhlboka nadýchol* тоже лучше не переводить дословно (как «он глубоко вдохнул»), потому что глагол «вдохнуть» обычно подразумевает после себя прямое дополнение (вдохнуть что?). В контексте же речь идет о том, что клоун просто набрал воздуха в легкие, чтобы затем задуть свечи. Поэтому на русский язык было решено перевести это предложение как «он сделал глубокий вдох».

Предложение *Líza si z kamarátkiných obáv nič nerobila* тоже нельзя дословно перевести на русский язык, т.к. в русском фраза «ничего не делать» не имеет окраски «не придавать значения». Поэтому было решено перевести данное предложение как «Лиза не обращала внимания на ее опасения». Вариант «не обращать внимания» показался в данном контексте более уместным, чем «не придавать значения», ведь речь все же идет о произведении для детей, а первое словосочетание является более понятным и простым.

В предложении *tma bola predsa taká prirodzená* мы отказались от перевода слова *prirodzený* как «естественный, натуральный» и заменили его на «привычный»: «все-таки темнота была привычной для нее».

В предложении *na ňu padol ťažký tieň domovníčky hrmotajúcej po schodoch* речь идет о том, Лиза видит тень домоправительницы, которая «грохочет по лестнице». Так как речь идет о человеке, о чем-то одушевленном, на русском языке более корректно будет сказать «на нее упала тень оправдомши, с грохотом поднимающейся по лестнице», в то время как неодушевленный предмет (например, жестяное ведро) в русском языке тоже может «грохотать по лестнице».

Во втором рассказе встречается интересное словосочетание *clivá sivota*, что дословно переводится как «скучная бесцветность». В принципе, такое словосочетание возможно в русском языке, но словосочетание «бесцветная скука» является более созвучным,

возможно, из-за более высокой употребляемости слова «скука», нежели «бесцветность».

Интересно, что в самом начале третьего рассказа мы встречаем фразу: *Líza pozná korec skvelých hier*. Для выражения большого количества в словацком языке используется существительное *korec* «гора», а в русском – «море», если придерживаться «природной» тематики и не считать слова вроде «уйма», «куча» и т.д. Поэтому данное предложение было переведено как «Лиза знает море отличных игр».

К смене грамматической связи нам пришлось прибегнуть и в третьем рассказе, где девочки видят дома у портних следующее: *trs [...] záplatových kríkov, [...] zipsový baobab či čipková akácia*. Дословно эти словосочетания переводятся как «заплаточные кустарники», «молниевый баобаб» и «кружевная акация». В случае с акацией прилагательное удачно согласуется с существительным, вызывая в голове читателя определенную картинку, в то время как первое и второе словосочетания являются довольно громоздкими и сложными для восприятия. Поэтому было решено заменить прилагательное на приложение, выраженное существительным: «пучок [...] кустарников-заплаток, [...] баобаб-молния и кружевная акация».

В предложении *domovníčka Šedivá [...] nezadržateľne pokračovala v bojovom ťažení* при переводе на русский язык невозможно было сохранить управление глагола *pokračovať* «продолжать». В словацком языке этот глагол требует после себя локатив, который в русском языке часто совпадает по форме с предложным падежом. А глагол «продолжать» в русском языке требует после себя винительного падежа, прямого дополнения. Таким образом, предложение было переведено как «управдомша Седова без остановки продолжала свой боевой подъем».

Дополнение в предложении *Mimi a Líza kráčali sivou vyprahnutou krajinou* стоит в творительном падеже, т.к. оно обозначает траекторию (в русском языке творительный падеж тоже имеет такую роль, например, «идти обходным путем», «идти короткой дорогой»). Слово *krajina* же в

данном контексте означает какой-либо участок земли, территорию. Поэтому в данном случае перевод на русский язык с сохранением творительного падежа невозможен, ведь нельзя сказать «они шагали серой выжженной землей». Поэтому было решено заменить падеж на дательный и перевести предложение как «Мими и Лиза шагали по серой выжженной земле».

Сложности немного другого характера встречаются нам при попытке перевода устойчивых выражений и фразеологизмов. Но фразеологизмы – это не только пословицы и поговорки. Это еще и те фразеологические единицы, которые В.В. Виноградов называет «фразеологическими сочетаниями» и объясняет их так:

«...большая часть слов и значений слов ограничены в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений. Например, слово «брать» в значении овладевать, подвергать своему влиянию, в применении к чувствам, настроениям - не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: «страх берет», «тоска берет», «досада берет», «злость (зло) берет», «ужас берет», «зависть берет», «смех берет»... Но нельзя сказать: «радость берет», «удовольствие берет», «наслаждение берет» и т. п. Таким образом, круг употребления глагола «брать» в связи с обозначениями чувств и настроений фразеологически замкнут»²⁵.

Одна из самых больших сложностей перевода – найти в переводящем языке эквивалент для фразеологических сочетаний. Ниже

²⁵ Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. - В кн.: Виноградов В. В. Избр. труды. Лексикология лексикография; М., 1977, с. 134

мы приводим примеры фраз из оригинального произведения и наших предложений по их переводу на русский язык.

В предложении *hrad [...] hral všetkými farbami sveta* мы сталкиваемся с устойчивым выражением, которое имеет аналог в русском языке, но только цвета в русском не «света, мира», а радуги – «замок играл всеми цветами радуги».

Выражение *trma-vrma* является фразеологизмом. Толковый словарь словацкого языка дает ему следующее определение: *zmätok spôsobený neusporiadaným pohybom* «суета, созданная беспорядочными движениями». Подходящим аналогом в русском языке мы посчитали существительное «неразбериха», которое не является фразеологизмом, но часто используется в разговорной речи и будет понятно маленьким читателям.

Выражение *tma-tmúca* тоже является устойчивым выражением, которое обозначает кромешную темноту. Интересно то, что в русском языке есть фразеологизм, который имеет точно такую же форму (в смысле словообразования) – «тьма-тьмущая». Однако значение таких похожих по форме фразеологизмов в русском и словацком языках разное, ведь в русском данное выражение означает «очень много, великое, бесчисленное множество». Поэтому в переводе было решено использовать другое словосочетание – «кромешная тьма».

Выражение *urobil hop a skok* тоже является устойчивым. На русский язык мы перевели ее как «прыг-скок», проведя аналог со звуком, который изображает прыжок и в русском языке, отбросив глагол и пунктуационно отделив этот член предложения от продолжения фразы с помощью тире. Получилось, что из сказуемого, состоящего из глагола, и дополнения мы получили сказуемостное междометие «прыг-скок».

В одном из предложений первого рассказа речь идет о том, что клоун задувает свечи. При этом говорится следующее: *(sfúkol sviečky) na jediný výdych*. В русском языке в таком случае используется не «выдох» *výdych*, а другое выражение – «он задул свечи с первого раза».

Словосочетание *nekonečná nuda* обозначает нечто скучное, бесконечную скуку. В русском языке есть устойчивое выражение «тоска зеленая», которое очень широко используется и будет понятно и интересно детям, поэтому было решено перевести словацкое словосочетание именно так.

Предложение *ale Mimi nemala náladu na žartíky* дословно означает «но у Мими не было настроения для шуточек». В русском языке есть устойчивое выражение, которое имеет такой же смысл – «не до шуток». Поэтому было решено перевести данное предложение именно так: «но Мими было не до шуток».

Несколько раз в различных рассказах встречалось выражение *od výmyslu sveta*. Но на русский язык его перевод не всегда однозначен. Например, в предложении *(domovníčka) zbierala si na sveter odtiene od výmyslu sveta* речь идет о том, что домоправительница собирала себе на свитер совершенно разные оттенки. Соответственно, в переводе на русский язык лучше придерживаться цветовой тематики. Поэтому в данном предложении это выражение было переведено как «оттенки всех цветов радуги». Примером другого перевода на русский язык может послужить предложение *miestnosť bola plná tkanín a úpletov od výmyslu sveta*. Речь здесь идет о разных тканях и полотнах, для этого в русском есть устойчивое выражение «на любой вкус».

В предложении *vyzerali, akoby jedna druhej z oka vypadla* мы встречаемся с устойчивым выражением *vypadnúť z oka*, что означает *veľmi sa ti podobat'* «быть очень похожим». В русском языке тоже есть подобное фразеологическое выражение: «быть похожими как две капли воды». Поэтому было решено перевести это предложение с использованием именно этой фразы: «они выглядели похожими, как две капли воды».

В третьем рассказе в одном предложении нам встречается интересное выражение: *po zrebných zebkách nebolo ani chýru, ani slychu*.

Это выражение является полным аналогом русского «ни слуху ни духу», хотя отличается по форме.

В какой-то момент тети-портнихи говорят крокодилу: *žiadne strachy!* Дословно это значит «никаких страхов». В словацком языке это словосочетание является устойчивым выражением, а на русский язык его лучше будет перевести как «не бойся».

В предложении *Mimi a Líza sa ani nenazdali a farebný krokodíl bol hotový* мы встречаемся с еще одним интересным выражением – *sa ani nenazdali*. Глагол *nazdať sa* означает «подумать». Таким образом, выражение дословно переводится как «Мими и Лиза даже не подумали, а...». То есть что-то произошло очень быстро. В русском языке такому смыслу соответствует устойчивое выражение «не успеть глазом моргнуть». Таким образом, данное предложение мы перевели как «Мими и Лиза и глазом моргнуть не успели, как разноцветный крокодил был уже готов».

В конце третьего рассказа в ситуации, когда Лиза проигрывала в карточную игру, говорится *horko-ťažko sa jej podarilo nájsť dva páry*. Устойчивое выражение *horko-ťažko* означает *s veľkou námahou, ťažko* «с большим трудом, тяжело». На русский язык это можно перевести либо как «с большим трудом», либо «с горем пополам». Наш выбор пал на «с горем пополам», т.к. это выражение тоже является фразеологизмом: «с горем пополам ей удалось найти две пары».

В четвертом рассказе мы встречаем словосочетание *niektoré jej hladili prsty*. Управление глагола *hladiť* «гладить» в словацком языке отличается от русского. В словацком языке говорится «гладить кому, что» – *hladiť jej prsty*. В русском языке говорится «гладить кого/что, по чему» - это винительный и дательный падежи. Поэтому данное словосочетание мы можем перевести на русский как «некоторые гладили ее по пальцам».

В предложении *zdá sa mi, že ho počujem* мы встречаемся с глаголом *zdať sa*, который означает *mať nejaký dojem, pocit* «иметь некоторое впечатление, ощущение». Выражение *zdá sa mi*,

соответственно, будет значить «у меня есть ощущение». В русском языке есть выражение, совершенно совпадающее со словацким – «сдается мне, что...». Однако, такое выражение не свойственно речи маленького ребенка, оно не подходит по стилистике, и в данном предложении оно было бы излишним. Поэтому было решено перевести эту фразу как «мне кажется, я его слышу».

В предложении *Mimi zahanbene sklonila hlavu* речь идет о том, что Мими стало стыдно, и она склонила голову. В русском языке в этом значении используется словосочетание «потупить глаза» или «потупить взор». Так как выражение «потупить взор» все-таки кажется нам слишком неподходящим по стилю для детского рассказа, мы перевели предложение с помощью словосочетания «потупить глаза»: «Мими стыдливо потупила глаза».

В предложении *musíme jej vliezť do hrdla a zistiť, kde je chýba* мы встречаем выражение *kde je chýba*, дословно «в чем ошибка». В данном контексте речь идет не о какой-то конкретной ошибке (в тексте, в задании и т.д.), а, скорее, о том, почему больше не работает ее голос. В русском языке для выражения такой мысли можно использовать выражение «что не так»: «нам нужно залезть ей в горло и посмотреть, что не так».

При переводе данных случаев мы руководствовались словами Л.С. Бархударова:

Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения.²⁶

При переводе словосочетания *v rúrkovom labyrinte* нам снова пришлось прибегнуть к смене подчинительной связи. *Rúrkovu* значит «трубный», *labyrint* – «лабиринт», вот только на русском языке словосочетание «лабиринт из труб» звучит намного лучше, чем «трубный

²⁶ Бархударов Л.С., Рецкер Я.И. Курс лекций по теории перевода. - М., 1968.- с.12

лабиринт». Поэтому решено было заменить согласование управлением и перевести данное словосочетание как «лабиринт из труб».

В предложении *chlapík sa [...] votrie do hrdla a vystrája, akoby mu to tu patrilo* мы встречаемся с глаголом *patríť* «принадлежать». Дословно это предложение можно перевести как «человечек влез [...] в горло и хулиганит, как будто оно принадлежит ему». Однако, в русском языке есть одно устойчивое выражение, которое как нельзя лучше подходит к данной ситуации - «быть как у себя дома». Поэтому было решено перевести данное предложение именно так: «хулиганит, как будто он у себя дома».

В шестом рассказе, когда девочки играют в прятки, и Лиза ищет Мими, нам встречается слово *učipená*. Лиза думает, что Мими спряталась *učipená pod schodmi*. *Učipiť sa* означает «согнуться», поэтому *učipená pod schodmi* можно было бы перевести как «согнувшись под лестницей». Тем не менее, нам кажется более предпочтительным вариант «на корточках» - он вызывает очень четкий образ и больше подходит для описания игр.

Для корректного перевода предложения (*Mimi*) *si ohlodáva necht na pravom palci* нужно помнить, что в словацком языке слово *palec* означает «большой палец», а не любой палец, как в русском. Соответственно, словосочетание *necht na pravom palci* мы можем перевести как «ноготь на большом правом пальце», но для того, чтобы еще больше упростить понимание всей фразы, мы предложили сделать из прилагательного «правый» словосочетание «правая рука»: «ноготь на большом пальце правой руки».

В предложении *teta Rybáriková zalomila rukami* мы встречаем глагол *zalomiť*. В толковом словаре словацкого языка мы находим следующее: *prejaviť zúfalstvo* «выразить отчаяние». Это устойчивое выражение. В русском языке тоже есть выражение «заломить руки от отчаяния», поэтому мы решили перевести это предложение, используя эту фразу: «тетя Рыбакова заломила руки от отчаяния».

В седьмом рассказе нам встречается словосочетание *darčkové mesto*. Это город, который вместо зданий состоит из подарочных упаковок и коробок. Если мы переведем это словосочетание как «подарочный город», то по-русски не очень понятно, что имеется в виду. Если перевести его как «город подарков», то появляется двойной смысл: можно понять это только как то, что в этом городе дарят подарки, но не как то, что он еще и сделан из подарков. Поэтому мы остановились на варианте «город из подарков». Так не возникает ни двойных смыслов, ни проблем в понимании.

Такая же точно ситуация встречается нам в словосочетании *darčková džungľa*. Здесь тоже будет более уместно перевести его на русский язык как «джунгли из подарков».

В предложении *vás šmaria do kúta, takže po vás už ani pes neštekne* мы имеем дело с устойчивым выражением, которое дословно переводится как «на вас даже пес не полагает». Из контекста понятно, что речь идет о том, что кто-то останется в «углу» совсем один и будет никому не нужен. В русском языке тоже есть устойчивое выражение с подобным значением «и думать забыть о ком-то»: «они закинут вас в угол и даже думать о вас забудут».

Словосочетание *radostná slina* дословно означает «радостная слюна», но русскому читателю такое сравнение покажется странным. Поэтому было решено перевести это словосочетание как «слеза счастья», которое вызовет у читателя нужные ассоциации.

4.5. Синтаксис предложения

В ходе перевода нам пришлось столкнуться с разными случаями, в которых было абсолютно невозможно дословно перевести на русский язык то, что говорилось в оригинале. Очень часто приходилось изменять, упрощать (или усложнять) синтаксическую структуру предложений,

заменяя простое предложение сложным, разбивая сложное предложение на два простых и т.д. При этом мы старались никогда не забывать о том, что переводим произведение детской художественной литературы. Мы пытались ни в коем случае не уменьшить выразительность текста, ни «упростить» какие-то отдельные слова, а лишь сделать текст более доступным, более понятным для детей. Ниже мы приводим примеры таких синтаксических трансформаций.

Фраза *sú dlhočizné schodiská, popri ktorých sa vinú kovové zábradlia ako hady* была бы громоздкой для русского читателя, если переводить ее дословно, поэтому при переводе было решено изменить порядок слов в предложении, упростив тем самым его структуру: «длиннющие лестницы с коваными перилами, вьющимися, как змеи».

Предложение *vždy mi veselo zacengajú (električky) na pozdrav* невозможно перевести на русский язык с сохранением синтаксической структуры словацкого оригинала. При переводе из одного сказуемого пришлось сделать два, добавив при этом к русскому аналогу существительного *pozdrav* – «привет» - еще и глагол «передавать» - «они всегда весело звенят и передают мне привет».

Следующая трудность возникла в предложении *vidím-cítim hrejúce slniečko a kvitnúce kvietky, padajúce lístie a mokré dažďové kvapky, fujú-fujavicu aj štekľivé studené snehové vločky*. Если перевести это предложение на русский язык с сохранением всех причастий, то предложение получится очень тяжеловесным, «неудобным» для восприятия, особенно для детей. Поэтому было принято решение преобразовать причастия в придаточные изъяснительные предложения, изменив при этом синтаксическую структуру, но облегчив понимание: «я вижу-чувствую, как греет солнышко и цветут цветочки, как падают листья и мокрые капли дождя, а еще вьюю-вьюгу и щекочущие морозные снежинки».

Довольно часто при переводе приходилось прибегать к смене части речи того или иного члена предложения и к изменению

синтаксической структуры всей фразы. Например, предложение *ani pred jedinými dverami nie sú vyložené hračky či detský bicykel* будет звучать гораздо более удобно на русском языке, если причастие *vyložený* «выложенный» трансформировать в глагол «стоять», а саму конструкцию *ani...či* выразить через аналогичную конструкцию в русском языке: «нет ни одной двери, перед которой бы стояли игрушки или детский велосипед!».

В диалоге между Мими и Лизой звучат такие фразы:

- *Takže ma nikdy neuvidíš?* (Лиза)

- *Ale áno [...] takto.* (Мими)

Неправильно было бы дословно перевести реплику Мими. Ответ на вопрос «ты и меня никогда не увидишь?» в данном случае отрицательный, Мими говорит, что она может увидеть свою подружку, но только с помощью рук. Поэтому было бы неверно перевести ответ *ale áno* как «да» или «но да». Вместо этого было решено перевести эту фразу с помощью глагола – «увиджу [...] вот так».

Еще к одной трансформации мы пришли при переводе следующей фразы: *Líza, ktorá sa inak nebála ničoho, sa tmy bála*. По-русски это предложение гораздо лучше и понятнее звучит в таком виде: «Лиза не боялась ничего, кроме темноты». Таким образом, из сложноподчиненного предложения мы сделали простое с предлогом «кроме».

В словацком языке нет такой конструкции, как в русском, когда к личной форме глагола мы можем присоединить глагол в инфинитиве, если действующие лица при этом совпадают. Так, в предложении *sľubujem, že sa polepším* второе действие выражается через придаточное предложение, и в словацком языке оно может быть выражено только таким способом. На русский язык это предложение можно перевести и как «я обещаю, что исправлюсь», так и как «я обещаю исправиться». Смысл при этом не меняется.

Еще одним примером отсутствия подобной конструкции в словацком языке может послужить предложение из третьего рассказа: *no*

ešte väčšia zábava bola, keď sa jej podarilo presvedčiť Mimi, aby sa šmykla s ňou. На русский язык это предложение можно перевести как «но еще веселее ей стало, когда ей удалось уговорить Мими прокатиться с ней», т.е. придаточное предложение в русском языке возможно заменить просто инфинитивом. В словацком же это невозможно.

Словацкий язык не пользуется пунктуацией так широко, как русский. Так, например, в предложении *ako ho mohla chudáka zavrieť...* приложение *chudák* не обособляется, в то время как в русском языке любое приложение при личном местоимении обособляется: «как она могла его, беднягу, закрыть...».

Часто предложение в словацком языке строится таким образом: *vôbec to nebolo príjemné.* То есть в русском переводе это как бы «совсем это не было приятно». В словацком языке в этом случае действует закон Вакернагеля. Согласно этому закону, клитики занимают в предложении второе место. Это явление характерно для многих славянских языков, в том числе и для словацкого. В русском же языке слово «это» не является клитикой. Поэтому при переводе на русский мы поменяли порядок слов и получили «это было совсем не приятно», где отрицание относится не к глаголу, как в словацком языке, а к наречию, ведь русское отрицание стоит ровно перед тем словом, к которому относится.

В предложении *do sály vniklo slnečné svetlo* подлежащим является существительное *svetlo* «свет». Однако в русском варианте будет более уместным сделать подлежащим существительное *sála* «зал» и сказать, что «зал озарился солнечным светом».

Еще один пример, вызывавший трудность при переводе. Например, Лиза предлагает нарисовать на стене парадной разноцветную радугу *na rozjasnenie tohto škaredého sivého dňa*, дословно «на прояснение/для прояснения этого ужасного серого дня». В русском языке такая конструкция не используется, поэтому при переводе пришлось сделать из этого предложения придаточное: «чтобы этот ужасный серый день прояснился».

С очень похожим примером мы сталкиваемся в предложении (*to je) dúha na spestrenie sivého dňa*). В силу того, что конструкция, подобная *na spestrenie*, в русском языке не используется, предложение было переведено с помощью придаточного – «это радуга для того, чтобы раскрасить серый день».

При переводе предложения *o jednu farbu, ktorej sa domovníčka desí, menej* в русском варианте пришлось добавить местоимение «те», без которого русское предложение нельзя было построить: «на один цвет из тех, что пугают управдомшу, меньше».

В затруднительное положение также поставил перевод глагола *začvachtať* в предложении (*Mimi) začvachtala mokrými nohami*. В следующем предложении речь идет о том, что девочки стояли в глубокой луже (*dievčatá stáli v hlbáčiznej kaluži*). Глагол *začvachtať* является просторечием, в данном случае речь идет о том, что Мими затопала ногами в луже, и при этом получались хлюпающие звуки. На русский язык это предложение было решено перевести как «Мими затопала мокрыми ногами в глубокой луже», совместив его с частью следующего предложения и сделав тем самым следующее предложение простым.

Иногда для того, чтобы предложение имело смысл и хорошо звучало на русском, приходилось прибегать к следующим приемам: например, предложение *Mimi a Líza pobavene pokrčili plecami* звучало бы немного странно на русском, если все оставить так, как есть («Мими и Лиза радостно пожали плечами»). Не очень понятно, что значит пожать плечами именно «радостно». Поэтому в данном случае предпочтительно использовать устойчивое выражение «быть вне себя от»: «Мими и Лиза были вне себя от радости».

В предложении *Mimi mala oči zatvorené ešte tuhšie ako obyčajne* в качестве сказуемого используется глагол *mať*, а *zatvorené oči* являются прямым дополнением. Перевести это предложение с сохранением словацких частей речи и синтаксиса невозможно. Есть два варианта его перевода: первый – превратить сказуемое в этом предложении в

составное именное сказуемое с помощью краткого прилагательного («у Мими глаза были закрыты еще сильнее, чем обычно»), второй – заменить глагол *mať* глаголом *žmúrit'* «жмурить» («Мими жмурила глаза еще сильнее, чем обычно»). Второй вариант кажется нам предпочтительным, т.к. его структура делает предложение более простым для понимания.

При переводе предложения *s divokej jazdy mala strach* нам тоже пришлось поменять синтаксическую структуру предложения. Дословно эта фраза означает «от бешеной езды ей было страшно», но по-русски фраза будет звучать гораздо лучше, если сделать в предложении составное глагольное сказуемое и заменить дополнение обстоятельством образа действия: «ей было страшно ехать так быстро». По-русски можно сказать как «было страшно от чего-то», так и «было страшно что-то делать». Тем не менее, не все существительные могут быть использованы в данном выражении, их количество ограничено, а вот использование инфинитива является более распространенным.

В предложении *podľa nej to totiž bola najväčšia zábava na svete* мы сталкиваемся с вводным словом *podľa nej*, что в русском переводе означает «по ее мнению». Перевести это так значило бы сделать предложение более тяжеловесным, поэтому мы решили изменить вводное слово на безличное предложение «ей казалось», сделав тем самым из простого предложения сложноподчиненное: «ей казалось, что это было лучшее развлечение на свете».

При переводе предложения *krokodíl prepukol v ešte usedavejší plač* нам пришлось немного изменить его первоначальную конструкцию. Дословно это предложение можно перевести как «крокодил зашелся в еще большем плаче», однако по-русски это звучит не совсем корректно и довольно громоздко. Помимо этого, «зашелся в плаче» в основном используется тогда, когда речь идет о детях. Поэтому нами было принято решение перевести данное предложение как «крокодил зарыдал еще сильнее», убрав тем самым дополнение и добавив обстоятельство образа действия.

В предложении *sympatické sloníky s trúbením vyspätkovali* нам пришлось прибегнуть к некоторой синтаксической трансформации. Аналога слову *trúbenie* в русском языке не существует. Это существительное описывает процесс, когда кто-то (в данном случае, слоны) во что-то трубят. Поэтому мы решили перевести это предложение как «милые слоники трубили и отбегали», т.е. сделать из дополнения *s trúbením* сказуемое, выраженное глаголом «трубить», оставив это предложение простым, но с однородными сказуемыми.

При переводе предложения из четвертого рассказа *jeho balkón bol jediný na pustom dvore, ktorý sa zelenal ako oáza* нам пришлось изменить его синтаксическую структуру. Дословно это предложение переводится на русский язык как «его балкон был единственный на пустом дворе, который зеленел, как оазис». Но тогда совершенно непонятно, к какому слову из главного предложения относится придаточное – к «балкону» или ко «двору». Исходя из контекста, мы понимаем, что придаточное будет относиться к балкону, но, чтобы не усложнять понимание, мы решили поменять строение предложения таким образом, чтобы не возникало никаких вопросов: «его балкон был единственным зеленым оазисом во всем пустом дворе». У нас получилось простое предложение, которое, тем не менее, передает весь смысл оригинала.

В четвертом рассказе ботаник выходит на балкон и говорит девочкам, качающимся на качелях: *hojdáte sa, hojdáte?* Если переводить этот вопрос дословно, то получится «качаетесь, качаетесь?». Ботаник задает этот вопрос не потому, что он не видит, что делают девочки, а просто для того, чтобы начать разговор. Поэтому на русский язык логично было перевести этот вопрос как «ну что, качаетесь?».

В предложении *ale Líza jej vysvetlila, že jeden strom v pralese chýbať nebude* нам пришлось изменить структуру придаточного предложения. Это связано с тем, что в русском языке нет аналога глагола *chýbať*, его можно перевести только как «не хватать», «не доставать». В переводе на

русский мы предлагаем следующий вариант: «но Лиза ей объяснила, что в таком лесу никто не заметит пропажу одного дерева».

Вопрос *môže pohyb voňať?* легко переводится на русский язык как «может движение пахнуть?». В русском языке есть два варианта вопросительного предложения. Одно маркируется исключительно интонацией (поэтому употребляется в основном в устной речи), а в письменной речи при отсутствии другого вопросительного слова употребление «ли» является нормой. Поэтому было решено перевести это предложение следующим образом: «может ли движение пахнуть?».

В пятом рассказе мы встречаем такое предложение: *(pomaranč) je plný vitamínov*, дословно «апельсин полон витаминов». На русском языке такое предложение звучит довольно тяжело, гораздо лучше было бы перевести его как «в нем полно витаминов», превратив сказуемое, выраженное глаголом *byť* в словацком варианте, в составное именное сказуемое, которое состоит из наречия «полно» с нулевой связкой в русском варианте перевода.

В следующем предложении мы встречаемся с примером обратного действия: *sú dobré proti chorobám*. В словацкой версии это предложение имеет составное именное сказуемое. На русский язык эту фразу можно перевести как «они хороши против болезней», а можно заменить составное именное сказуемое обычным, состоящим из глагола «бороться», и получится «они хорошо борются с болезнями». Это предложение кажется нам более простым для понимания.

Предложение *pri každých dverách sa so zatajeným dychom pristavila ponačúvať* можно перевести на русский как «она прислонялась к каждой двери послушать с затаенным дыханием». Но в русском языке существует устойчивое выражение «затаить дыхание», которое как раз имеет значение «задержать дыхание, увлеченно вслушиваясь». Поэтому мы предложили заменить в данном предложении дополнение *so zatajeným dychom* «с затаенным дыханием» на деепричастный оборот

«затаив дыхание»: «затаив дыхание, она прислонялась к каждой двери и прислушивалась».

Похожая ситуация нам встречается в предложении *opýtala sa Líza s vyvalenými očami*, что означает «спросила Лиза с вытаращенными глазами». В русском языке существует устойчивое выражение «вытаращить глаза», использующееся как раз в значении удивления чему-либо. Поэтому в данном предложении мы тоже решили заменить дополнение *s vyvalenými očami* на деепричастный оборот «вытаращив глаза»: «спросила Лиза, вытаращив глаза».

В предложении *tete Melánii v hrdle zaklokotal spevavý smiech* нам пришлось изменить синтаксическую структуру предложения для перевода на русский язык. Дословно эта фраза значит «у тети Мелании в горле забулькал певучий смех». В русском языке в таком значении часто используется выражение «залиться смехом». Поэтому именно это выражение мы решили использовать в качестве сказуемого, а «тетю Меланию» сделать подлежащим. В итоге перевод выглядит таким образом: «тетя Мелания залилась певучим смехом».

Предложение *dal sa do takého škreku, že by zahanbil aj najzlostnejšieho paviána* содержит сравнение крика Лорда Вируса с самым разъяренным павианом. Дословно его можно перевести как «он начал так пронзительно кричать, что пристыдил бы даже самого разъяренного павиана». Но смысл придаточного на русском при таком переводе не очень ясен, сделать его более простым для понимания можно, если изменить подлежащее и сказуемое: «он начал так пронзительно кричать, что с ним не смог бы сравниться даже самый разъяренный павиан».

В шестом рассказе мы сделали из сложноподчиненного предложения простое для удобства понимания: *Mimi cítila, ako na ňu kamarátka dýcha*, дословно «Мими чувствовала, как подружка дышит на нее». Гораздо более простым для понимания предложение станет, если мы сделаем его простым, а придаточное заменим на дополнение: «Мими чувствовала даже ее дыхание». Мы не стали добавлять «дыхание

подружки», т.к. при данном эпизоде присутствуют только Мими и Лиза, а из контекста и так понятно, кто чье дыхание чувствовал.

К смене дополнения на деепричастный оборот нам пришлось прибегнуть и при переводе предложения *pri pohľade na obrovitánske akvárium [...] Líza nemo otvorila ústa. Pri pohľade* можно перевести на русский язык деепричастием «посмотрев»: «посмотрев на гигантский аквариум, [...] Лиза раскрыла рот от удивления». Дополнение «от удивления» в нашем переводе сменило обстоятельство *nemo*, т.к. «молча раскрыла рот» в русском языке не обязательно выражает удивление, а в данном случае речь идет именно о нем.

В следующем предложении мы сделали глагольное сказуемое из составного именного сказуемого, немного «упростив» тем самым предложение. В словацком варианте говорилось *Mimi mala pocit*, «у Мими было ощущение». Перевести это на русский язык мы решили как «Мими казалось».

Предложение *čosi si uvedomili a zahanbili sa* дословно можно перевести как «они кое-что поняли и устыдились». Однако, в русском языке гораздо чаще, чем «устыдиться», в разговорной речи используется безличное «стало стыдно». Поэтому и здесь мы решили перевести глагол *zahanbiť sa* именно так: «они кое-что поняли, и им стало стыдно». Таким образом, из простого предложения с однородными сказуемыми мы сделали сложносочиненное предложение, но при это оно не стало более тяжеловесным и трудным для понимания, а как раз наоборот, облегчило его.

Предложение *Líza sa šťastne ponorila do neviditeľných snov* дословно переводится как «Лиза довольно погрузилась в невидимые сны». Наречие «довольно» не очень хорошо сочетается с глаголом «погрузиться», поэтому мы решили убрать наречие и сделать из него прилагательное-определение к «Лиза»: «довольная Лиза погрузилась в невидимые сны».

В седьмом рассказе нам встречается такое предложение: (*Líza*) *želala si, aby Mimi dostala psíka*. Глагол *dostat'* значит «получить», но в данном контексте по-русски лучше сказать «подарить»: «Лиза загадывала, чтобы Мими подарили собачку». Таким образом, из личного придаточного предложения мы получаем безличное.

Предложение *ony [...] pokračovali v pochode* дословно означает «они продолжили в марше». На русский язык эту фразу лучше перевести несколько иначе, например, как «они [...] продолжали двигаться вперед».

Заключение

В ходе перевода со словацкого на русский язык сборника рассказов *Mimi a Liza* мы имели дело с переводом между двумя близкородственными языками. Этот факт в некоторых случаях облегчал нашу задачу, но зачастую вызывал и проблемы.

В ходе данной дипломной работы мы провели краткий обзор детской литературы в России и Словакии, выявили основные жанры в литературе для детей в каждой из этих стран, а затем описали историю создания сборника рассказов *Mimi a Liza*, роль его иллюстраций, социальную проблематику и реакцию критики

Во время перевода нам пришлось столкнуться с проблемами разного характера. Для удобства мы разделили их на пять параграфов, каждый из которых посвятили определенной теме. Мы испытывали некоторые трудности при переводе имен собственных, т.к. в рассказах часто встречаются говорящие имена и фамилии, а также словацкие реалии. При переводе реалий нам приходилось применять разные подходы: в каких-то случаях искать аналог в русском языке, в каких-то случаях пользоваться сноской, потому что иначе читатель бы остался в неведении, в каких-то случаях мы оставляли словацкие реалии без изменений. При этом мы преследовали цель познакомить юных читателей с реалиями и традициями других стран, еще больше усилить социальную тематику рассказов.

Мы также столкнулись с многочисленными проблемами перевода лексики. Сложность перевода между двумя близкородственными языками заключается в том, чтобы избежать переводческих калек. Зачастую слова и предложения оказывались очень близкими по форме в русском и словацком языке, но в итоге все равно приходилось прибегать к перифразу, к описательному переводу, чтобы избежать тяжелых, громоздких фраз.

Отдельный параграф посвящен сложностям в морфологии и словообразовании, с которыми мы столкнулись при переводе. Основными проблемами был вид глагола, который существует в обоих языках, но иногда используется по-разному; образование женского рода от имен существительных мужского рода, обозначающих профессию и т.п. В таких случаях словацкий язык располагает большей стандартностью приемов словообразования, чем русский, а переводить нам приходилось согласно правилам словообразования русского языка.

Отдельные сложности возникали и при переводе устойчивых выражений и словосочетаний; этой проблеме также посвящен отдельный параграф комментария. Словацкий язык располагает большим количеством устойчивых выражений и фразеологизмов, которые по своему значению схожи с русскими. Однако, иногда они имеют другую форму, и это заставляло нас сознательно уходить от переводческих калек, которые были бы сразу заметны русскоговорящему читателю.

Заключительный параграф мы посвятили синтаксису. Самыми частыми случаями, которые мы комментировали, были замена словацкого сложного предложения простым предложением с деепричастным оборотом в русском языке, а также сознательное разделение фраз на более мелкие с целью избежать громоздкости и облегчить понимание со стороны юных читателей.

Таким образом, нами выполнен перевод со словацкого на русский язык сборника рассказов *Mimi a Liza*. Это современные рассказы, которые переводятся на многие языки мира, но еще не были переведены на русский. Помимо прочего, эти рассказы обладают актуальной социальной тематикой. Мы также описали трудности, возникшие при переводе между близкородственными языками. Мы надеемся, что данная дипломная работа поможет другим переводчикам словацкого и русского языков.

Список использованной литературы

1. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 5-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 576 с.
2. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Суперанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. – 206 с.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М, 1973. – 235 с.
6. Влахов С, Флорин С. Непереводимое в переводе. Реалии // Мастерство перевода. 1969. – М. 1970.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. — 5-е изд. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 416 с.
8. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. - В кн.: Виноградов В, В. Избр. труды. Лексикология лексикография. М., 1977.
9. Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 т. Т. 3: - Высокое искусство, М., Терра - Книжный клуб, 2001.

10. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Bratislava, ч. I, 1954 (2 изд. 1965), ч. II, 1960; репринтное издание в одном томе: М.: «Языки славянской культуры», 2003.

11. Бархударов Л.С., Рецкер Я.И. Курс лекций по теории перевода. - М., 1968.-263 с.

12. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. - М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.

13. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высшая школа, 1990. - 253 с.

14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000.

Интернет-источники:

15. Электронный словацко-русский словарь: <http://slovník.azet.sk/> [дата посещения страницы: 05.02.2017]

16. Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru/index.html> [дата посещения страницы: 10.02.2017]

17. LITERÁRNE INFORMAČNÉ CENTRUM. <http://www.litcentrum.sk/35009> [дата посещения страницы: 12.01.2017]

18. Jednotka RTVS na Vianoce: Biblia aj nový Večerníček Mimi a Líza. <http://strategie.hnonline.sk/media/779626-jednotka-rtvs-na-vianoce-biblia-aj-novy-vecernicek-mimi-a-liza> [дата посещения страницы: 28.01.2017]
19. Kniazkova V.S. Slovak children's literature in translations. PhD in Philology, Saint Petersburg State University, Russia. <http://rulb.org/en/article/slovackaya-detskaya-literatura-v-perevodax> [дата посещения страницы: 21.01.2017]
20. Belková Z., Kepštová Ľ. Detské knihy v Bologni, 15. 4. 2010. URL: <http://kultura.sme.sk/c/5320995/detske-knihy-v-bologni.html> [дата посещения страницы: 10.01.2017]
21. Press Kit Mimi a Líza <http://www.mimializa.sk/app/data/presskit-ku-knihe-mimi-a-liza.pdf> [дата посещения: 02.02.2017]
22. Video: RTVS po rokoch prinesie nový pôvodný večerníček. <http://www.webnoviny.sk/kultura/clanok/692331-video-rtvs-po-rokoch-prinesie-novy-povodny-vecernicek> [дата посещения страницы: 18.01.2017]

Líza

Námet © Katarína Kerekesová, Katarína Moláková 2013

Text © Alexandra Salmela 2013

Ilustrácie © Katarína Kerekesová, Boris Šima, Ivana Šebestová 2013

Slovak edition © Vydavateľstvo Slovart, spol. s r. o., Fool Moon, spol. s r. o., 2013

5 FINANČNOU PODPOROU
MINISTERSTVA KULTÚRY
SLOVENSKEJ REPUBLIKY

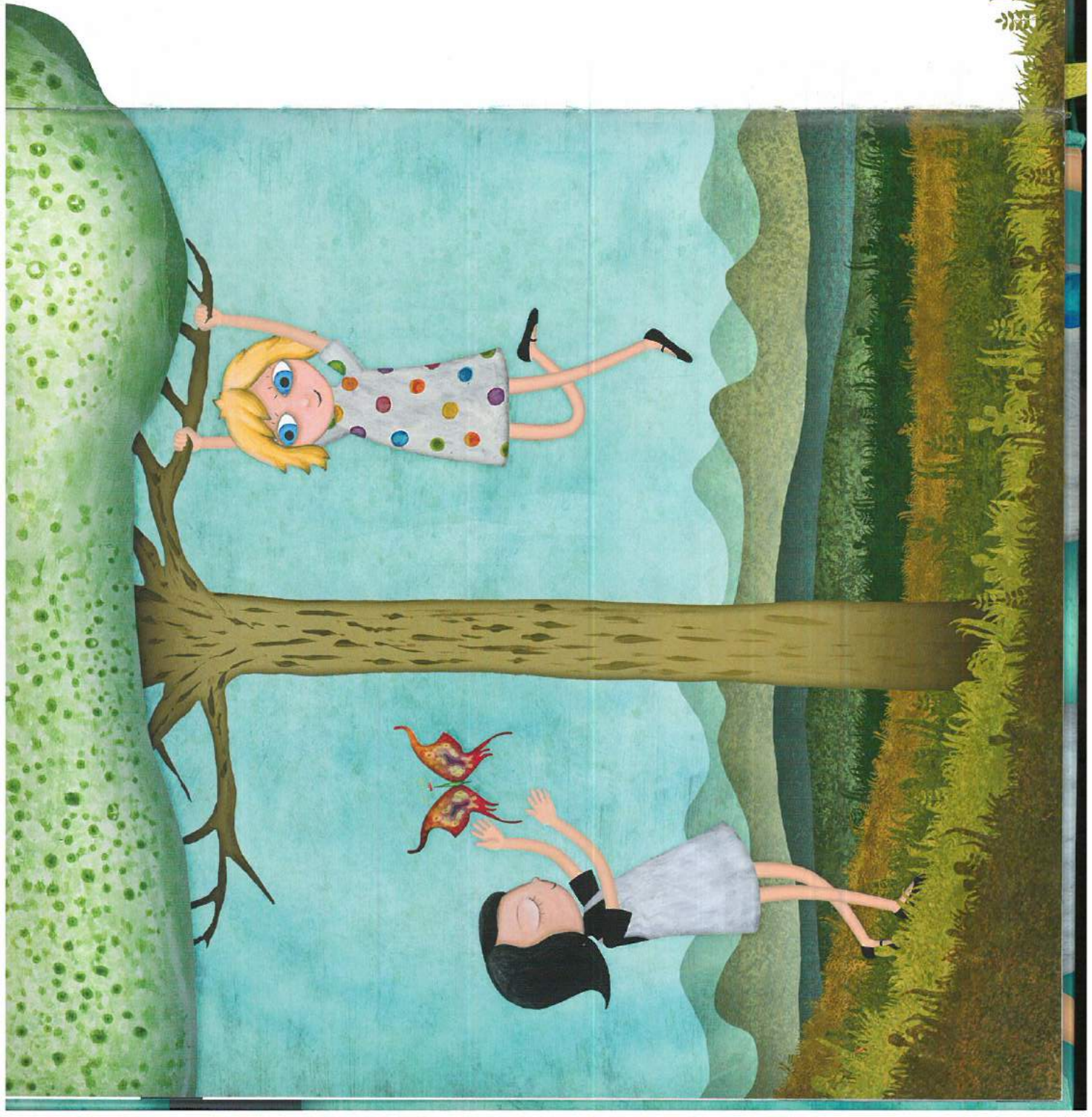
rtv: **4sil** **ekran** **ovf** AUDIOVIZUÁLNY
FOND - SA

Podľa rovnomeného TV seriálu MIMI a LÍZA
v koprodukcii Fool Moon, spol. s r. o., RTVS a ekran, spol. s r. o.
Realizáciu seriálu MIMI a LÍZA podporil Audiovizuálny fond.

Všetky práva vyhradené. Žiadna časť tejto knihy sa nesmie reprodukovat ani šíriť v nijakej forme ani
nijakými prostriedkami, či už elektronickými, alebo mechanickými, vo forme fotokópií či nahrávok,
respektíve prostredníctvom súčasného alebo budúceho informačného systému a podobne bez
predchádzajúceho písomného súhlasu vydavateľa.

ISBN 978-80-556-1088-7

Mimi & Zina

Napísali

Katarína Kerekesová, Katarína Moláková, Alexandra Salmela

Ilustrovali

Katarína Kerekesová, Boris Šima, Ivana Šebestová

slovar **fool moon**
BYEN

OBSAĤ

Tmy sa nemusíš báť,

Zbohom, farba sivá

57

Tety z pexesa

35

Kam zmizol tien?

77

Agent Vitamín

99

Neviditeľná ryba

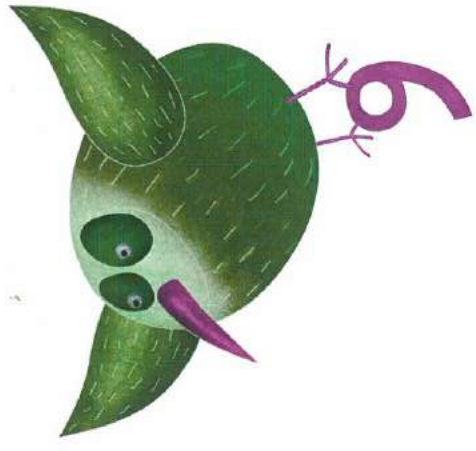
121

Vianoce

747

Tmy sa nemusia bát

V mojom meste sú všelijaké domy. Tehlové, kamenné, betónové. Niektoré sú hladké, iné majú zasa hrboľaté steny. Sú vysoké. Viem to, pretože vtáčiky, čo čvirikajú na strechách, počujem dosť slabo. Sú domy, ktoré majú na prízemí malé zamrežované okienka, na iných sú obrovské presklené výklady. Občas sú obohané múrikmi. Chodím po nich ako baletka. Medzi niektorými domami sú dlhočizné schodiská, popri ktorých sa vinú kovové zábradlia ako hady. Držím sa zábradlia a počítam schody. Už mi to celkom ide!

Ulice v mojom meste sú tiež všakovaké: úzke, strmé, krivolaké, ale aj široké a rovné. Moja ulica je dlhá a rovná, okrem áut po nej chodia aj električky. Vždy mi veselo zacengajú na pozdrav! A aha: toto sme my. Môj tatino a ja. Počujete? Klip-klop,

klip-klop, klip-klop: moje topánočky veselo klopajú na dlažbe z mačacích hláv a klipocú na obrubníkoch. Tatinove veľké topánky upokojujúco šuchocú.

Môj tatino je celý veľký. Kráčame vedľa seba a tato vo svojej veľkej teplej dlani drží moju maličkú. Tak spolu chodíme po našom meste a našej ulici – môj tatino a ja, Mimi. Tatino vraví, že som jeho slniečko. Ale ja som slniečko nikdy nevidela. Iba cítim, ako ma hreje. Ani svoje hračky nevidím. Kým ich nedržím v rukách, sú také nijaké, akoby priesvitné. Ale potom, keď sa ich dotknem prstami, ožijú. To ale nie je zázrak. Viete, ja som slepá. Svet vidím rukami a ušami, a trochu

dokonca aj nosom a jazykom. Všetko, čo je okolo mňa:

CRŔRN električky a starý telefón,
TUT-TÚÚÚT netrpezlivé autá, ŠŠŠsumiace
stromy v letnom vánku, ČVIRIKPÍÍPPIÍP
vtáčiky, BŽŽŽ včielky a ÍK-ÍK CILILING
tatino vracajúci sa z práce na vřzgajúcom
bicykli. Vidím-cítim hrejúce slniečko
a kvitnúce kvietky, padajúce lístie
a mokré dažďové kvapky, fijiúú-fujavicu
aj štekľivé studené snehové vločky.

Von sama chodiť nemôžem, preto som najčastejšie vo svojej izbičke. Mám v nej pekne

upratané, aby som sa náhodou nezamotala do pohodných pančušiek alebo nebuchla hlavou do otvorených skriňových dverí. Aj hračky mám poriadne poukladané, každú na svojom mieste.

Vždy presne viem, kde čo je. Dnes sa mi však na dlážke týči obrovská kopa drevených stavebnicových kociek.

Postavím si z nich véééékkkýý hrad.

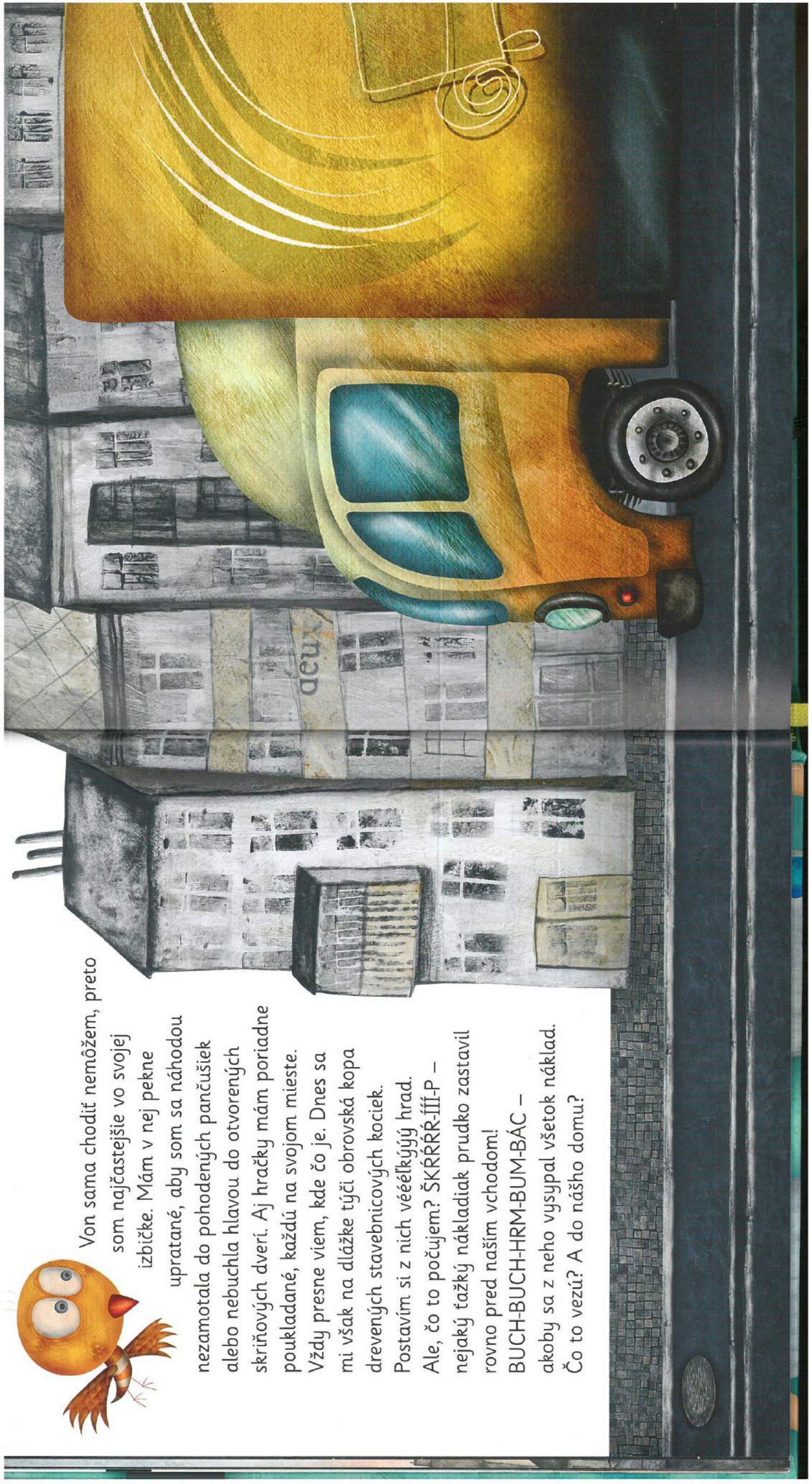
Ale, čo to počujem? ŠKRŔŔŔŔ-ÍÍÍ-P –

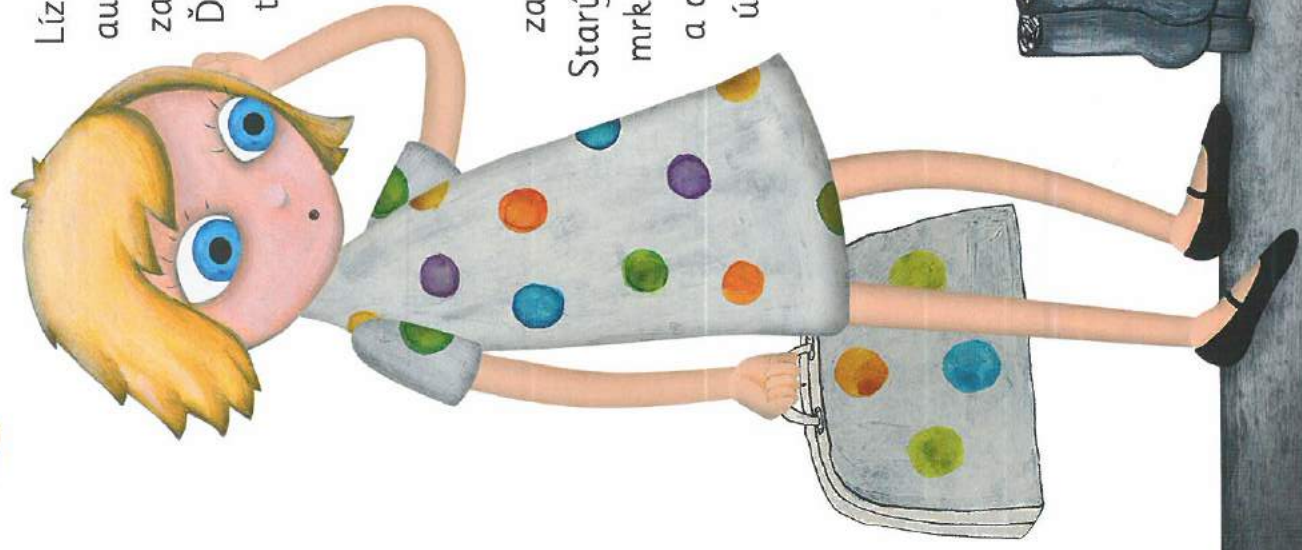
nejaký ťažký nákladiak prudko zastavil rovno pred naším vchodom!

BUCH-BUCH-HRM-BUM-BÁC –

akoby sa z neho vysypal všetok náklad.

Čo to vezú? A do nášho domu?

Líza vyskočila zo žltého sťahovacieho auta. Všetky jej veci a hračky ležali zabalené v škatuliach na kope pred **ĎALŠÍM NOVÝM DOMOM**. Teda – takmer všetky. Líza v ruke držala kufriček, v ktorom sa čosi zúrivo metalo a hrkotalo.

„Buď už konečne ticho,“ zašepkala Líza kufriu. „Ani mne sa nechce zas sťahovať.“

Starý dom. Trošku ošarpaný. Líza rýchlo mrkla po dome veľkými modrými okálmi a cupitala za mamou do brány. Úplne úžasnú zábradlie. Určite by sa po ňom dalo výborne šmýkať s kamarátmi.

Ak tu teda bývajú aj nejaké iné deti, s ktorými by som sa mohla zoznámiť, lebo žiadnych starých

kamarátov tu nemám, mračila sa Líza. Dom je príliš tichý, akoby spal. Líza zamyslene mávala kufrikom, v ktorom sa to zavreté čosi zasa hrozne rozdivelo:

„**TRESK-PLESK-BÁC-POMÓC!** Pustite ma von!“

Na prvom poschodí sa otvorili dvere. Vyukukla z nich zvedavá susedka.

„Ticho! Lebo tam ostaneš navždy!“ vynadala Líza tomu, čo tak hrmtalo v kufri. Susedka zalapala po dychu a namosúrene zmizla vo svojom byte. Ak v tomto dome bývajú samí ffrfloši, nebude tu vôbec žiadna zábava, vzdychla si Líza. Ani pred jedinými dverami nie sú vyložené hračky či detský bicykel! Líza sa smutne šuchtala na najvyššie poschodie, keď si kútikom oka čosi všimla. Detské topánočky! Úplne rovnaké ako tie jej. A dokonca aj rovnako veľké. Presne oproti ich novému bytu! Líza sa vrhla k čiernobielym dverám. Násťročiu zaklopala, nedočkavo sa postavila na špičky a pokúšala sa nazrieť dovnútra cez kukátko.

„Haló! Býva tu aspoň jedno dieťa?“ vydýchla Líza s nádejou. A spoza dverí sa ozvalo:

„Hm. Tu býva Mimi.“

„Ja som Líza. Aj ja tu už bývam,“ oznámila Líza rezko.

Vtedy sa dvere otvorili. Pred Lízou stálo zvláštne čiernobiely dievčatko a pokojne povedalo:
„Ahoj, Líza.“

Zvláštne, nikdy by mi nebolo napadlo, že niekto môže byť čiernobiely, premýšľala Líza. Ale toto dievčatko, Mimi, bolo naozaj čiernobiely: malo veľmi bledú tvár, rovné čierne vlasy po pleciah a na sebe čierne tričko s bielou šatovou zásterou. A čo bolo najčudnejšie, Mimi mala oči zatvorené, aj keď sa s Lízou normálne rozprávala.

„Ahoj. Ty spíš?“ vyhrkla Líza začudovane.

„Nie. Mám iba zatvorené oči,“ odvetila Mimi, akoby na tú otázku bola už zvyknutá.

„Tak ich otvor,“ dobiedzala Líza.

„Ale... to nejde. Ja som slepá.“

Ja ich mám stále zavreté,“

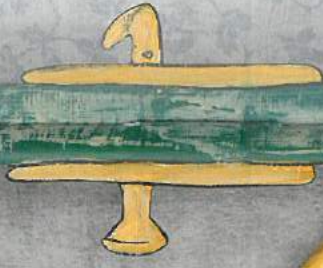
vysvetľovala Mimi trpezlivo.

Líza bola veľmi sklamaná:

„Takže ma nikdy neuvidíš?“

„Ale áno,“ upokojovala ju Mimi.

„Takto,“ a jemnými prstami sa začala dotýkať Lízinej tváre.

Preskúmala jej oči, nos, ústa aj uši, počuchovala jej vlasy, pohladila ju po ramenách a nakoniec prstom spočítala všetky farebné bodky na Lízinych šatočkách. Bolo ich tridsaťsedem. V Miminej predstavivosti ožili Lízine rozčuchané svetlé vlasy a veľké modré oči. Líza sa šťastne usmievala.
„Páčim sa ti?“ vyzvedala.

„Si trocha strapatá, ale páčiš,“ povedala Mimi a jemne štouchla svoju novú kamarátku do bruška.

Líza sa rozosmiala: „Júj, to štekli!“

Lízín kufřík sa zo stretnutia svojej majiteľky s Mimi vôbec netešil. Natriasal sa Líze v rukách tak zlostne, akoby mal každú chvíľu vybuchnúť.

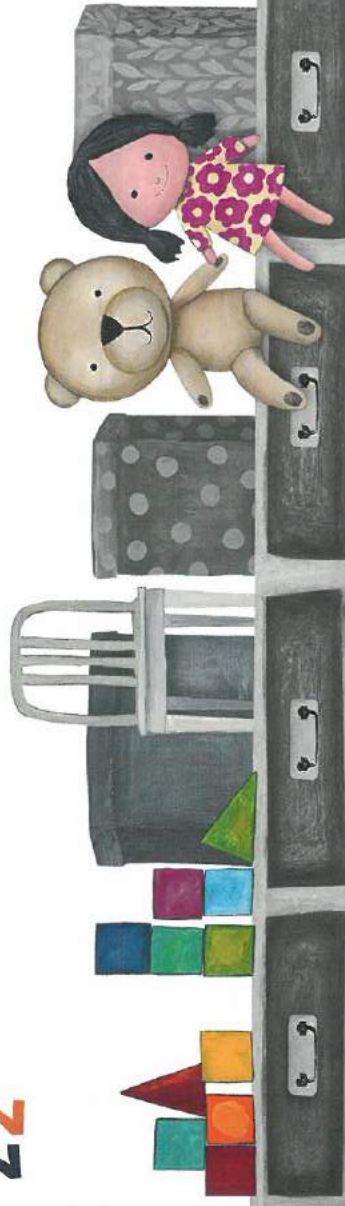
„Čo to hrkoce?“ čudovala sa Mimi.

„Neposlušná hračka. Ty také nemáš?“ čudovala sa zasa Líza.

„Mňa moje hračky poslúchajú,“ povedala Mimi.

„Ukáži!“ bola zvedavá Líza
a hneď aj utekala
do Miminej izbičky.

Mimina izbička bola pekná a vzorovo uprataná, ale úplne rovnako čiernobiela ako Mimi. Uprostred dlážky sa však vypínal obrovský hrad z kociek, ktorý hral všetkými farbami sveta. Hrad bol vyšší ako dievčatá a mal toľko brán, vežičiek a mostíkov, koľko sa Líze ešte nikdy postaviť nepodarilo. Líza nemohla uveriť, že Mimi takú nádheru postavila úplne sama – so zavretými očami!

Hrad je určite zázračný, bola presvedčená Líza. Obchádzala divotvornú stavbu a skúmala, kade by sa tak dalo dostať dnu. No jasné, trojitá zlatá brána! Líza schmatla Mimi za ruku a ťahala ju do hradu:

„Podí, pozrieme sa dnu!“

„To sa predsa nedá,“ zasmiala sa Mimi neisto.

„Ale dá! Táto čarovná brána je na to ako stvorená,“ vyhlásila Líza rozhodne.

V tej trme-vrme vypadol hrkotavý kufřík Líze z ruky, klúčik v zámke sa zvrtol, večo sa otvorilo a znútra vyskočil škreklavý šašo s krútivými gombíkovými očami:

„Hahahá! Konečne sa mi podarilo vyslobodiť z tohto odporného kufra! Podte to so mnou osláviť, kamaráti!“ Šašo mávol rukou a z tmy tmúcej vyleteli zubaté netopiere. „Leťte potešiť dievčatá! A pekne pritom trepotajte krídelkami,“ rozkázal šašo.

Netopiere krúžili okolo hláv vystrašených dievčat v spíške stavebnicových kociek. Šašo sa zlomyseľne rehotal. Všetci sa nezadržateľne rútili do diery, ktorá presvitala kdesi ďaleko na dne tmy. Mimi a Líza presvištali cez otvor ako špinavá voda cez odtok a BUCH-ŽUCH – dopadli do obrovskej kamennej zámockej sály. Zo sivých stien viseli hrubé pavučiny, z tmavých kútov gánili svietiace oči. Mimi a Líza sedeli na chladnej dlažbe, šúchali si doudierané ruky a nohy a pritom sa zaháňali pred náletmi dotieravých okrídlených potvor. Vôbec to nebolo príjemné, ani trošičku, Líza však statočne vyhlásila: „Aký pekný hrad.“

Podľa Mimi bol hrad dosť strašidelný. Omnoho strašidelnejší však bol Lízín šašo. Vyhrážal sa im! „Teraz vás tu zamknem, baby. Nech skúsite, aké je to, mať strach. Hahahahaaaa.“

Darmo naňho Líza kričala, šašo mal v čarodejnom hrade čarodejnú moc: ruky a nohy sa mu natahovali ako pružiny, až sa túčil nad dievčatami ani stožiar. Urobil hop a skok, potočil kľúčom a ťažká brána sa so škripotom zamkla na tri západy.

„Aj sviečky vám pozhášam, aby vás svetlo zbytočne nerušilo,“ vyškieral sa šašo. Potom sa zhlboka nadýchol a na jediný výdych sfúkol všetky-všetulinké sviečky na veľikánskom lustri. Zavládla úplná tma. A Líza, ktorá sa inak nebála ničoho, sa tmy bála. A táto tma bola mimoriadne strašidelná, celá netopieria a pavučinová. Líze stáli strapaté vlasy dupkom a z hrdla sa jej rinul taký škrek, že by odplašil aj tú najpríšernejšiu príšeru. To si však Líza vôbec nevšimla. Našťastie Mimi, ktorá sa inak bála veľa vecí, sa tmy nebála ani trošičku. Tma bola predsa taká prirodzená. A tak to aj Líze povedala: „Tmy sa nemusíš báť.“

Líza si tým nebola istá. Najmä keď mala pocit, že po nej lezie niečo odporné. A v tom mala pravdu. Z lustra sa spustil chlpatý pavúk a začal okolo dievčat svať sieť. Spúťaval ich do špulky ako hmyz, ktorý schramstne na večeru.

„Mimi, Mimi, to je koniec,“ vzlykala Líza. Cítila, ako ich pavúk po niti vyťahuje kamsi k plafónu.

„Neboj sa,“ upokojovala Mimi kamarátku a šikovnými prúčkami skúmala pavučinu, až kým nenašla to, čo hľadala.

„Mám začiatok! Drž sa, Líza!“

Mimi a Líza sa hompáli na lustru. Mimi zatiahla za nitku. Pavučina sa akoby zázrakom rozmotala a ľahučko dopadla na rozkokošeného šaša.

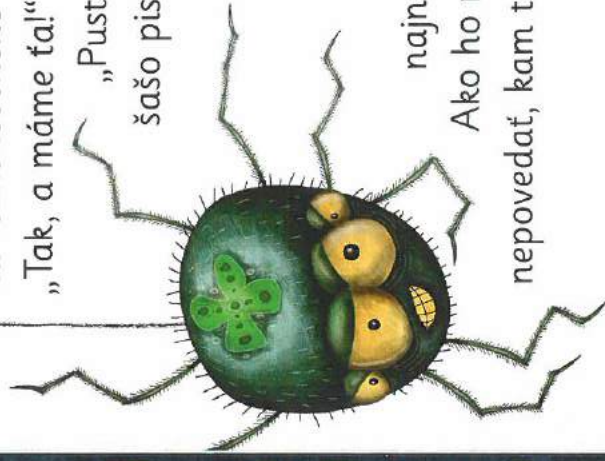
„Tak, a máme ťa!“ vyhrkla Líza. „Šup s tebou naspäť do kufra!“

„Pustite ma. Sľubujem, že sa polepším,“ prosíkal šašo pisklavým hláskom. Nechcel sa vrátiť do

tesného kufra, v ktorom bola iba tma a strach!

Líza to už nemohla počúvať. Predsa len mala šaša rada, aj keď to bola jej najneposlušnejšia a najzlomyseľnejšia hračka.

Ako ho mohla chudáka zavrieť do kufra a ani mu nepovedať, kam to vlastne idú! A aká naňho potom bola zlá.

Líza šaša objala, ten sa k nej vďačne pritulil a placho jej podal kľúčik.

Líza hneď bežala odomknúť bránu do hradu.

Do sály vniklo slnečné svetlo, aj sviečky na lustru sa rozohoreli! Hrad sa opäť rozíhral žiarivými farbami a všetky temné príšery zmizli. Dovnútra vleteli pestrofarebné motýle, veľkými krídlami štekli Mimi a Lízu na nose. Dievčatá so smiechom chytli šaša za ruky a cez trojitú zlatú bránu vyšli rovno do Miminej izbičky.

„Líza, kde si tolko?“ ozvalo sa z chodby netrpezlivo. Ach-jaj, spomenula si Líza, mama ju už určite hľadá, tak dlho boli s Mimi

zavreté v tom strašidelnom hrade. Mamu treba ísť rýchlo upokojiť, inak sa o ňu bude báť a potom sa bude hnevať a nakoniec ju zamkne do detskej izby tak, ako Líza zamkla neposlušného šaša do kufríka.

„Už musím ísť,“ povedala Líza.

„Ale... prídeš ešte?“ opýtala sa Mimi s malou dušičkou.

„Jasné,“ odvetila Líza a v jednej ruke so šašom, v druhej s kufríkom odskackala domov.

Keď mama Lízu večer ukladala do postielky, Líza jej celé dobrodružstvo vyrozprávala: o tom, ako na nich urazený šašo poslal pavúka, ktorý ich spútal do tesnej pavučiny, ako sa Mimi ani trochu nebála, našla koniec, teda vlastne začiatok a celú pavučinu vypárala. Mama sedela pri Lízinej postielke a vážne prikyvovala. Líza videla, že mama celkom nerozumie, ako to Mimi v tej tme všetko dokázala. Líza mame vážne vysvetľovala, že Mimi vidí rukami a ušami, to preto. Mama

sa láskavo zasmiala a povedala, že Líza je jej malá výmyselníčka a že už má íst radšej spať. Tá mama to ale berie na ľahkú váhu. Akoby nikdy nebola uväznená v strašidelnom hrade, pomyslela si Líza zarazene len chvíľočku predtým, než zaspala.

Mimi tatinovi o strašidelnom hrade nepovedala nič, veď čo ak by sa zľakol. Radšej mu porozprávala o svojej novej kamoške Líze, ktorá sa dnes pristahovala do toho prázdneho bytu oproti. Vlastne to už nie je prázdny byt. Už je to byt, v ktorom býva Líza a Lízina mama. Tatino pokyvkával hlavou a napravoval si okružle okuliare. Mimi nadšene opisovala, aká bola s Lízou veľká zábava. Líza sľúbila, že príde aj zajtra. „Však môže, tató, však?“ Mimi prosebné pozerala na tatina svojimi bledými zavretými očami. Bola taká šťastná, keď tatino vyhlásil, že Líza môže prísť, kedy len bude chcieť. A keď

tatino pohladil Mimi po čele a dal jej pusu na dobrú noc, už takmer spala. Mesto potemnelo a stíchlo. Mimi nezobudila ani posledná električka, čo prednrčala popred ich dom.

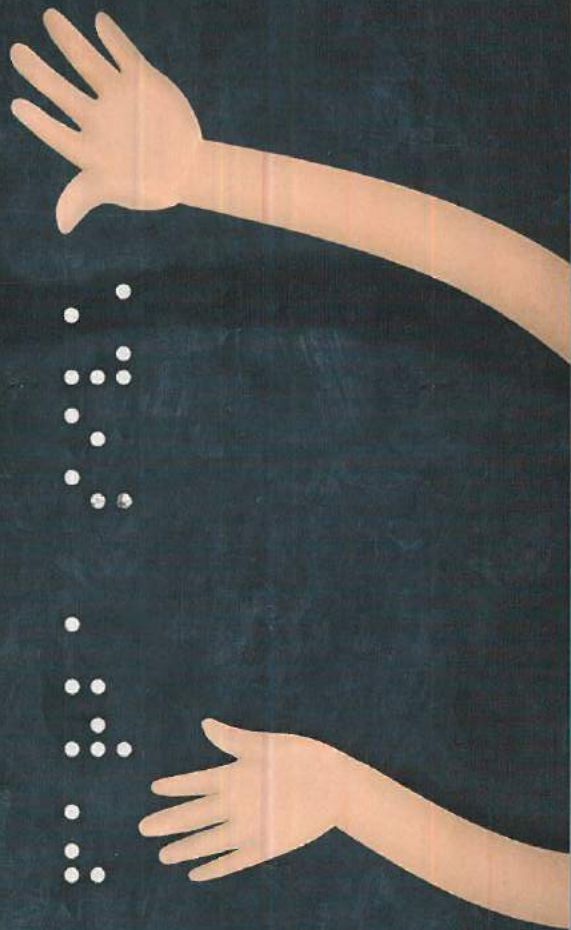

Bol sivý deň. Sivý dážď sivo padal na sivé domy, ktoré sa topili v sivej hmle. Po prázdnych sivých uliciach sa vliekli sivé autá, cez cestu občas prebehol nejaký sivý človek, aby hneď zmizol v sivej bráne. Aj ináč veselé a farebné cinganie električky dnes bolo akési sivasto zahmlené.

Mimi a Líza sedeli na sivej chodbe vo svojom sivom činžiaku a mlčali. Mimi sa zatvorenými očami pozerala kamsi do neznáma, Líza zas zaujato skúmala úzku prasklinu, ktorá sa jej pomedzi nohy tiahla naprieč celým schodom, až kým nebadateľne nezmizla v sivom kameni.

„V takýto deň-nedeň sa nedá poriadne nič robiť. Nekonečná nuda. Sivá zožrala všetky farby a tak sa rozťahuje, že o chvíľu určite zhltnie aj nás. Neznášam sivú, sivá je hnusná, odporná, otrasná farba. Blé!“ frflala Líza, ale zrazu sa zháčila: „Jáj, ty predsa farby nevidíš, Mimi.“

Zbohom,
farba sivá

„Ale vidím,“ povedala Mimi. „Sivá je trochu ako škvara vŕzgajúca pod nohami alebo ako hmla pod mihalnicami alebo ako betónový múr na ceste k babičke alebo ako popol na zemiaku upečenom v pahrebe alebo ako november. Alebo ako chodba v našom dome.“

Líza nemohla uveriť vlastným ušiam. Mimi vidí rukami a ušami dokonca aj farby! Teda – farbu. Síce sivú, ale predsa. Cíti aj jej chuť na jazyku. Neuveriteľné, fantastické, chcela povedať Líza, ale Mimi ju predbehla s nesmelou otázkou:

„Sivá je čierna zmiešaná s bielou, takže vlastne aj ja som sivá. Som potom nudná, Líza?“

„Jasné, že nie si nudná,“ vyhrkla Líza. „A nie si ani sivá. Ty si čierna a biela – pekne oddelene. Si to najzaujímavejšie dievča na svete. Moja najlepšia kamoška. A, Mimi, vidíš aj iné farby?“

Mimi sa rozosmiala:

„No jasné! Len trochu inakšie ako tí, čo sa na ne pozerajú očami. A mám aj...“ Mimi zaváhala, odmlčala sa.

„Čo máš?“ bola zvedavá Líza.

Mimi si odkašľala.

„Farebné kriedy,“ povedala tíško.

„A už si nimi aj kreslila?“ vyzvedala Líza.

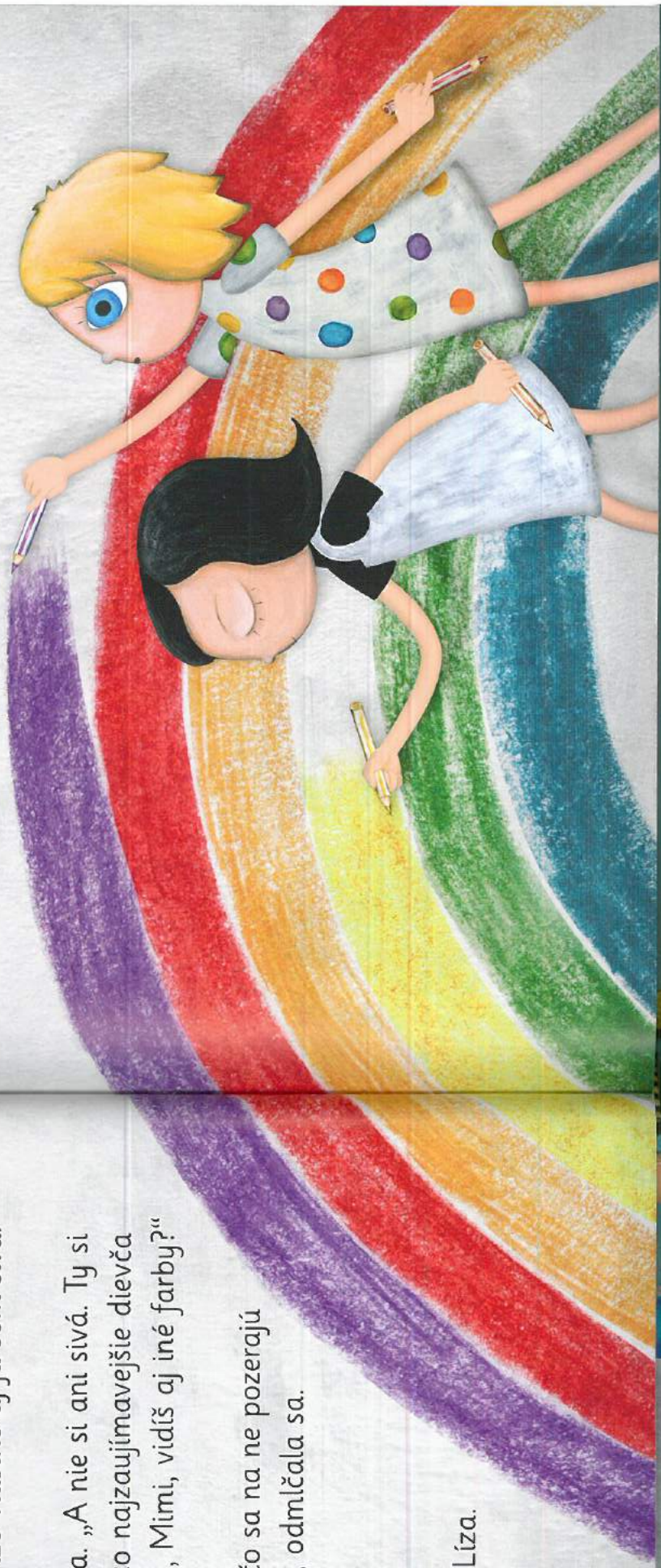
Mimi pokrútila hlavou.

„Tak to si hneď musíme namaľovať dúhu!“ vyhlásila Líza rázne. „Krásnu, veľkú, pestrofarebnú. Na rozjasnenie tohto škaredého sivého dňa.“

Mimi sa ani nemusela pýtať, kam chce Líza tú dúhu kresliť.

Bolo jej jasné, že jediné miesto, na ktorom sa krásna veľká dúha môže rozprestrieť, je sivá stena na schodisku ich domu.

Mimi mala trochu strach. Keď tú žiarivú nádheru objaví domovníčka sivomilka, bude určite strašne kričať a hrmotat a trieskať kýblami, metlami a mopmi, ktoré ju vždy verne

sprevádzajú na všetkých jej upratovacích pochôdzkach.

Ako to, že sa Líza nebojí najväčšieho postrachu tohto domu? dumala Mimi.

„Mimi. Nespi,“ potiahla ju Líza za ruku a vtisla jej čosi do dlane. „No? Aká je to farba?“

„Predsa červená. Ako čajík v zime,“ usmiala sa Mimi nervózne.

„Správne! Mimi, ty farby naozaj úplne cítiš,“ chválila ju Líza a rapotala: „Ja nakreslím dúhe žltý pásik. Ako sniečko a púpavy a kuriatka a... a...“

„A teplé leto,“ doplnila ju Mimi.

„A citróny!“ zvolala Líza naradostene. Odvážne mávla rukou a na sivej stene sa rozžiaril prvý vysoký oblúk dúhy.

Mimi sa zhlboka nadýchla a pomaly, ale odhodlane ťahala červenú kriedu najprv šikmo dohora a potom nadol. Farby pribúdali, dúha kvitla dievčatám pod rukami.

„To je nádhera!“ šepla Mimi. Vďaka dúhe úplne zabudla na strach.

Vtom však chodba zadunela pochodovým krokom a rinčaním kovu. Mimi strpla od hrôzy.

„Čo nám do domu vtrhol generál slon?“ opýtala sa Líza s iskričkami vo veľkých očiach. Ale Mimi nemala náladu na žartíky.

„Horšie. Teta domovníčka Šedivá má upratovací deň,“ povedala takmer bezhlasne.

„No a?“ nechápala Líza.

„Ona nenávidí farby. Počuješ ju?“

Líza nastražila uši. Spozna rinkotu k nej doliehalo zlostné šomranie. Ako sa k nim približovalo, vyjasňovali sa i jednotlivé slová: „... červená mi ide oči vyklať, taká krikľavá farba, skoro ako žltá, fuj-fuj-fuj, o modrej ani nehovoriac, zelená je ako jed a tie lacné ružové, fialkové, violetové či aké to sú, tie by mali zrušiť. Zato sivá, to je slušná vecná farba. Sivá a žiadna iná. Sivá – to je moja farba!“

„Už je skoro tu. Utekajme, Líza!“ vyplula zo seba Mimi, a ak by ju Líza nezadržala, už by iste bola za hrubými dverami bytu, v bezpečí svojej vzorovo upratanej čiernobielej izbičky.

„Nespravili sme nič zlé, dúha je predsa krásna,“ protestovala Líza, ale keď na ňu padol ťažký tieň domovníčky hrmotajúcej po schodoch, predsa len jej nebolo všetko jedno.

Fikus na medzipschodí medzi tretím a štvrtým poschodím sa prikrčil v kúte a trasúc sa zhodil posledné dva zelené lístky. Metla ich šupla na zmeták, zmeták ich vyflusol do čierneho igelitového vreca. Domovníčka Šedivá si spokojne počúvala ruky a nezadržateľne pokračovala v bojovom ťažení.

Práve si s úľubou prezerala čisté sivé schody, keď to zbadala. Farebná dúha na stene jej udrela do očí ako železná päst.

„To čo je za hnusnú čmáranicu!“ zručila ako rozzúrená dračica. Mimi dúfala, že sa v nej čierna zmieša s bielou a ona splynie so schodmi, ale Líza sa domovníčke odvážne pozrela do očí:

„To nie je žiadna čmáranica, ale dúha na spestrenie sivého dňa.“

Sivomilka spurpurovela, i keď by bola iste omnoho radšej osivela. „Ja vám spestrím deň! Tak vás vyobšívam, až budete farebné ako papagáje! A toto pôjde dolu!“ zavelila domovníčka a hneď sa s prachovkami vrhla na kriedovú dúhu:

„Prekliate farby. Bodaj by bol celý svet pekný sivý!“

Dúha mizla pod dotykom sivých handier, kriedový prach sa rozvíril. Jeho jemné pestrofarebné zrnká sa zmiešali a splynuli v jeden dusivý šedosivý mrak. Mrak rástol a rástol, až sa roztancoval. Krútiac sa ako vlčík pohlcoval všetko, čo mu prišlo do cesty. Tornádo v našom dome, zhĺkla Líza v duchu a radšej sa bežala učupiť vedľa Mimi, ktorá sa už krčila na medzipschodí vedľa holého fikusu. Vír schňapol domovníčku za sivé návleky na členkoch a točil ňou divoko ako lasom. Sivomilka vystrašená tvár sa strácala v kúdoch sivého prachu, ktorý jej zapchával uši, nos i ústa.

„Chr-chr, nemôžem dýchať,“ zachrchlala tetka pridusene a zmizla v lačnom pažeráku sivovíru. Potom akoby utal. Zavládlo úplné ticho. Prach sa pomaly usádzal na schodoch. Domovníčka Šedivá sa z neho však nevyvorila.

„Kde je?“ opýtala sa Mimi.

„Zmizla,“ odvetila Líza. „Rýchlo za ňou, ináč ju tá sivá úplne zožerie!“

„Tak ako zožrala všetky farby,“ vydýchla Mimi. Chytila sa Lízy za ruku a dievčatá sa spoločne vrhli do rednúceho kúdolu prachu.

Mimi a Líza kráčali sivou vyprahnutou krajinou, jemný popolček im víril okolo nôh. Všade navôkol sa rozprestierala širošia šed', clivá sivota: nikde ani jediného stromčeka, ani jedinkej živej duše. Ani jednej jedinej farby. Aj slnko bolo zakryté hrubou vrstvou búrkových mrakov.

„Kde je? Nikde ju nevidím,“ čudovala sa Líza.

Mimi natrčila ucho. Odkiaľsi sa ozývalo slabé ujúkanie.

„Počkaj. Čosi počujem. Hlas prichádza zhora.“

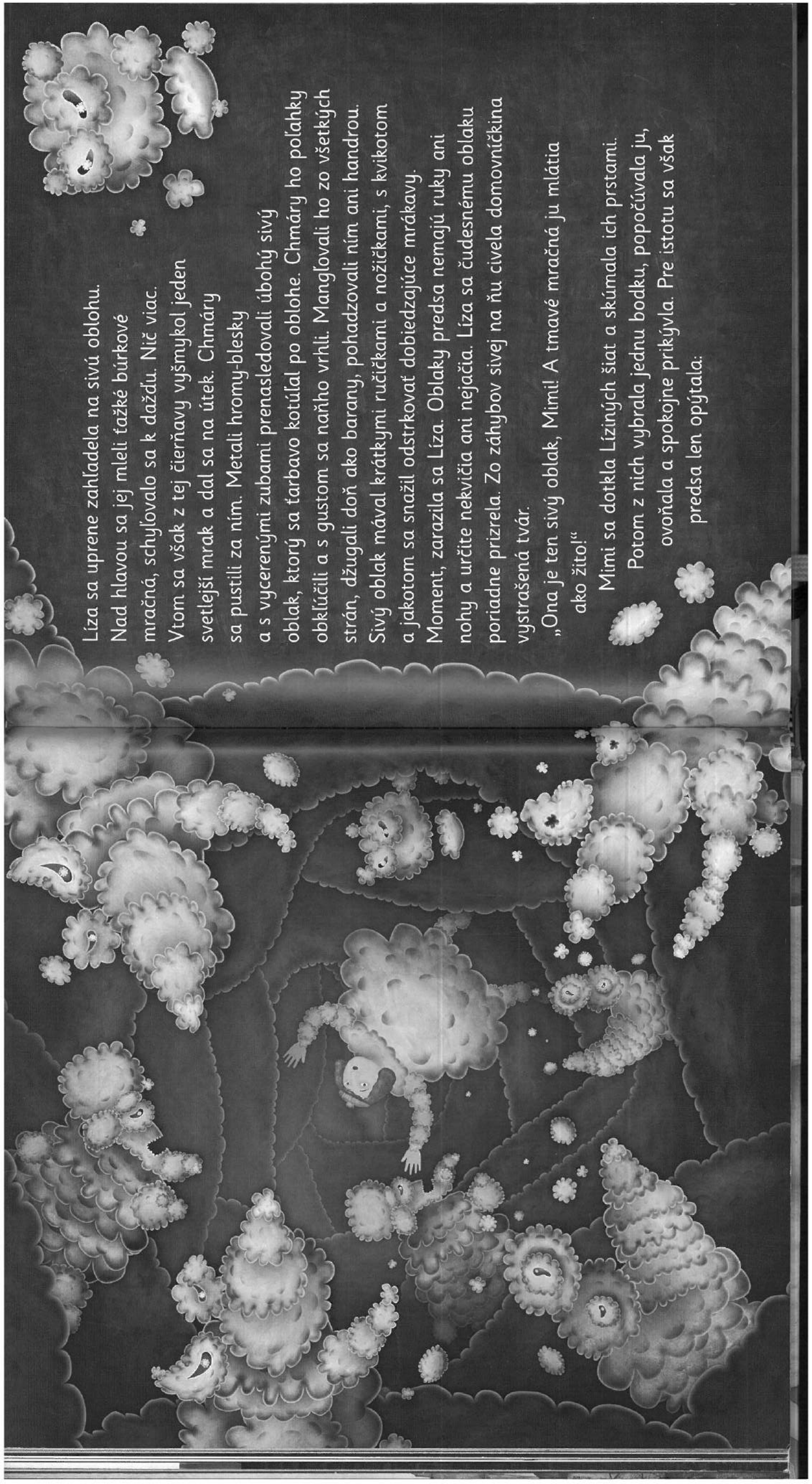
„Zhora? Domovníčka predsa nevie lietať,“ pochybovala Líza.

Mimi natrčila dlaň proti oblohe. Spadla jej na ňu veľká ťažká kvapka.

„Líza, ona plače,“ povedala Mimi ustarostene.

„Určite je niekde hore.“

Líza sa uprene zahľadela na sivú oblohu.
Nad hlavou sa jej mleli ťažké búrkové
mračná, schyľovalo sa k dažďu. Nič viac.

Vtom sa však z tej čierňavy vyšmykol jeden
svetlejší mrak a dal sa na útek. Chmáry
sa pustili za ním. Metali hromy-blesky

a s vycerenými zubami prenasledovali úbohý sivý
oblak, ktorý sa ťarbavo kotúľal po oblohe. Chmáry ho poľahky
obklúčili a s gustom sa naňho vrhli. Mangľovali ho zo všetkých
strán, džugali doň ako barany, pohadzovali ním ani handrou.
Sivý oblak mával krátkymi ručičkami a nožičkami, s kvikotom
a jakotom sa snažil odstrkovať dobiedzajúce mrákavy.

Moment, zarazila sa Líza. Oblaky predsa nemajú ruky ani
nohy a určite nekvičia ani nejačia. Líza sa čudesnému oblaku
poriadne prizrela. Zo záhybov sivej na ňu civela domovníkina
vystrašená tvár.

„Ona je ten sivý oblak, Mimi! A tmavé mračná ju mlátia
ako žito!“

Mími sa dotkla Lízinych šiat a skúmala ich prstami.

Potom z nich vybrala jednu bodku, popočúvala ju,
ovoňala a spokojne prikývla. Pre istotu sa však
predsa len opýtala:

„Táto bodka je modrá, však, Líza?“

„Áno, ale...“

Mimi vyhodila bodku do oblakov. Tie zaraz zmenili farbu.

Hrozivá šedivočierna sa rozjasnila, zbledla a zmodrala.

Rozpršalo sa. Z modravých oblakov padal modrý dážď. Spolu s modrými kvapkami zletel dievčatám do rúk i modrý dáždnik, pod ktorý sa skryli. Pršalo a pršalo.

„Už by to tú domovníčku mohlo konečne vypršať, čo myslíš, Mimi?“ zahuhňala Líza.

Mimi sa zachichotala a začvachtala mokrými nohami. Dievčatá stáli v hlbociznej kaluži a vody len pribúdalo. Už im bola po pás, pomedzi nohy im plávali pestrofarebné ryby, otierali sa o ne štekľivými plutvami a hladina stúpala a stúpala.

„Naskoč, Mimi!“ zavelila Líza a vtiahla kamarátku do obráteného dáždnika.

Vlnky si lodkodážnik pohadzovali tak veselo, až z neho vyrástol fešácky parník s veselým červeno-bielym komínom.

Dievčatá zatiaľ pátrali po stratenej domovníčke:

„Haló, teta, kde ste?“

„Dúfam, že sa neutopila.“

Vtom z jasného blankytného neba zletelo čosi veľkého a sivého. Domovníčka Šedivá s žuchotom dopadla na palubu. Parník sa rozkýval ako škripinka. Domovníčka sa okolo

seba zmätene poobzerala, neisto sa usmiala a oznámila:

„Táto modrá je celkom fajn.“

Mimi a Liza si na to tlapli. O jednu farbu, ktorej sa domovníčka desí, menej. Teta domovníčka sa ešte stále chlácholila záplavami upokojujúcej modrej, keď sa Liza začala šplhať po červeno-bielom komíne ako po rebríku.

„Aha teta, ani červená nehryzie!“

Domovníčka sa od ľaku striasla: červená bola ako oheň, páčila jej oči. Navyše sa jej ten komínorebrík na kolísajúcej sa bárke zdal nekonečne dlhý aj riadne chatrný. Mimi túkla prstom do červeno-bielych pásikov. Zložili sa ako domino a vytvorili bezpečné široké schody.

Zhora im kývala Liza.

„A nie je červená ako červená,“ dodala Mimi a stúpila na schodisko, ktoré sa zrazu rozohralo všetkými odtieňmi červenej od najtmavšej až po jasnú oranžovú. Mimi rezko bežala hore schodmi, domovníčka za ňou statočne funela. Na vrchole si šťastne utrela orosené čelo.

„To je ale výhľad, dievčatá!“

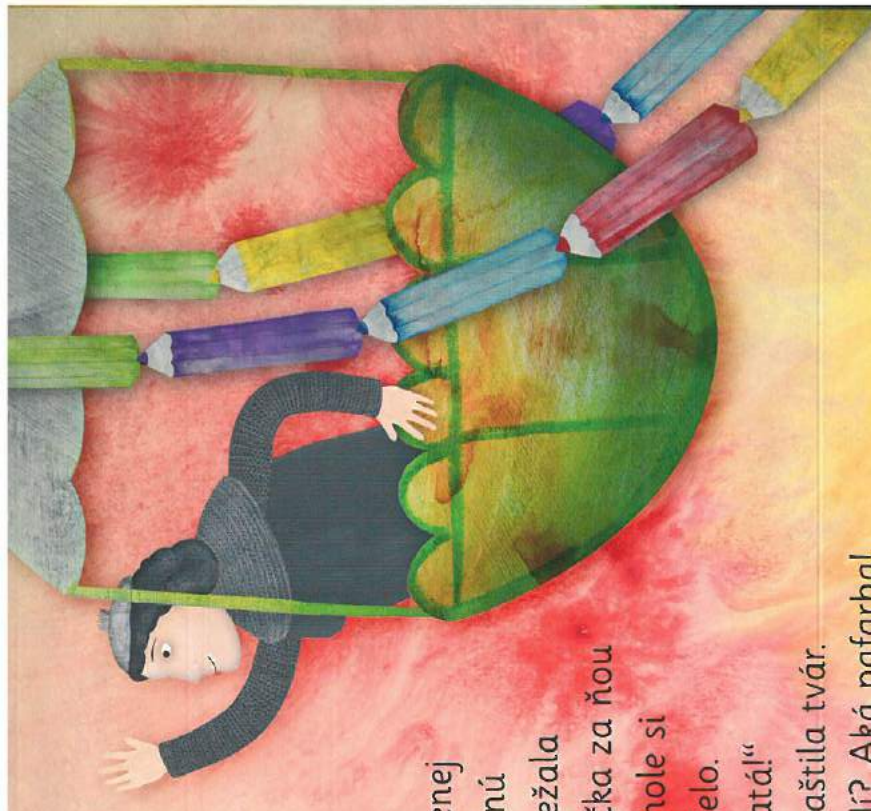
O chvíľu sa jej však zmraštila tvár.

„Ale čo sa to na nás valí? Aká paľfarba! Iste mi z nej bude nevoľno,“ šklabila sa domovníčka.

„To je predsa kolotoč, teta,“ upokojovala ju Liza.

„Zelený. Vonia ako tráva,“ povedala Mimi.

„Nastupovať!“ skríkla Liza a vhupla s Mimi do machovej kabínky. Domovníčka svižne naskočila do ďalšej kabínky, ani si nevšimla, aká jedovato zelená je. Kolotoč sa krútil ako divý, dievčatá kývali domovníčke ako divé a domovníčka kývala ako divá dievčatám.

An illustration of a woman in a wheelchair and a young girl on a grassy hill. The woman is wearing a dark sweater and a headscarf, and the girl has blonde hair and is wearing a light-colored dress. They are surrounded by colorful leaves. A fence made of colorful crayons runs across the scene. The background is a soft, colorful sky.

Odrazu sa však
kabínky rozhodli, že si
vyrazia na výlet a vyrútili sa
kamsi do neznáma, poskakujúc
hore-dolu ako na horskej dráhe.

Naproti im vyšiel
obrovitánsky
žiarivý kotúč.

„Á, čo to je!“ zvrieskla
domovníčka, zakrývajúc si oči.
„To je slniečko, teta, žiaden
strach,“ ubezpečovala ju Mimi.
„Žlté,“ vysvetlila Líza.
„Mmm, príjemná farba, teplá,“
uznala domovníčka.

S poslednými lúčmi zapadajúceho slnka začali padať i pestrofarebné listy: červené, žlté, oranžové, hnedé. Domovníčka nimi bola celá oblepená a tak sa jej to páčilo, že si ich prihládzala a prihládzala, až kým jej do toho svetra poriadne nevsiakli.

„Takto sa mi to páči!“ jasala.

„Teta, veď vy ste celá zmenená,“ žasla Líza. Domovníčka sa zapýrila.

„Ste modrá, teta?“ vyzvedala Mimi.

„Ani nie, ale môžem si sem pridať aj nejakú tú modrú škvrnku, nech tam mám aj trochu oblohy,“ zaumienila si domovníčka. „A trochu zelenej, tá je tiež pekná. Juj, a ružovej, tá je mladistvá!“

Domovníčka sa prechádzala po krajine farieb a zbierala si na sveter odtiene od výmyslu sveta.

Mimi a Líza od radosti metalí premety a kotrmelce.

Do rytmu sa točili veterné mlyny, vrtulky aj rapkáče, na lúke kvitli pestrofarebné kvetiny a na oblohe sa vznášali desiatky ešte pestrofarebnejších balónov.

„Táto krajina sa mi vsuktku pozdáva,“ vyhlásila domovníčka spokojne.

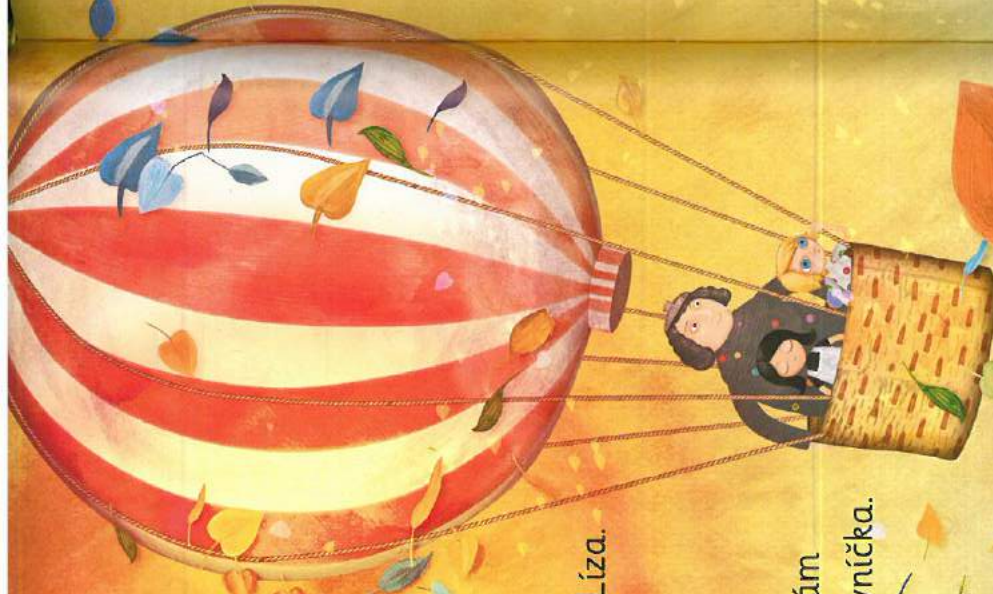
To však už na ňu kývala Líza:

„Podťe si trochu zalietat', teta!“

Domovníčka sa nedala dvakrát presvieďčať a čochvíľa sa už s Mimi a Lízou vznášala v prútenom koši vysoko nad zemou. Blankytne modrá obloha sa rozmrholila a na oblohe rozkvitla dúha.

„Dúhy sú na šmýkanie, dámy!“ zvolala domovníčka a spustila sa z nej po zadku. Mimi a Líza pobavené pokrčili plecami a šup za ňou.

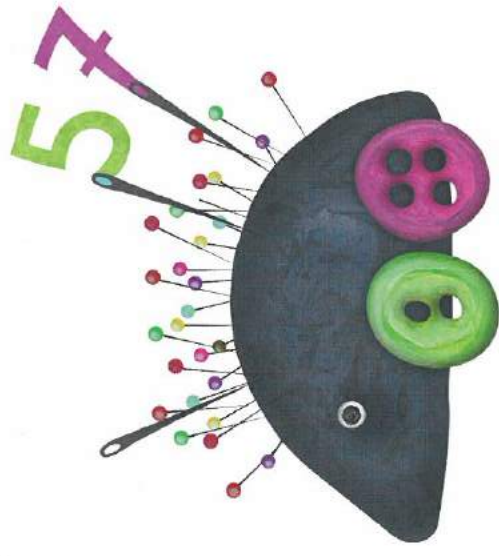
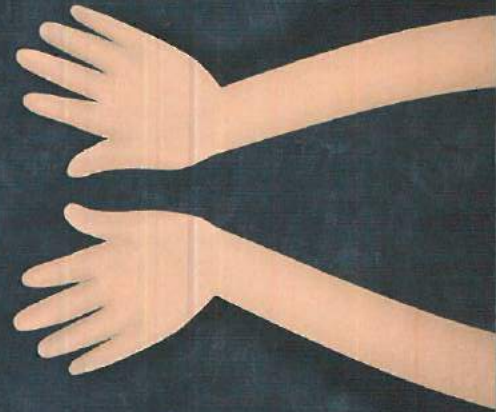
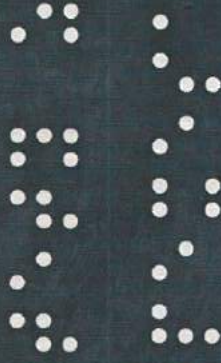
„Ale... ale...“ habkala Mimi nespomene, keď nakoniec pristáli pred polozotretou, zašmuhatenou dúhou na chodbe ich domu.

„Čo bude s našou dúhou?“
 „Budeme ju musieť opraviť,“ vyhlásila domovníčka rozhodne, zdvihla zo zeme kriedu a podala ju Mimi.
 „Jéj, teta, vy ste naozaj celkom iná,“ tešila sa Mimi.
 „Hej, celá listová a kvetová,“ zasmiala sa Líza.
 „Teta domovníčka Farebná.“
 „A ty si zas Líza Bodkovaná!“ chichotala sa Mimi.
 „A ty...“ povedala Líza.
 Mimi skrúšene sklopila hlavu.
 „Ty budeš Mimi Dúhová!“ zvýskla Líza a Mimi celú pokreslila farebnými bodkami.
 Dobrodružstvo s farbami bolo také fantastické, že si ho Líza premietala v hlave ešte aj v postielke.
 Najneuveriteľnejšie však bolo, že Mimi vidí úplne všetky farby! Mama tomu, samozrejme, nemohla uveriť, len s jemným úsmevom pokyvkávala hlavou. „Naozaj, mami. Rukami a ušami. Ja som to videla,“ presviedčala ju Líza, ale nakoniec od tolkej námahy zaspala.
 Mimi sa chvíľku ošivala, kým sa tatina odvážila spýtať, či vôbec vie, akú farbu má najradšej. Tatino prekvapene vyhrkol, že to veru nevie. „No predsa tú, ktorú počujem, keď prší,“ zašepkala Mimi a ponorila sa do sna.

Tety z pexesa

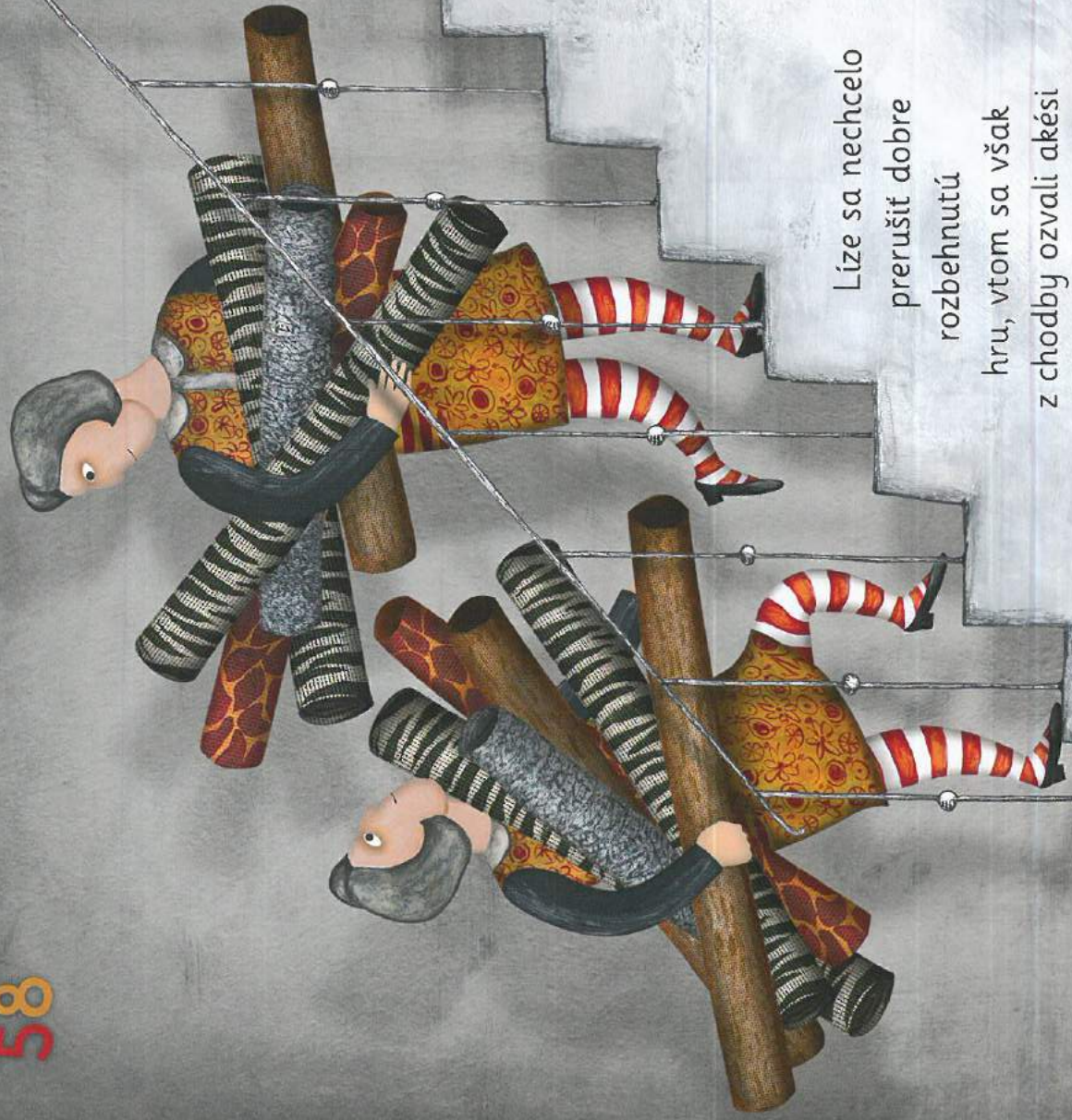

Líza pozná kopec skvelých hier, práve preto je s ňou vždy taká zábava. Dnes sa však rozhodla naučiť hrať Mimi pexeso.

Viete, pexeso je tá hra, v ktorej treba hľadať obrázkové dvojice. Ale nemyslíte si, nie je to len také jednoduché, kartičky sú totiž otočené lícom nadol. Naraz si môžete pozrieť len dva obrázky a potom si ich musíte poriadne zapamätať, aby ste neskôr vedeli naraz otočiť správne páry. Líze sa v hre fantasticky darí, ale Miminým prstom sa zdajú všetky kartičky rovnaké.

„Žirafa á... žirafa!“ zakričala Líza víťazoslávne a vzala si svoju sedemnástu dvojicu. Na rade bola Mimi: otočila dve kartičky a prstami cítila len papier a... papier. Mimi z toho bola trochu smutná a trochu aj nahnevaná. Čo Líza nevidí, že pexeso nie je hra pre slepé deti?

„Podíme radšej robiť niečo iné, Líza,“ navrhla Mimi nasmelo.

Líza sa nechcelo
prerušiť dobre
rozbehnutú
hru, vtom sa však
z chodby ozvali akési
zvuky. Teda, Líza počula
iba AKÉSI zvuky.

Mimi počula, že po schodoch kráčajú dve zadýchané tety v topánkach s klopčavými opätkami a nesú dlhé mäkké tyče, ktoré udierajú do stien a do kovového zábradlia ako obrovitánske cimbalové paličky:

„Cing-cing, ding-dong. Cing, ding, dong-cing.“

„Čo sú to za zvuky?“ vyhrkla Líza a už aj ťahala Mimi na chodbu.

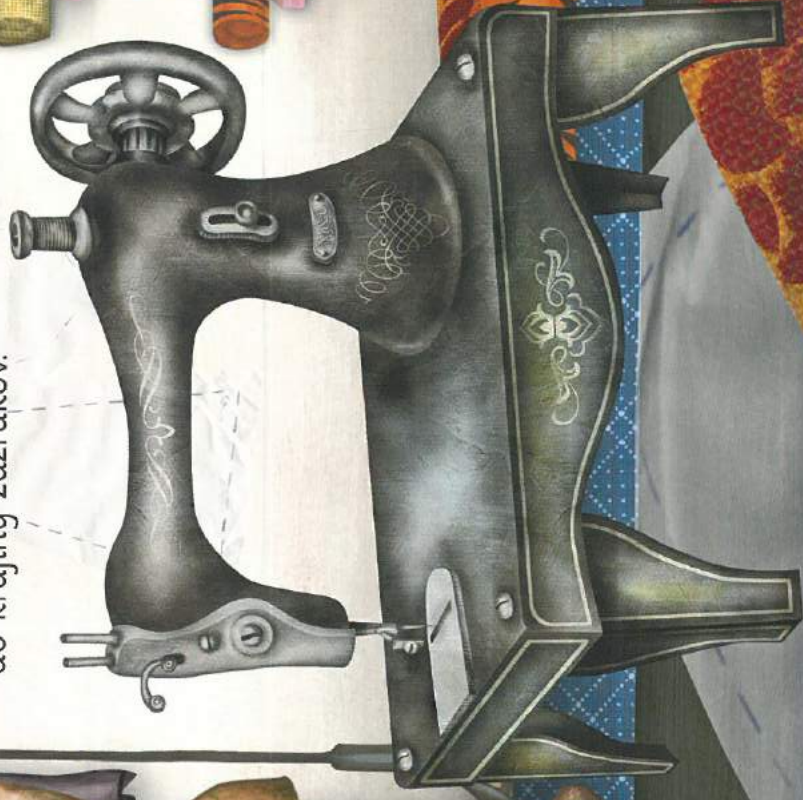
Po schodoch kráčali dve staršie tety s rukami plnými dlhých balov pestrofarebných látok. Cez hory nákladu pred seba poriadne nevideli, tak sa občas potkli a občas do čohosi narazili. Načo je komu toľko látok? čudovala sa Líza. Ešte čudnejšie však boli samotné tety. Vyzerali, akoby jedna druhej z oka vypadla.

„Vy ste tety z pexesa?“ vyvalila Líza modré očiská, až sa tety museli rozosmiať. Smiali sa a chichotali, bruchá sa im natriasali a baly látok im padali z rúk. Látky sa gúľali dolu schodmi a tety sa len smiali a smiali a z očí im tryskali slzy: „Že vraj tety z pexesa! Ale kdeže, dievčatá. My sme dvojčky.“

Mimi a Líza zbehli na medziposchodie
pozbierať tetám kotúče látok a statočne
im ich pomohli vyniesť až na najvyššie
poschodie.

„Sme dvojičky krajčírky,“ spresnili
tety, a keď otvorili dvere do svojho
bytu, malá Líza pocít, že vstúpili
do krajiny zázrakov.

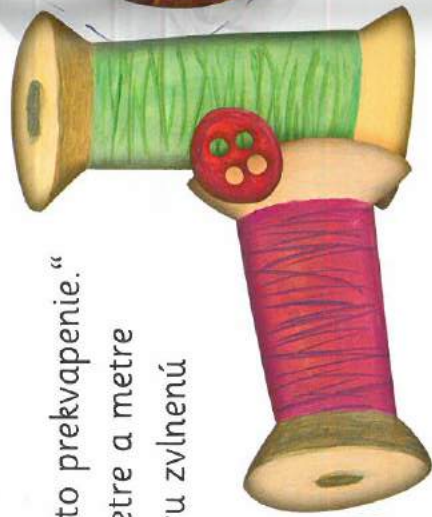
Miestnosť bola plná tkanín a úpletov od výmyslu sveta: kopili sa na dlážke, prekrývali z krabíc, viseli z nábytku a z vešiakov, dlhočizné pásy a nastrihané kusy, hotové aj nedošíťe šaty a všelijaké divotvorné látkové veci, ktoré len tak lákali prstečky pohladit' ich. Mimi už aj sedela medzi látkami a skúmala jemné ľahučké hodváby, lesklé šmykľavé satény, machovo chlpaté zamaty, ťažké vzorované brokáty, mäkučký voňavý lan, vrúbkované...

„Šmyk-šmyk!“ zašmykali tety nožnicami. Z kusov látok odpadávali menšie kúsky a tety strihali ako o dušu.

„Čo to bude?“ vyzvedala Líza, ale tety len krčili plecami:

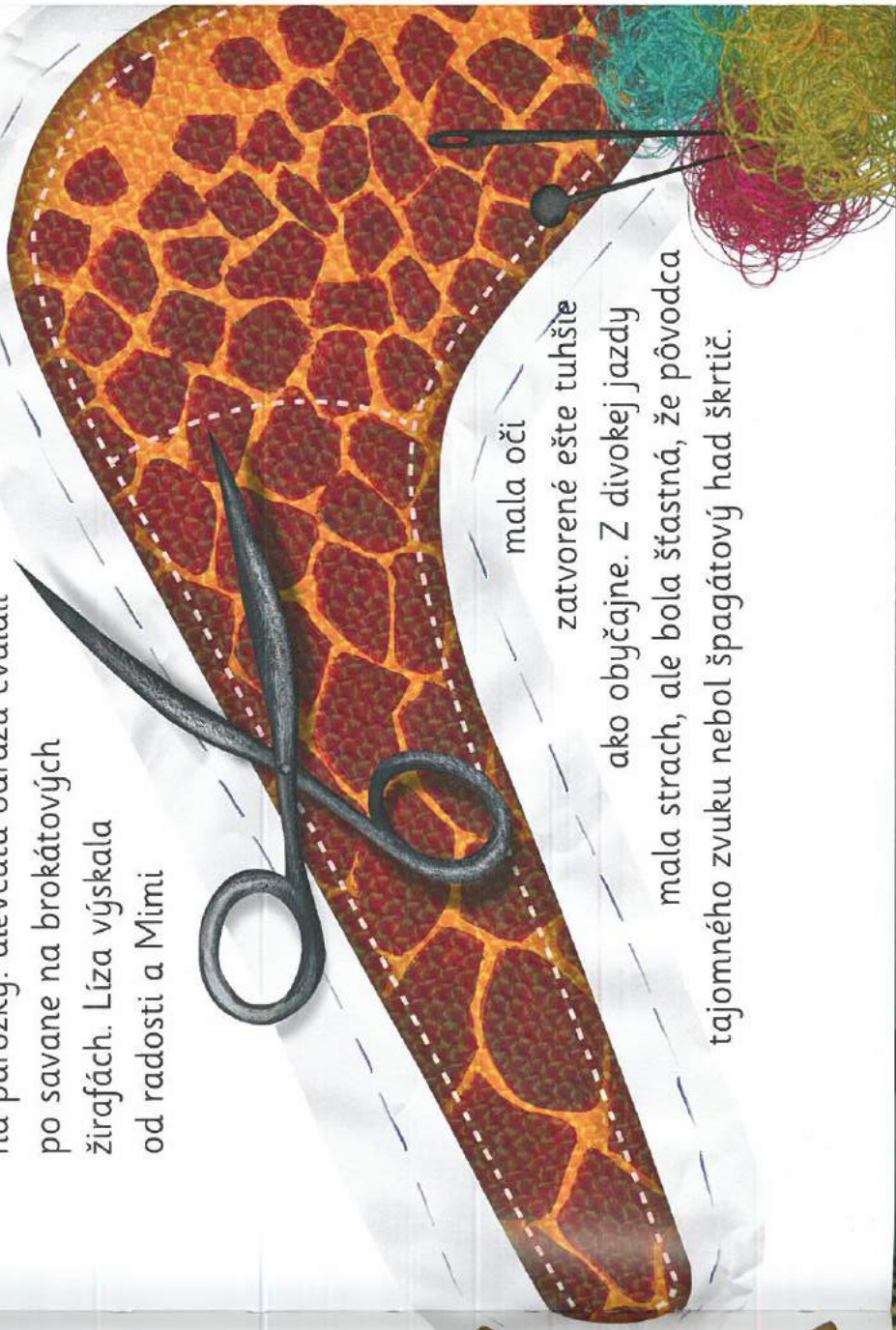
„To zatiaľ nevieme. Bude to prekvapenie.“

Baly látok sa rozvlnili. Metre a metre plátna sa rozprestrelí v širu zvlnenú savanu. Sem-tam z nej vykličil trs tuhých

zakrpatených záplatových kričkov, vyrástol mohutný zipsový baobab či čipková akácia. Mimi cítila vôňu páliaceho slnka i pohladenie osviežujúceho vetrička. Franforce suchej trávy sa rozšušťali vo vánku. V nízkom poraste sa čosi skrýva, čosi dlhé tam číha. Len nech to nie je pytón! želala si Mimi.

Vtom sa z kopy ústrižkov nečakane vztýčili dva dlhé svetlohnedé krky s rožkami a nabrali Mimi s Lízou na parôžky: dievčatá odrazu cválali po savane na brokátových žirafách. Líza výskala od radosti a Mimi

mala oči

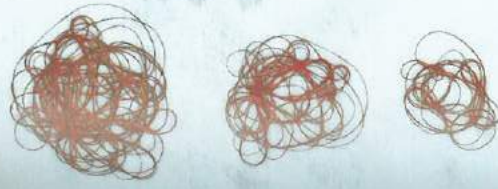
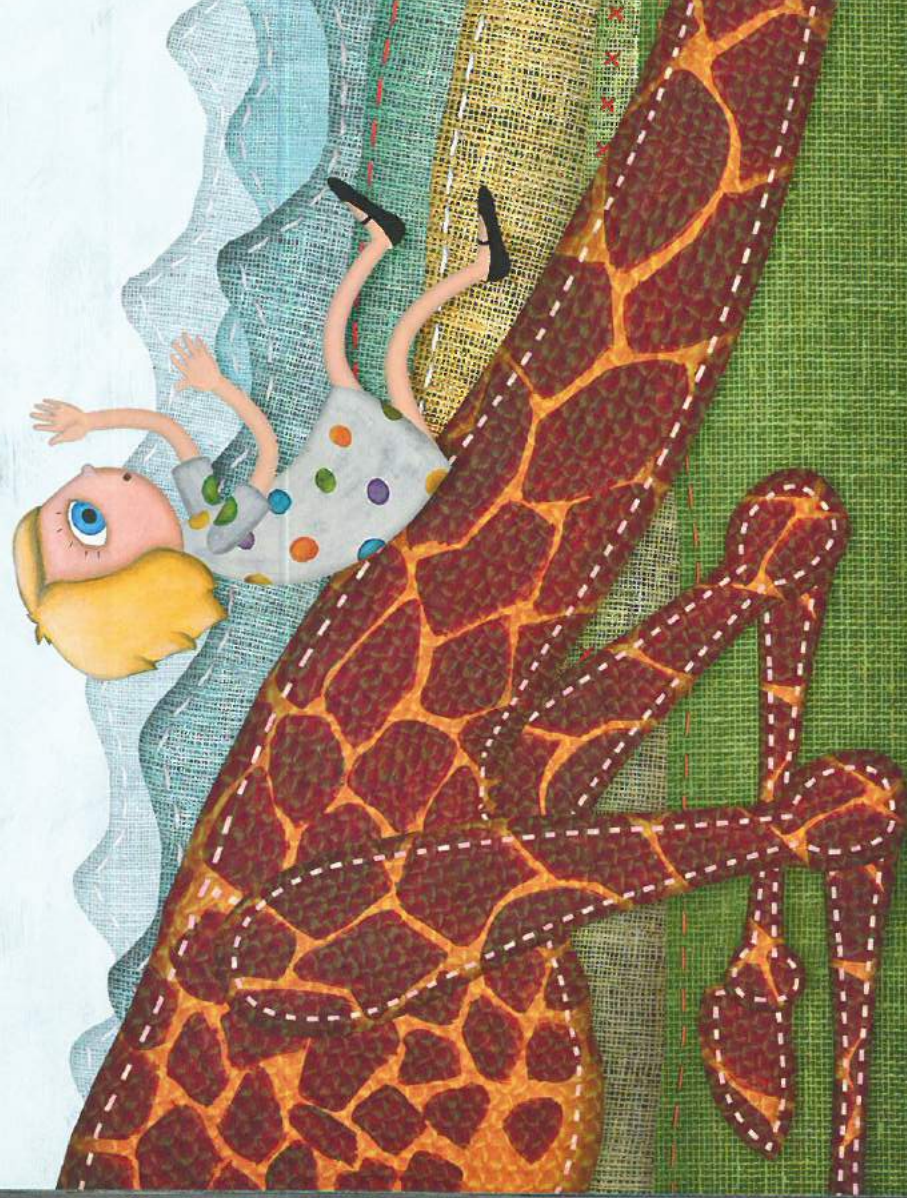
zatvorené ešte tuhšie

ako obyčajne. Z divokej jazdy

mala strach, ale bola šťastná, že pôvodca

tajomného zvuku nebol špagátový had škrtič.

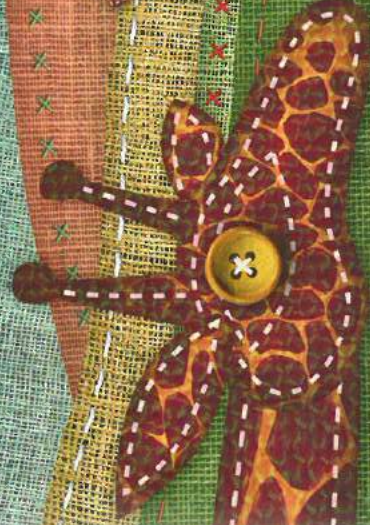
Uprostred trávinatej planiny žirafy sklonili krky, aby sa z nich dievčatá mohli zošmyknúť. Líze však jedno sklúznutie nestačilo. Podľa nej to totiž bola najväčšia zábava na svete: fjiúúú dole po hladkom žirafom krku, cupity-lupity hore po naježenej hrive a zasa fjiúúú dole. No ešte väčšia zábava bola, keď sa jej podarilo presvedčiť Mimi, aby sa šmykla s ňou. Mimi sa najprv

ošivala, veď predsa: žirafa nie je na kĺzanie, ale nakoniec sa spúšťala s rovnakým nadšením ako Líza.

Žirafy však neboli jedinými zvieratami, ktoré behali po tejto krajičrskej savane. V dialke sa pásli zebry zo zrebného plátna, zo strihových stromov viseli menčestrové opice, na vršku sa vyaľovali lanové levy, obďaleč chobotmi vlnili vlnené slony a každý, ale naozaj každý tvor mal svoju dvojicu.

„Presne ako v pexese,“ povedala Líza.

„Každý predsa musí mať svojho kamaráta,“ zatrúbili vlnené slony a chytli sa za choboty. Veselo nimi mávali. Tak, aby cez ne dievčatá mohli skákať ako cez švihadlo a hojdať sa ako na hojdačke. Vtom však Mimi s Lízou začuli hrozny rev. Ktosi alebo čosi vôbec nebolo šťastné – práve naopak. Ručalo to, akoby to chcelo všetkých od zlosti zožrať.

„Alebo je to len smutné a plače. Podme sa pozrieť,“ chytla Mimi Lízu za ruku.

Líza dostala strach. Africká savana je iste plná nebezpečných hladných potvor, ktoré si brúšia zuby na malé dievčatá.

Mimi si však bola istá, že kdesi neďaleko čosi skutočne veľmi užialene narieka. Načúvala vzlykom a vzdychom a viedla Lízu cez suchú trávu, pomedzi pichľavé kríky a obrovitánske baobaby, až kým jej cestu nezahatala akási voda.

Dievčatá prišli k tylovému jazierku. Krčľi sa v ňom osamelý froté krokodíl a ronil veľikánske guľaté slzy. Líza naňho úkosom pozrela. Skutočne vyzeral veľmi zarmútené, ale krokodílie slzy môžu byť falošné. Líza opatrne postávala na brehu jazierka.

„Čo sa ti stalo, krokodíli?“ opýtala sa Mimi.

Vbrodila sa do vody a láskavo ho pohladkala po chrbte. Krokodíl prepukol v ešte useďavejší plač. Medzi vzdychmi a vzlykmi zo seba prerývane vytlačil:

„Každý tu má svojho kamaráta, s ktorým sa môže hrať a rozprávať. Iba ja som ostal bez páru, celkom sám.

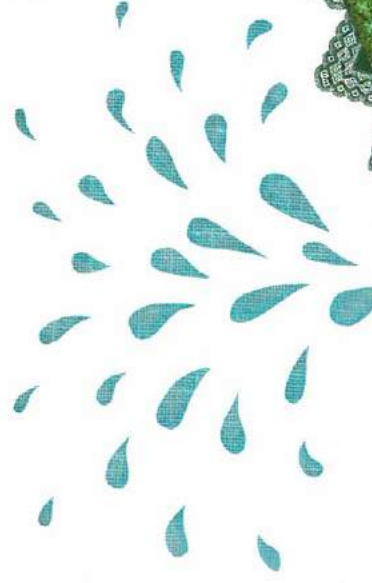
Som úplne opustený, nikto ma nechce!“

„Neboj, my ti nejakého kamaráta nájdeme,“ vyhlásila Líza už zase sebaisto.

Dievčatá zobrali krokodíla pod pazuchy a vybrali sa hľadať mu druhu. Lenže to vôbec nebolo také

ľahké, ako si Líza predstavovala.

Bolo to dokonca oveľa ťažšie, ako si predstavovala Mimi.

upaľovali za obzor a po zrebných zebrách nebolo ani chýru, ani slychu.

Krokodíla sa všetci báli. Jedine levy sa lenivo vyaľovali na slniečku a zivali zubatými tlamami. Líza sa rozžiarila: „Levy ťa medzi seba istotne prijmu!“

Krokodíl sa však roztriasol od hrôzy.

„To teda iste, chcú ma zožrať na večeru,“ zakňučal.

Mimi a Líza boli bezradné. Nevedeli krokodílovi pomôcť inak, ako ho čičkavo škrabkať po froté šupinách.

„Mám nápad,“ povedala zrazu Mimi. „Tety krajčírky by mohli krokodílovi kamaráta ušiť.“

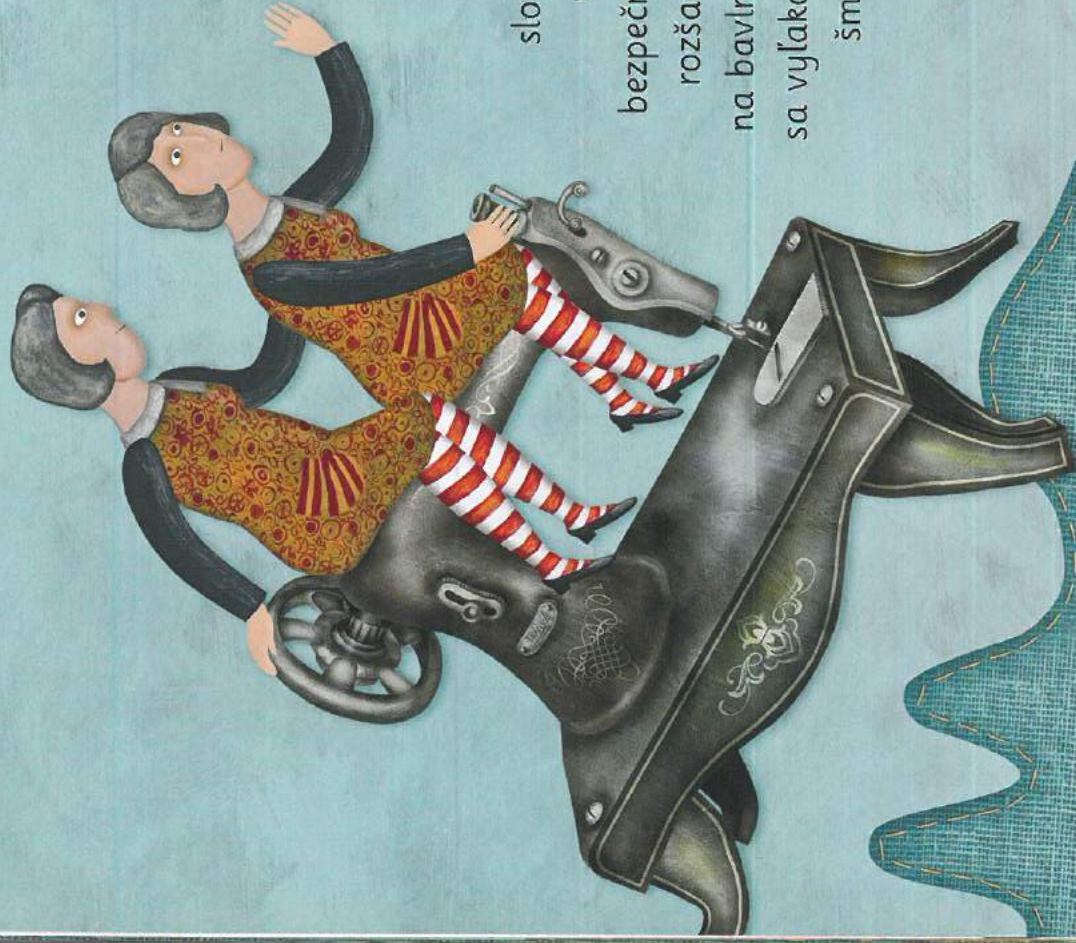
„Jasné!“ zajasala Líza. „Tety krajčírky! Tety krajčírky!!“

Hm, čo ma nepočujú?“

„Tety krajčírky, poďte sem na savanu, potrebujeme vašu pomoc!!“ zakričali dievčatá spoločne tak nahlas, ako len vládali.

Ozvalo sa hlasné zaerdžanie a z oblohy sa s klepotom zniesol bujný šijací stroj. Tety krajčírky mu sedeli na chrbte ako ozajstné kovbojky.

Sympatické
sloníky s trúbením
vyspätkovali do
bezpečnej vzdialenosti,
rozšantené šimpanzy
na bavlnenom baobabe
sa vylakane rozškriekali,
šmýkačkové žirafy

„Tety krajčírky, ušili by ste tomuto froté krokodílovi kamaráta? Pozrite, aký je osamelý,“ prosili dievčatá. Tety svorne kývali hlavami. Potom si ale zašmátrali vo veľkých vreckách a úsmev im stuhol na tvárach: na druhého krokodíla niet dosť látky. Froté krokodíl sa skrúšene sklátil do jazierka a opäť sa rozrumázgal. Všetci sa ho snažili utešiť, krokodíl žiaľ sa im však zahnať nepodarilo. Mimi si ticho sadla obďaleč. Šikovnými prstekom sa prehrabávala v hĺbe ústrižkov, prekladala ich hore-dolu a čosi z nich trpezlivo skladala. Kúsiky látok sa ako zázrakom menili na jašterie šupiny, pod Miminými rukami rástol akýsi tvor.

Mimi svoje dielo opatrne ohmatala. Cit v prstoch jej hovoril, že by to mohol byť celkom dobrý krokodíl. Pre istotu sa však opýtala Lízy: „Hmmm, mohol by toto byť...“

„Mimi!“ zhíkla Líza. „Veď to je úplný krokodíl!“

„A aký krásny,“ obdivoval svojho nového kamaráta froté krokodíl. Keď sa ho však pokúsil priateľsky objat', rozpadol sa mu v labách.

To bolo ale sklamanie!

Našťastie tu boli tety krajčírky:

„Žiadne strachy, priateľa ti zošijeme raz-dva.“

Tetám krajčírkam sa ihly v rukách len tak mihali. Mimi a Líza sa ani nenazdali a farebný krokodíl bol hotový.

„Krásny, vkusný, veselý,“ pochvalovali si tety.

Froté krokodíl sa s novým kamarátom šťastne ponoril

do jazierka. Dievčatá sa tešili, že si konečne našiel správny pár.

Ale to už bol čas vrátiť sa domov. Mimi a Líza vysadli za tety na erdziači šijací stroj a odklepotali na ňom naspäť do ich

krajčírkeho bytu. Dievčatá sa rozlúčili a už-už vychádzali

z dverí, keď si Líza na niečo spomenula. Bolo to prekvapenie pre Mimi, takže to tetám potichučky pošepkala do uší.

Tety s úsmevom prikyvovali a o chvíľu už Líza sedela doma za stolom, vystrihovala z kúsok látok páry zvieratiek a nalepovala ich na štvorcové kartičky.

Keď Líza chcela zas hrať pexeso, Mimi nemohla uveriť vlastným ušiam. Čo si Líza nepamätá, že ona pexeso hrať nevie?

Ale Líza sa nedala odbiť. „Skúsime to takto,“ povedala a zaviazala si oči šatkou. „Si na rade, Mimi.“

Mimi pochybovačne otočila kartičky. Zas budem cítiť, že papier a papier, hovorila si v duchu.

Ale jej prsty nahmatali žirafu a... žirafu!

„Moja prvá dvojica!“ zajasala Mimi a potom ich obrátila ešte dvadsaťdeväť.

Zato Líze sa vôbec nedarilo. Horko-ťažko sa jej podarilo nájsť dva páry. Aj sa večer v postielke postažovala mame. Tá jej však láskavo postrapatila vlasy a povedala, že je na ňu veľmi pyšná. Bez Lízinej vynaliezavosti by Mimi predsa pexeso hrať vôbec nemohla. Líza ospalo odvetila, že to je síce pravda, ale aj tak: iba dva páry!

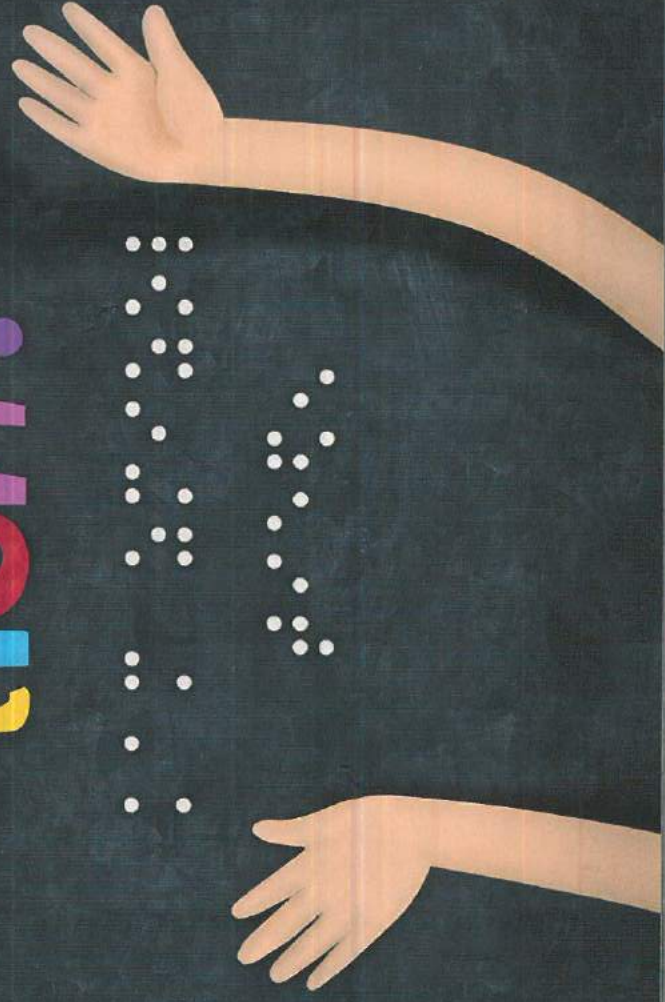
Mimi bola z vynoveného pexesa taká nadšená, že o ňom tatinovi rozprávala celý večer. Ten prisviedčal a prisviedčal, ale až keď Mimi ukladal do postielky, zháčil sa – pexeso?

Má Mimi naozaj na myslí tú hru, v ktorej sa hľadajú dvojice? „Presne tú,“

zachichotala sa Mimi. „Dvojice, ktoré patria k sebe. Presne tú hru by sme si niekedy mohli zahrať aj spolu.“

Kam zmizol tienň?

Obloha bola blankytno modrá.

Slniečko ožiarovalo steny Miminho a Lízinho činžiauku, rezko napredovalo od najvyššieho poschodia k prízemiu. Čochvíľa svojimi teplými lúčmi vymetie i tie najvlhkejšie kúty na našom dvore, tešila sa Mimi a vysadla na hojdačku oproti Líze.

Hurá, dnes môžeme byť celý deň von! Radovala sa Líza a odrazila sa nohami od zeme. Juchú, smiala sa Mimi, keď vyletela do vzduchu a Líza na to vyjuka skackavé jip-pí!

„Dobré ráno, dievčatá,“ pozdravil pán s krhličkou, ktorý sa zrazu objavil na balkóne plnom kvetov. Jeho balkón bol jediný na pustom dvore, ktorý sa zelenal ako oáza. Ten pán bol totiž botanik. „Hojdáte sa, hojdáte?“

„DobRÉráNOuJOzeLINKa,“ odpovedali Mimi s Lízou hojdavo.

„Hojdáme!“ smiala sa Mimi.

„A vy polievate?“ vyzvedala Líza.

„Polievam, polievam,“ odpovedal ujo Zelinka. „Skôr než mi

slniečko

začne pražiť

na balkón. Veď v takomto teple...

Ale to už Líza kopala nohami vysoko

nad zemou, čerila stojatý vzduch, ale nie dlho,

pretože Mimi odrazu urobila hop, Líza žuchla na zem že

auajajajaj, Mimi na to ojojjojjoj! Líza áááá! Mimi úúúú! a tak

sa hojdali a lietali hore-dolu, dolu-hore, hore-dolu-hore, až

im svet skákal pred očami a Mimi vydýchla že ach! a Líza

vzdychla uľ! a hojdačka sa škrípavo zastavila. Mimi si utrela

spotené čelo.

„Líza, ja už nevládzem. Je mi strašne teplo. Akoby mi

horeli vlasy.“

„Aj mne,“ prisvedčila Líza. „Úplne najstrašnejšia horúčava.

Slnko, už prestaň!“

Mimi sa vyčerpane zosunula z hojdačky. Pod ňou sálala

vyprahnutá popraskaná zem. Chýba jej dážd alebo voda

z krhly uja Zelinku, ale ešte aj niečo iné – niečo, čo tu ráno

bolo, ale kamsi sa to cez deň vyparilo.

„Kam zmizol tieň?“ vyhrkla zrazu Líza.

Jasné, tieň, uvedomila si Mimi. Tá osviežujúca vlhá tóňa.

Blahodarný chládok, ktorý raší pod šumiacim stromom.

„Ale na našom

udupanom dvore

nerastie ani steblo trávy.

Kdeže strom,“ povzdychla si

Mimi zamystene.

„Ty si génius, Mimi – strom!“ zvyškla Líza. „Pod, ideme poň!“

Mimi z toho bola úplne zmätená. O akom strome to Líze tára?

A kam ju zas táhá? Líza chytila Mimi okolo pásu a nadvihla ju.

„Chyť sa zábradlia a lez,“ prikázala.

Mimi sa bránila:

„Lez kam?“

„No predsa na balkón uja Zelinku!“ poháňala ju Líza.

„Prečo?“ nechápala Mimi.

„Lebo strom,“ odfrkla Líza netrzezливо. „Ujo Zelinka má

na balkóne úplnú džungľu. V nej rastie aj náš strom

tieňodarca.“

Zhrozená Mimi visela na zábradlí botanikovho

balkóna.

„Líza, nemôžeme predsa len tak krahnúť stromy!“

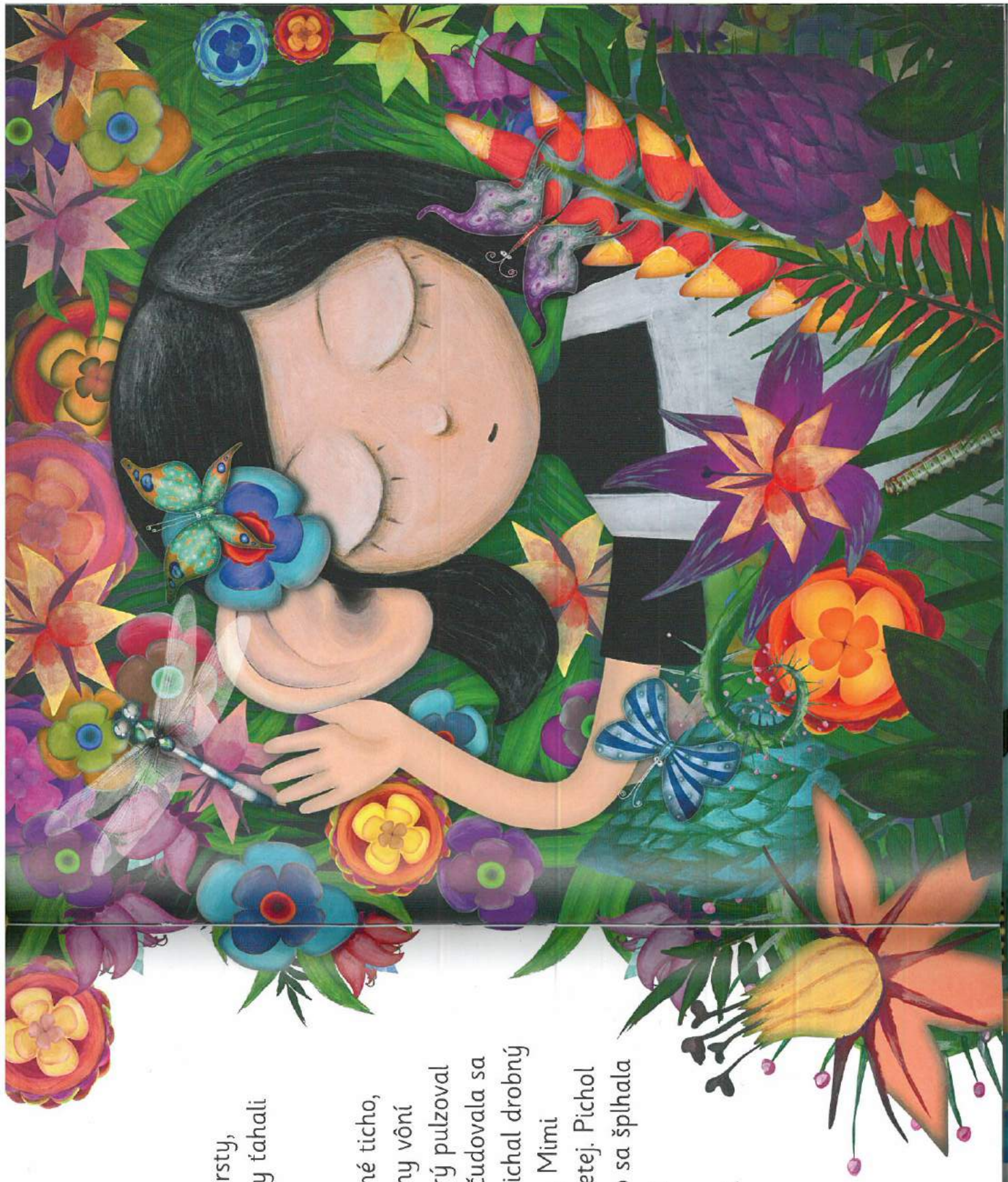
Ale Líza jej vysvetlila, že jeden strom v pralese chýbať

nebude, zatiaľ čo tento ich strašidelný púštny dvor

premení na sviežu oázu. Len ho trošku presunú.

Kúsoček. Mimi neisto prikývla a začala liezť. Balkón uja botanika Zelinku sa topil v bujnom poraste. Mimine ruky sa zaborili do húštiny listov všemožných tvarov a veľkostí. Niektoré jej hladili prsty, iné ju štekli, ďalšie jemne pichali. Popínavé rastliny ťahali Mimi do záplavy omamne rozvoniavajúcej zelene. Mimi sa zhlboka nadýchla a ponorila sa do nej. Na druhej strane rastlinného valu ju ovalilo nehybné ticho, z ktorého sa čochvíľa vydéli milióny zvukov. Trilióny vôní a pachov sa miesili s nebadateľným pohybom, ktorý pulzoval pod povrhom všetkých vecí. Môže pohyb voňať? čudovala sa Mimi. Na pokožke jej poskakovali iskričky – to ju pichal drobný hmyz. Vo vzduchu sa vzdúvali pavučinové záclony, Mimi odhrnula jednu, odostrela druhú a chytila sa do tretej. Pichol ju trň a zhlta vznášajúce sa semienko, ale vytrvalo sa šplhala nahor po listnatých lanách. Po lianach, spomenula si Mimi. Po nekonečne dlhých lianach. Mimi si zadychčaná sadla na akýsi hrubizný konár. Líza sa k nej spustila po liane ako opica. „Líza,“ lapala po dychu Mimi. „Nemali by sme tam už byť?“ „Však tam sme,“ odvetila Líza.

„Ale...“ váhala Mimi. „Veď na balkónoch takéto obrovitánske stromy nerastú. Kde to sme?“

„No predsa v džungli,“ povedala Líza, akoby to bola tá najprirrodzenejšia vec na svete. „Tu niekde bude aj náš tieňostrom.“

„Tu žiadne tieňostromy nie sú,“ zašemetilo čosi.

„Určite nie VAŠE tieňostromy,“ šuchorilo čosi ďalšie a oba hlasy svorne zašušľali: „Vy kradošky.“

Mimi sa strhla. Čo to bolo? Ale Líza nepočula nič zvláštneho, tak len pokrčila plecami a dala sa šplhať ďalej, do výšav k ťažkému baldachýnu z korún stromov. Vtom jej však cestu skrížili dve usmiatke živé liany a priateľsky ju oblapili okolo pliec: „Kamže-kam, dievčatká?“ pýtala sa prvá, a skôr než Líza či Mimi stačili odpovedať, už druhá radila: „Tieňostromy nerastú v oblakoch, podte s nami.“

„My vám ukážeme cestu,“ pridala sa prvá.

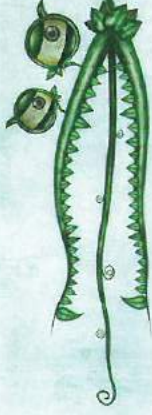
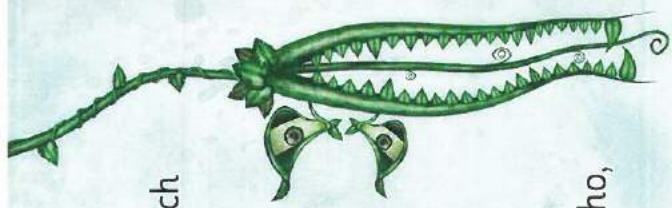
„Správnu cestu,“ dodala druhá a prvá postrčila Mimi s Lízou naspäť na konár: „Tadeto.“

Líza sa potešila. Aké výborné, že si v džungli hneď našli kamarátky. S nimi tieňostrom nájdu polahky! Mimi bola zmätená. Tie hlasy, to sú predsa tie isté hlasy, čo šušľali, že kradošky. Prečo by im tie zrazu chceli pomáhať?

„Líza...“ otvorila Mimi ústa, ale Líza rezko pochodovala za lianami. Mimi cítila pod nohami, ako sa konár zužuje a rozvetvuje – slabé halúzky ich čoskoro neunesú. „Líza...“ ozvala sa Mimi hlasnejšie, ale Líza mala uši otvorené len sladkému švitoreniu lián:

„Tadeto, tadeto, dievčičky, tu rastie váš tieňostromčiček, týmto smerom, ták, len pekne sem, žiaden strach, dôverujte nám.“ Mimina pravá noha sa prepadla cez hrubú vrstvu listov ako cez tenký ľad na jazere, Mimi sa zapotácala.

„Toto nie je bezpečné,“ chcela skríknuť, Líza ju však pevne chytila za ruku a povedala:

Nebol to však tvrdý pád, pretože prízemné kríky nastavili dievčatám svoje košaté náruče, prasičky a papradie im rozprestrelí záchranné siete a mäkučký mach sa pod ne rozložil ako páperová perina. Líza si však aj tak šúchala koleno. „Au,“ povedala. Z výšky sa zniesli liany. „Ajajaj, hrozné nešťastie, veľmi nás to mrzí,“ šušorili. „Nechápeme, ako sa niečo také mohlo stať.“

Mimi mala na jazyku, že ona to teda veľmi dobre chápe. Liany sa však tak obetavo točili okolo Lízy, pomáhali jej na nohy a fúkali rozbité koleno, rapotajúc, ako si tentoraz dajú na cestu poriadny pozor a zaručene zlaté dievčičky dovedú priamo k tieňostromčúličku, až im Líza dojata ďakovala, že sú tie najlepšie kamošky na svete.

„Ale Líza, veď ony nám to urobili naschvál!“ vykrikla Mimi. „Chcú nám ublížiť, nie pomôcť.“

Vetu však nedokončila. Líza ju totiž zahriakla, aby dobroprajným lianám nekrivdila. Kto iný by ich dovedol k tieňostromu? Liany sa skromne zasmiali. Či skôr zákerne zarehli? Nad tým už Mimi dumieť nestihla, pretože Líza ju opäť schmatla za ruku a ťahala

ju za plaziacimi sa lianami cez húštie a chrastie, ponad i popod popadané tlejúce kmene stromov, po zmachnatých kameňoch, skrz močarinu a roje pištiacich komárov na akýsi ostrovček uprostred nepríjemne páchnuceho, bublajúceho bahna. „A sme tu,“ oznámili liany spokojne. „Tu je váš stromček.“ Líza potľapkala strom po hrubom zelenkavom kmeni: „Aký je mäkký.“

Mimi do stromu nesmelo dŕbala prstom. Akoby bola pichla do obrovitánskej huspeniny.

„Kvak,“ povedal huspeninový strom.

„Líza, to nie je strom!“

bola si istá Mimi.

„To je predsa ozrutná...“

„A ty sa odkedy vyznáš v stromoch našej džungle?“
vyprskla prvá liana.

„V našich stromoch našej džungle,“ doplnila ju druhá
tak jedovato, až v Líze hrklo. Komu dôverovať?
Mimným zmyslom či novým kamoškám?

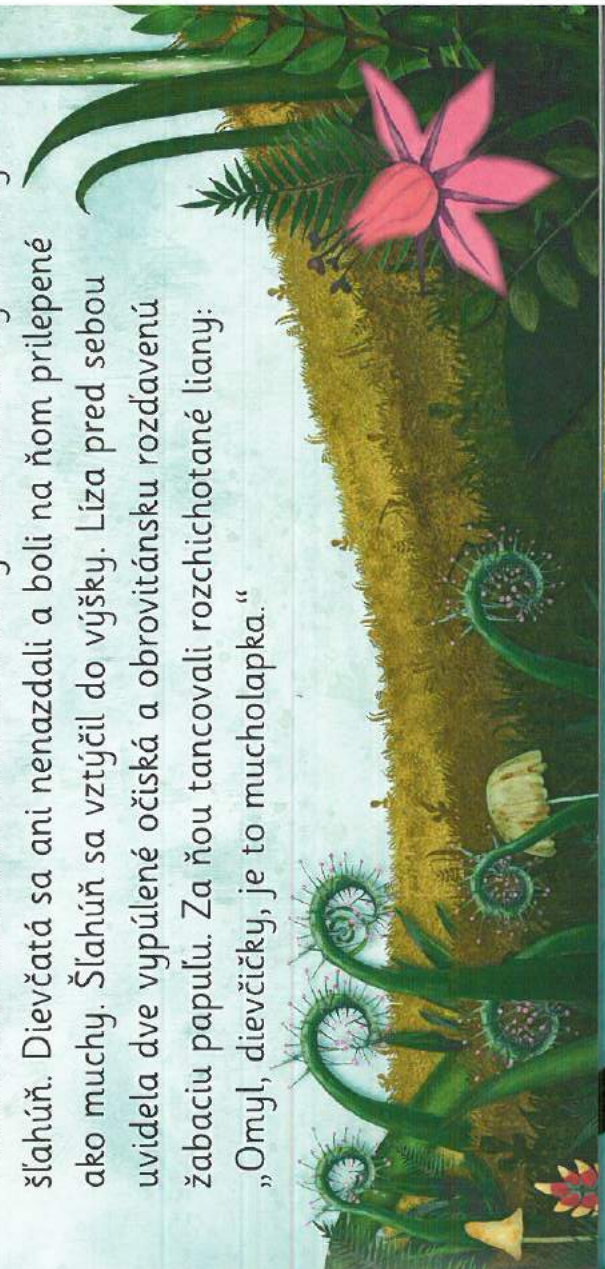
Liany si uvedomili, ako škaredo sa preriekli. Prikmochtili
sa k Líze a spustili sladký presvedčovací kolotoč:

„Samozrejme, že je to váš tieňostromček. Slúbili sme, že vás
k nemu dovedieme, tu ho teda máte. On je taký... špeciálny.“
Líza ohmatávala nadúvajúci sa kmeň.

„No, mohol by to byť gumovník. Alebo žuvačkovník,“
navrhla váhavo.

„Žuvačkovníky predsa neexistujú, Líza,“ povedala Mimi.

Vtom z toho nafaňavacieho stromu vystrelil dlhocižný červený
šlahúň. Dievčatá sa ani nenazdali a boli na ňom prilepené
ako muchy. Šlahúň sa vztýčil do výšky. Líza pred sebou
uvidela dve vypúlené očiská a obrovitánsku rozdávané
žabaciú papuľu. Za ňou tancovali rozchichotané liany:
„Omyl, dievčičky, je to mucholapka.“

„Druhým menom žabka.“

„A ľubi mäsko. Veľmi rada si pochutí na všetečných dievčiskách!“

Mimi s Lízou stáli žabisku na lepavom jazyku, trasúc sa od strachu. Liany sa okolo nich posmešne krútili.

„V žabacom bruchu sa vám odnechce kradnúť nám z džungle stromčeky, vy... zlodejky. Kradošsky jedny kradošské!“

„Zradkyne! Zákeráčky!“ rozčúlila sa Líza.

„Toto je asi koniec našej výpravy, však, Líza?“

zašepkala bledá Mimi.

Líza Mimi tuho objala.

„Že som tá ja nepočúvala, Mimi.“

Mimi chcela Líze povedať, že to nič, v hrdle jej však navrela akási guča. Tak ju len ticho objala. „Och, aké dojmavé,“ utierali si liany krokodílie slzy. „Ale teraz: šup žabke do bruška. Je čas obeda.“

To Lízu dožralo. Tie podrazáčky! Musí niečo vymyslieť, nenechá si predsa zožrať svoju ozajstnú najlepšiu kamarátku. Líza schmatla hnušácke liany za krky a zauzila ich poriadnym zálesáckym uzlom. Liany zlostne syčali a zvíjali sa ako kľbko

hadov, ale Líza sa nezľakla: napchala prskajúcu guču žabisku do gágora. Žaba skrivila papúlu, na rastlinnú potravu totiž nebola zvyknutá. Chcela odporne jedlo vypluť, ale zmietajúce sa liany sa jej zasekli v hrdle.

„Krch-krch,“ chrčala žaba. Dusila sa. Mimi a Líza sa spamätali. Zoskočili žabe z jazyka a utekali preč tak zbesilo, až sa im nakoniec zaplietli nohy a ony sa zvalili do mäkkej trávy. Líza si vzdychla:

„Nikdy náš tieňostrom nenájdeme.“

„Pst!“ sykla Mimi. „Zdá sa mi, že ho počujem.“

Líza na ňu vyvalila oči.

„Ako môžeš počuť strom?“

„Počujem, ako priateľsky šumí. Asi vyrába tieň,“ usmiala sa Mimi.

Na čistinke uprostred pralesa stál tieňostrom.

„Fíha, aký je obrovský!“ zhíkla Líza a objala mohutný kmeň. Mimi k nemu pritlačila ucho, počúvala, ako dýcha.

Vtom čosi zlovestne zasyčalo a zo zelenej koruny sa spustili dve staré známe – zradné liany. Po nedobrovoľnej návšteve žabinho žalúdka boli celé požuté a dolámané, o to však zlostnejšie. Sipotajúc sa obkrútili okolo Mimi a Lízy, oči sa im pomstychtivo leskli.

Tak to je asi nakoniec predsa len koniec, pomyslela si Mimi. Zrazu sa však rozpršalo. Liany sa vzniesli do výšky, akoby ich zdvihla akási neviditeľná ruka.

„A vy dve tu čo robíte?“ opýtal sa čísi hlas prekvapene.

Bol to ujo Zelinka, ktorý držal v jednej ruke ovisnuté liany, v druhej krhlu plnú vody.

Mimi a Líza sa celé premočené krčili v rohu jeho rozkvitnutého balkóna, v náručí zvierali kvetináč s malým stromčekom.

Mimi zahanbene sklonila hlavu. Chceli vlastne ujovi tieňostrom ukradnúť. Líza však hneď začala rezko vysvetľovať, ako sa na dvore nedá vôbec hrať, pretože tam nie je žiaden tieň, takže naozaj veľmi-veľmi potrebujú strom, ktorý ten tieň vyrobí. Veď viete, v takomto teple... Ujo Zelinka pobavene krútil hlavou.

„Môj stromček vám asi nepomôže, ale môžete skúsiť toto,“ povedal a z vrečka na montérkach vytiahol kôstku.

Líza naňho neveriacky zazrela. Tieň z tej minipidikôstky by stačil leda pre mravca.

Mimi však kôstku vzala do dlane a priložila si ju k uchu:

„Je živá. Šumí presne tak isto ako náš tieňostrom.“

„Veru,“ pritakal ujo Zelinka. „Skúste ju zasadiť.“

Líza vyhlbila uprostred dvora jamku a Mimi do nej vložila kôstku.

Spoločne ju zahrabali a popolievali.

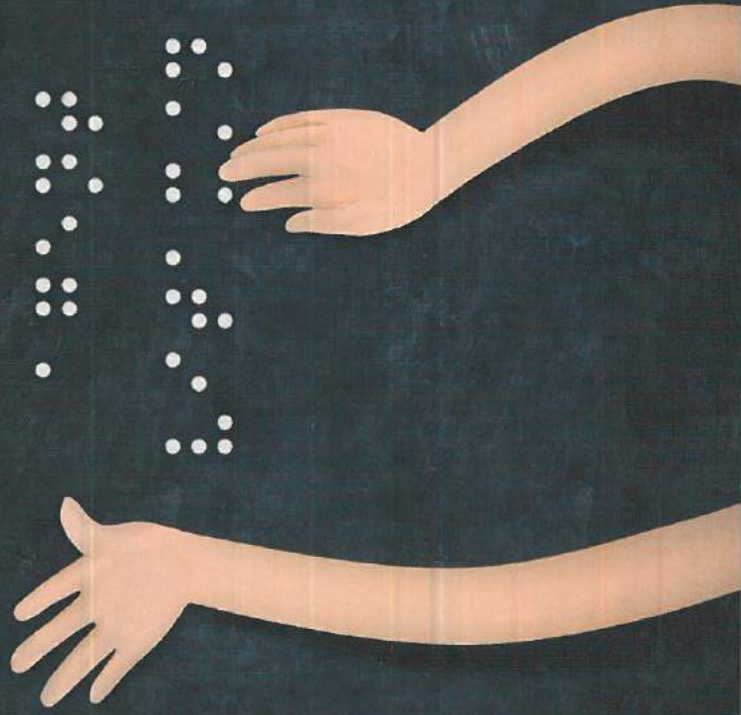
„Ty, Mimi, bude to však trvať celú večnosť, kým nám tieňostrom vyrastie,“ napadlo Líze.

Mimi pokrútila hlavou. Už počula, ako sa výhonok preklopkáva cez tvrdú škrupinu kôstky. O chvíľu sa predral na svetlo a rástol takou rýchlosťou, že baldachýn jeho košatej koruny čoskoro zakryl spálený dvor. Blahodarný tieň zmiernil horúčavu, zem zvlhla. Mimi a Líza sa vrhli k hojdačke. A ako sa tak hojdali, z vreciek na šatách im vylietavali semienka čudesných rastlín, ktoré sa na ne nachytali v prase. Sivý dvor sa zazelenal, rozkvitol všetkými farbami dúhy a ešte aj nejakými navyše. Mimi a Líza sa so smiechom hojdali v bujnej šumiacej džungli, hmyz bzučal a vtáčiky štebotali. Strom bolo, samozrejme, treba pravidelne polievať, aby im nevyschol. Pretože bez stromu by na dvore nebol osviežujúci tieň. To všetko Líza vysvetľovala mame, keď ju večer ukladala spať. Viečka jej však čoskoro začali poklipkávať, unavený hlas jej zanikol v šume ventilátora. Veď v takomto teple... Mimi zas tatinovi opísala všetky tie nádherné vône, ktorými teraz ich dvor rozvonjava. Úplne ako džungľa. Tatino mal pocit, že zle počul. Mimi mala iste na mysli záhradu. Ale nie. Mimi nemala na mysli žiadnu záhradu. Mimi mala na mysli poriadnu divokú džungľu.

Agent Vitamín

„Otrasná nuda,“ zamrmlala Líza s nosom prítlačným na okno. „V takomto počasi sa nedá robiť vôbec nič. Akurát tak prechladnúť.“

Mimi sedela na parapete a tiško sa usmievala.

Akoby Lízu vôbec nepočula!

„Mimi!“ zakašľala Líza.

Mimi sa na Lízu spýtavo pozrela svojimi zatvorenými očami.

„Povedala som, že dážd' je hrozná nuda,“ sťažovala sa Líza kýčajúc a strčila si do úst cukrík. „Dáš si? Pomarančový.“

Mimi zľahka pokývala hlavou.

„Cukrík? Nie, ďakujem. Tato mi olúpala ozajstný pomaranč. Je plný vitamínov. Sú dobré proti chorobám.“

Líza pokrčila nosom. Pomaranče sú kyslé a sú z nich lepkavé ruky. To taký cukrík... Ale Mimi ju už nepočúvala. Počúvala dážď.

„Dážď je hudba. Šumí kvapka za kvapkou. Počúvaj.“

Líza nastražila uši, aj keď si bola istá, že bude počuť iba otravné klopkanie.

Ale nebola to pravda. Dážď spieval vysokým krištálovým hlasom:

„Ja spievam si v daždi a každý je šťastný.“

„Fakt, Mimi!“ zhíkla Líza. „Dážď spieva, že si... ehm, spieva v daždi.“ dokončila zmätene.

„To nespieva dážď, ale niekto v našom dome,“ povedala Mimi.

Líza bola odrazu plná energie.

Tajomný spevák zachráni tento otrasný sychravý deň! Okamžite treba ísť preskúmať, na ktorom poschodí spevák býva a pokúsiť sa s ním

zoznámiť. Potom budú Líza s Mimi sedieť uňho v obývačke, počúvať namiesto fádneho klopkania dažďa nádherný ľudský spev a cmúľať pritom cukríky. Skvelý plán, len keby sa Mimi konečne chcela odlepiť z parapetu.

Líza sa netrpezlivo rozbehla dolu schodmi. Pri každých dverách sa so zatajeným dychom pristavila ponáčať, či sa tá krásna pieseň neozýva práve odtiaľ. Mimi zatiaľ pokojne a neomylnne kráčala rovno k správny dverám. Líza sa vrhla ku zvončeku.

„Ding-dong!“

Dvere otvorila baculatá dáma v dlhočiznom brokátovom župane. Prekvapene sa pozrela na dievčatá a s našpúlenými ústami povedala: „Áno?“

Líza bola od vzrušenia celá zadýchaná.

„Teta, to vy tak krásne spievate?“

Dáma bola očividne polichotená.

Naklonila hlavu a zatríkovala:

„Áno, áno, áno. To som
ja, Melánia Spevavá.
Tralalalalalá! Len podte
ďalej, dievčatá.“

Mimi a Líza dámu nasledovali
do bytu. Bol plný mäkkých
kobercov a vysokých stojanov
s notami, po stenách boli rozvešané
plagáty, fotografie a maľované
portréty tety Melánie. Na všetkých
obrázkoch mala teta Melánia

dokorán otvorené ústa
a oblečené úžasné šaty.
„Teta, vy ste princezná?“ opýtala
sa Líza s vyvalenými očami.

Tete Melánii v hrdle zaklokotal spevavý smiech.

„Hahahahá! Som predsa speváčka, dievčatko. Hlasový
rozsah sedem oktáv. Kritici ma nemôžu vynachváliť. Tvrďaia,
že mám v hrdle čisté zlato,“ pousmiala sa skromne.

„Dnes mám premiéru. Samozrejme, že to bude famózný
úspech, ale chcem ešte trochu cvičiť.“

Teta Melánia sa postavila pred Mimi a Lízu ako pred
premiérové publikum, zopala mäkké ruky na bujne
hrudi a oduševnene zaspievala.

Teda, mala to v úmysle. V hrdle
sa jej čosi zadržlo a namiesto
vzletného trilkovania jej z úst
vypadol iba úbohý chripot.

„Niečo vám tam škrípe,“
priložila Mimi ucho tete
Melánii na hrud.

„A ideme,“ vyhlásila Líza. Mimi preglgla a neisto vykročila vpred. Hneď sa potkla o akýsi tvrdý ostrý prah.

„Práve sme prekonalí zubnú hradbu,“ divhala Líza kamarátku na nohy.

„Takže sme skutočne...“ nemohla uveriť Mimi.

„Presne tam,“ potvrdila Líza. „V hrdle tety Melánie.“

Hrdlo Melánie Spevavej vyzeralo ako jaskyňa alebo tajná podzemná chodba, ktorá nešťastnou náhodou obrástla plesňou. Navyše sa v ňom viali všelijaké odpadky, o ktoré sa Mimi neustále potkávala. Keby sa Líza tak hrozne nehnala! Pomyslela si Mimi a zrýchlila krok. Hlavou hneď tresla do čohosi tvrdého, dunivého a hrozne boľavého.

„Jéj, Mimi, ty si fantastická, ty si ho našla!“ radovala sa Líza. Mimi si trela narazené čelo. Vôbec nechápala, čo to našla. A čo Líza vlastne hľadala?

„Predsa hlasovod. To sú také rúrky, ktorými ide hlas z pľúc do úst. Trochu ako radiátor,“ vysvetľovala Líza. „Teraz už len najst' centrálné otváranie a máme to. Teta Melánia bude zas vyspevovať ako slávik.“

Mimi sa pridriavala hlasovodnej rúry ako tyče v električke a hmatom hľadala centrálné otváranie. Nebola si úplne istá, či to má byť tlačidlo, páčka alebo kohútik, ale rozhodla sa trpezlivo preskúmať každý milimeter potrubia. V tom rachote, čo zrazu začala robiť Líza, sa však vôbec nemohla sústrediť.

„BUM-buMMM-RATATA-RATATA-RRRach-RRRach-kRRRach-bummm-buMMM-KRRRch-KRRRch-kRRRch!“

„LÍZA!“ zahriakla ju Mimi.

„To nie ja,“ bránila sa Líza. „Vychádza to z tej spleti hlasovodných rúrok.“

Mimi sa započúvala. Zvuk naozaj nevydávala Líza.

To by však znamenalo, že...

„Myslíš, že tu je ešte niekto?“ zašepkala Mimi napäto.

„Skočím sa pozrieť,“ prehodila Líza bezstarostne a stratila sa v rúrkovom labyrinte. Mimi si rozrušene stískala hánky. Ani nestihla Líze povedať, aby si dávala pozor. Ten niekto môže byť predsa nebezpečný. Môže to byť nejaká príšera alebo divé zviera, alebo strašný zloduch.

„Je tam akýsi zelený chlapík,“ oznámila Líza. „Usalašil sa priamo pri centrálnom otváraní hlasovodu a trieska do potrubia ako zbesnený!“

„Zelený chlapík?“ zarazila sa Mimi. „Možno práve on má na svedomí chorobu tety Melánie. Vyzerá, že to je...“

„Vyzerá smiešne,“ pokračovala Líza v hlásení.

Rámus odrazu ustal. Zelený chlapík urazene vyhupsol z labyrintu hlasovodných rúrok.

„No dovol. Som šéf skupiny Chrípka, slávny spevák

Lord Vírus, multiinštrumentalista.“

Chrípkový vírus! Presne toho sa Mimi obávala.

Vírus si povytiahol kožené gate, zakrepčil vo vyčaptaných kovbojských čizmách a hlboko sa poklonil. Chvíľu zotrval v predklone, a keď mu dievčatá nezatlieskali, zatlieskal si sám. Podfarbil to sólom na bicie (niekoľko tresnutí po hrdzavom kýbli) a zatrúbením na pokrčený fagot. Potom spokojne poklepal po hlasovodnom potrubí.

„Teraz dáme riadny chrapľavý koncert. Už bolo na čase, z čistých tónov tej babizne mi bolo nevoľno,“ odpľul si Vírus zhnusene a poriadne zatiahol prívod hlasu tety Melánie.

Líza bola rozhorčená. Akýsi hnusný špinavý chlapík sa tete Melánii votrie do hrdla a vystrája, akoby mu to tu patrilo! „Pustite ten hlas! Teta Melánia je slávna speváčka a dnes večer má premiéru,“ soptila.

„Premiéru,“ opravila ju Mimi šeptom.

„To je jedno. V každom prípade potrebuje svoj hlas naspäť,“ vyhlásila Líza rozhodne.

Vírus sa rozvalil v kope svojich šrotových nástrojov a prížmúrenými očami si dievčatá premeriaval.

„No dobre,“ súhlasil nakoniec. „Ale najprv si so mnou zadžemujete. Viem síce hrať na všetky nástroje najlepšie na svete, ale nie naraz. Aspoň zatiaľ. Potrebujem dávkych spoluhráčov, i keď talentom sa mi, samozrejme, nevyrovnajú.“ Zachechtal sa a vrazil obom dievčatám do rúk použité trúbky. Sám sa chopil otlčeneho saxofónu. Zvuky, ktoré nástroje vydávali, pripomínali skôr trúbenie prechladnutého slona ako hudbu. Mimi z toho išli prasknúť uši.

„To stačilo! Teraz uvoľnite prívod hlasu.“

Vírus sa chvíľu ošival. Potom si vymyslel, že si najprv všetci traja pekne zabubnujú, a hodil Mimi a Líze po hrdzavom hrnci. „Pri bubnovaní sa dá aj spievať, perfektné, nie, baby?“ A dal sa do takého škrekú, že by zahanbil aj najzlostnejšieho

paviána. „A tie vymakané zvukové efekty!“ hulákal Vírus, škripajúc po hrncoch klincom. Mimi a Líze behali po chrbtoch zimomriavky.

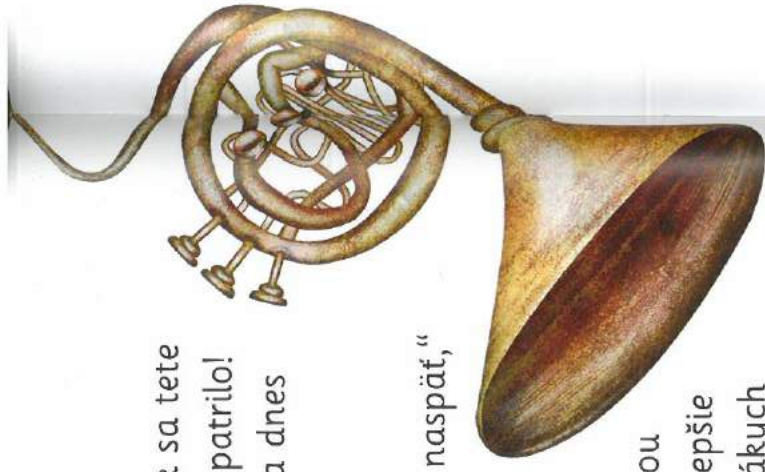
„Teraz pustíte hlas tety Melánie!“ prikázala Mimi rozhodne.

„A okamžite odtiaľto vypadnete! Ten rámus sa nedá počúvať,“ zakričala Líza Vírusovi do tváre a vyškľbla mu kliniec z ruky. Vírus od zlosti ozelenel ako plesnivý chlieb. Taká drzosť! Akási soplanda si dovoľuje kritizovať jeho, veľkého Vírusa. Schmatol dobitý hrniec na zaváranie a podľho na Lízu.

„Utekaj, Mimi! Zachráň sa!“ stihla Líza zakričať, skôr než ju Vírus pod hrnčisko zaklapol.

„Dostanem ťa odtiaľto, Líza!“ slúbila Mimi a rozbehla sa ako o dušu. Potkynala sa o šrot a odpadky, ktoré Vírus nanosil tete Melánii do krku, búchala si hlavu do rôznych prívodov a uzáverov na hlasovode. Mimi si našťastie rýchlo uvedomila,

že potrubie hlasovodu jej pomôže dostať sa von z bludiska hrdla tety Melánie. Pridržajúc sa hlavnej rúry stúpala hore strmým kopcom. Vtom sa celý svet zatriasol, Mimi odpadla z potrubia, párkrát sa prekoprcľa a silná tlaková vlna ju vyniesla zo speváckiného prechladnutého hrdla. Teta Melánia vykašľala Mimi až na nízky stolík, priamo do misky s ovocím.

„Teta Melánia, zakašlite ešte raz, Líza ostala vnútri,“ prosila Mimi.
 Teta Melánia od hrôzy zbledla, dobreže opäť neomdlela.
 „To nejde, srdiečko. Úplne by som tak prišla o hlas.
 Ach, môj drahý zlatý hlas,“ chrapčala so slzami v očiach.
 Mimi skrúšene sedela v ovocí. Vtom ju opantali jeho nádherné vône.

„Svieže pomaranče, kyslé citróny, sladké jablká, šťavnaté hrušky. Tolko vitamínov,“ Mimi sa zarazila. „Presne, vitamínov!

A proti chorobe sú najlepšie vitamíny!“
 Ako to vyriekla, z kopy ovocia sa zdvihol vietor a spoza jablák sa vynorila pomarančová helikoptéra. Vnútri sedel vytrénovaný záchranár kypiaci zdravím:
 „Volal ma niekto? Ja som Agent Vitamín.“
 „Agent Vitamín? Ten slávny bojovník proti chorobám?“ opýtala sa Mimi neveriacky.

„No jasné, kto iný?“ zasmial sa Vitamín bodro. „Ale dost bolo rečí, v kritických prípadoch nesmieme strácať čas!“

Mimi sa šibko vyšvihla do kokpitu vedľa Agenta Vitamína a vysvetlila mu zložitú situáciu. Ako sa Lord Vírus votrel do hrdla tety Melánie, zavrel jej hlasovod a uväznil Lízu pod hrdzavý hrniec. Na dôvažok má dnes teta Melánia premiéru! Agent Vitamín len mával rukou a naznačil speváčke, nech poriadne otvorí ústa. Melánia Spevavá síce zdesene zaklipkala očami, ale ústa poslušne otvorila ako veľké vráta. Agent Vitamín cez ne isto voviedol helikoptéru do útrobu hrdla. „Je to tu síce riadne zanesené, ale nebude to žiaden problém. Najprv tu trochu povysávame bé dvanástkou. S Vírusom to pekne zamáva,“ vysvetľoval Vitamín a spustil z helikoptéry dlhočizné sacie rúry.

Mimi sa trochu zľakla. Len nech Vitamín omylom nepovysáva aj Lízu! Vitamín prekypoval bojovým nadšením. Ostrým zrakom skúmal temné zákutia hrdla tety Melánie. Keď konečne zamerlal Vírusa, celý sa rozžiarił.

„Teraz toho zákeráka zombardujeme céčkom. Bude upalovať ako s nasoleným zadkom!“

Agent Vitamín začal z helikoptéry zhadzovať supersilné vitamínové bomby. Vírus stratil všetko sebavedomie a vydesene zaliezol za centrálny uzáver hlasovodu.

Ani si nevšimol, že sa Líze podarilo vyslobodiť spod hrnca. Mimi však kamarátkin krik začula hneď a spustila jej z helikoptéry povrazový rebrík.

Mimi a Líza sa šťastne vyobjímali a spolu s Vitamínom pokračovali v ostreľovaní Vírusa. Ten strečkoval ako splašený zajac, ale pred ozdravujúcimi účinkami Vitamínovho supercéčka nemal na záchranu šancu. Spolu s posledným záchvevom kašľa vyletel teta Melánii z hrdla. Dopadol priamo medzi nenávidené ovocie a navyše si pritom roztrhol svoje frajerské kožené gate! Porazený a zahanbený sa s holým zadkom odplazil naspäť do dažďa číhať na ďalšiu obeť, ktorú by mohol nakaziť.

Mimi a Líza sa zatiaľ mocovali so zaseknutým uzáverom hlasovodu tety Melánie. Nemali však dost síl.

„Ukážte, pre mňa to bude hračka!“ vyhlásil Agent Vitamín a pyšne dievčatám predviedol svoje obrovské svaliská. Uzáver otvoril malíčkom na ľavej ruke a krištáľový hlas tety Melánie sa opäť čisto rozzurčal.

„Fíha,“ povedala Líza s obdivom. „Sľubujem, že odo dneška budem jesť aj naozajstné vitamíny. Nielen cukríkové.“

Pri príležitosti slávnostnej premiéry opernej divy Melánie Spevavej, čiže tety Melánie však obe dievčatá ešte niekoľko cukríkov vymúľali. Obe zjedli dokonca aj kúsok torty a vypili obrovský pohár pomarančovej malinovsky. Večer v postielke však Líza vážne oznámila mame, že cukríky sú síce sladké, ale nie zdravé a že na druhý deň by si mohli spraviť poriadnu vitamínovú bombu. Mamu to veľmi potešilo, ale i pobavilo. Budú pri tom musieť dávať riadny pozor, aby nevyhodili do vzduchu celý dom.

Mimi v hlave neprestajne znela krásna pieseň o daždi.

Teta Melánia bola úžasná, ako ju na javisku oduševnene spievala a točila pritom pomarančovým dáždnikom.

Len keby si tak Mimi vedela spomenúť, ako sa tá pesnička volá. Mohol by to vedieť tatino? Ten si, samozrejme, myslí, že Mimi má na mysli Prší prší. Hm.

Mimi má na mysli pesničku, v ktorej sa spieva, že sa spieva v daždi. Tatinovi konečne svitlo a v ten

večer zaspieval Mimi nádhernú uspávanku:

„Ja spievam si v daždi,
že s Mimi som šťastný.“

aj keď sa musela doširoka otvorenými očami pozerat priamo na ňu. Mimi cítila, ako na ňu kamarátka dýcha, a od napätia si ohlodáva necht na pravom palci. Ale nevidela ju.

„Čo si neviditeľná?“ zafľflala Líza. Nešlo jej do hlavy, ako mohla Mimi prehliadnuť. Svojím ostrozrakom. Ale však nech Mimi počká, ona sa teraz schová tak, že ju nikdy v živote nenájde! Líza s chichotom vlezla do kontajnera na papier.

Mimi pokojne napočítala do desať a vybrala sa Lízu hľadať.

Pomaly, pomaličky kráčala cez dvor, sem-tam sa zastavila, akoby čomusi načúvala, habkavo vyrazila vpred a rozhodne otvorila veko na kontajneri.

„Mám ťa, Líza!“

Líza sa ofučala. Vymyslela si predsa najlepšiu skrýšu na svete, úplne novú. Ako ju Mimi mohla tak rýchlo nájsť?

Šla ako na istotu, akoby pri žmúrení podvádzala.

Ale veď Mimi predsa aj tak nevidí, zahriakla sa Líza.

„Tak si sa chichotala, až sa ten smetiak natriasal. A mechrila si sa v papieri ako ježko na jeseň v listí. Šuštila si,“ vysvetľovala Mimi. „Okrem toho som vedela, že ma budeš chcieť tromfnúť.“

„Takže,“ pookriala Líza, „si ma vlastne našla preto, lebo som si vymyslela až PRÍLIŠ DOBRÚ SKRÝŠU?“

„Mmmm...“ povedala Mimi a prikývla.

„Jéééj,“ potešila sa Líza, ale schovávačku sa jej už hrať nechcelo. Mimi by zasa vyhrala. Zakaždým by vyhrala.

Treba vymyslieť nejakú novú hru alebo dobrodružstvo, niečo.

Vtom sa z brány vynorila teta Rybáriková

s akýmsi vrecúškom

v ruke. Niesla ho

opatrne ako najväčší

poklad na svete.

„Tatateta, čo to máte?“ vyskočila Líza, ťahajúc Mimi za sebou. Teta Rybáriková sa od prekvapenia trochu strhla, no potom sa jej na tvári rozlial šťastný úsmev.

„Rybičku, dievčatká, rybičku.“

„Fíha, tá je krásna,“ obdivovala ju Líza. „Žltá ako púpava.“

Mimi chytila vrecko do dlaní. Rybka zamávala chvostom a rozčerila vodu v Miminých rukách.

„Ako sa krásne vlní!“ zhlíkla Mimi.

„Veru, veru,“ prikyvovala teta Rybáriková a sklonila sa k Mimi a Líze. „A navyše, dievčatká, navyše je táto rybička zázračná.“

„Zázračná?“ vyhrkli Mimi a Líza jednohlasne.

„Presne tak,“ šepla teta Rybáriková sprisahanecky.

„Keď dostane strach, stane sa neviditeľnou.“

„A nebude jej u vás samej smutno?“ strachovala sa Mimi.

Teta Rybáriková sa rozosmiala tichým bublinkovým

smiechom. Nie, nie, nie, nie, rybička u nej určite nebude sama.

Ak dievčatká chcú, môžu sa ísť pozrieť na jej malé vodné kráľovstvo.

Len čo Mimi s Lízou vstúpili do bytu tety Rybárikovej, bolo im jasné, že sa naozaj ocitli vo vodnom kráľovstve. Ale nie v malom. Pri pohľade na obrovitánske akvárium, ktoré zaberalo skoro celú obývačku, Líza nemo otvorila ústa. Mimi mala

pocit, akoby nad šírou vodnou hladinou povieval čerstvý

vetrík. Mimi mu nastavila tvár.

Nosom zacítila jemný pach soli.

Úplne ako pri mori!

V akváriu šantil kŕdel

štíhlych červených rybičiek.

Točil sa, víril, vytváral obrazce od výmyslu sveta.

„Ako krásne spolu tancujú!“ obdivovala ich Líza.
 „Tak, tak. Sú roztomilé. A veľmi priateľské,“ štebotala teta Rybáriková, rozvzdujúc vrecúško s drahocennou rybou.
 „A teraz ťa, rybka moja, rybička, vypustíme medzi kamarátky. Člup ho tam!“

Žltá ryba sa natešene rozplávala k červenému krdľu. Ten sa však zoskupil do šľuku. Ryba vedľa ryby, všetky v pozore. Ako na vojenskej prehliadke.

„Ó, pozrite, ako ju pekne vítajú!“ nadchýnala sa teta Rybáriková.

Líza si tým nebola taká istá. Skôr sa jej zdalo, akoby červené ryby príselkyňu obklúčili a zlostne do nej drgali papuľkami. Teta Rybáriková však bola presvedčená, že jej len dávajú pusku na privítanie. Aké ušľachtilé gesto! A ako sa novej kamarátke pekne predstavili:

„Sme červené rybičky bez jedinej chybičky. A ty si čo, žltok?“
 „Ó, ako s ňou žartujú,“ nadchýnala sa teta Rybáriková. Líze sa to však nezdalo. Nezdalo sa to ani žltej rybe, ktorá začala pred krdľom zmätene ustupovať. Teta Rybáriková sa s úľubou pozerala, ako červený krdel divoko trieli za strečkujúcou žltou rybou. Vymysleli si pre ňu veselú novú hru, tešila sa teta.

„Ale teta!“ skríkla Líza. „Veď ony jej...“
 „Pst!“ povedala Mimi. „Počúvajte.“
 Z akvária sa zreteľne ozval posmešný piskot.

„Ty si teda riadna škrtata! Žltá chudera so závojčekmi. Čo sa sem pcháš, my ťa tu nechceme!“
 Červené ryby sa vrhli na žltú rybu ako torpéda. Tá plávala ani o dušu, divoko mávala chvostom, vlnila sa, vlnila a... bledla.

Teta Rybáriková zalomila rukami. Z očí jej viseli dve veľké kvapky slanej vody. Mimi sa nalepila na akvárium, akoby tak mohla rybke pomôcť. Líza zdesene kričala:

„Ona úplne zmizla! Mimi, musíš ju zachrániť, ty to dokážeš! Ty predsa vidíš aj neviditeľné veci.“

„Ale veď ja cez sklo nič necítim!“ fňukala Mimi.

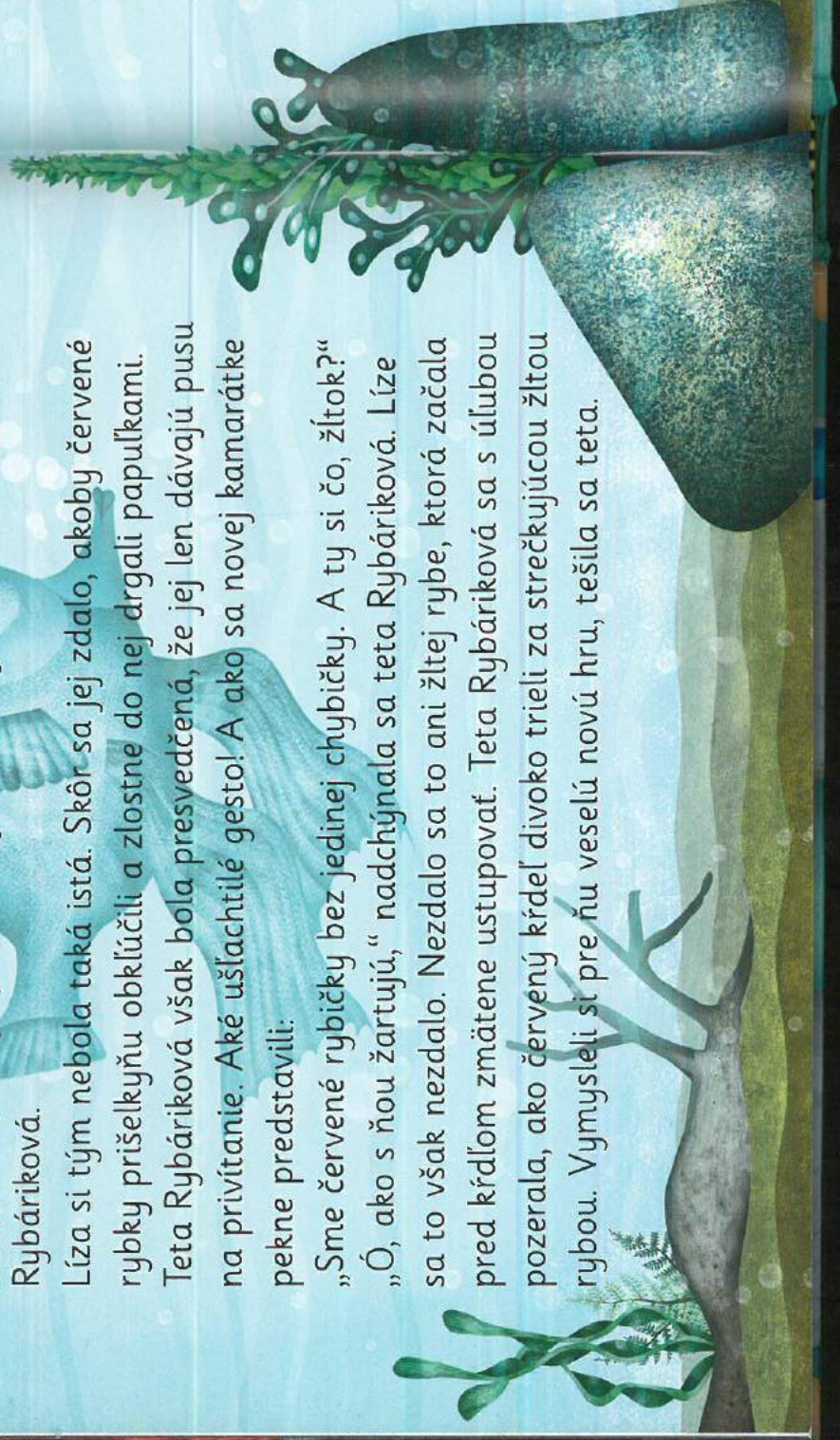
„Tak sa za ňou musíme ponoriť,“ vyhlásila Líza.

„Ale ja...“ namietla Mimi.

Uslzená teta Rybáriková smutne pohľadila Mimi po vlasoch:
 „Chudinka rybička.“

Presne, chudinka rybička, pomyslela si Mimi.
 A chudinka teta.

„Ideme, Líza,“ povedala Mimi tak rozhodne, že na ňu Líza musela byť pyšná.

Dievčatá vyliezli na schodíky, z ktorých teta Rybáriková krmila svoje rybičky. Boli také vysokánske, že pri pohľade z nich bola teta Rybáriková malá ako ... hm, červená rybička, pomyslela si Líza. Mimi si sadla na okraj obrovitánskeho akvária, odhodlane si namočila nohy do vody.

„Poriadne nimi zamávaj a zašpliechaj,“ radila jej Líza.

Mimi sa usmiala. Voda bola príjemne mokrá.

„Líza,“ osmelila sa Mimi. „Ja neviem plávať.“

„Vlastne ani ja nie,“ upokojovala ju Líza. „Ale v rozprávkach to neprekáža. Hupsneme do vody

a rukami a nohami budeme robiť ako žaby. Z úst nám pôjdu bublinky.“

Mimi neisto prikývla. Líza ju chytila za ruku: „Pripraviť sa, pozor, čľup!“

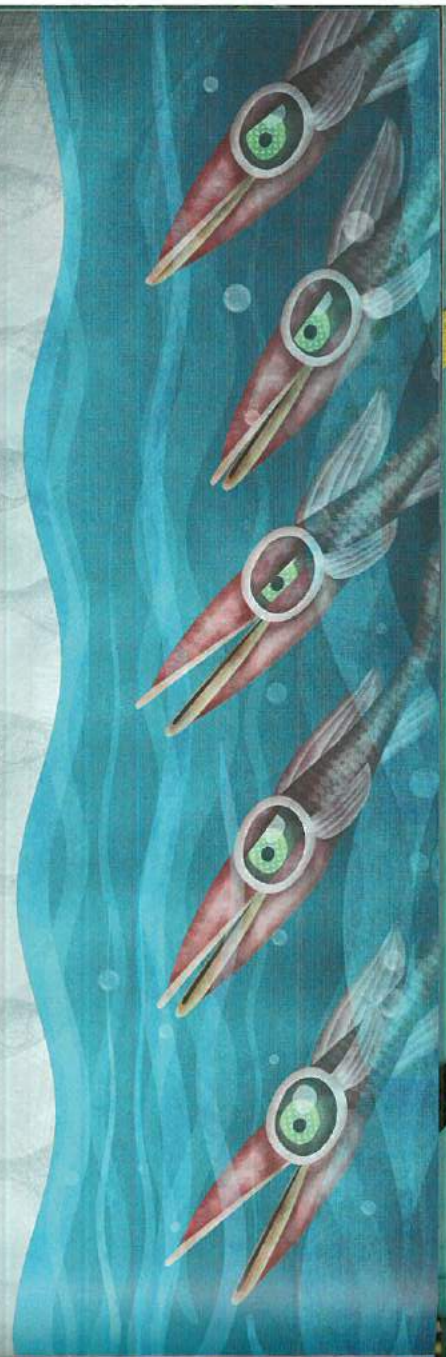
Mimi sa vznášala medzi vodnými rastlinami. Ruky a nohy mala

roztiahnuté ako žaba, voda ich hladkavo

nadnášala. Mimi nimi jemne pohla. Cítila,

ako si ju začali pohadzovať neviditeľné vlnky.

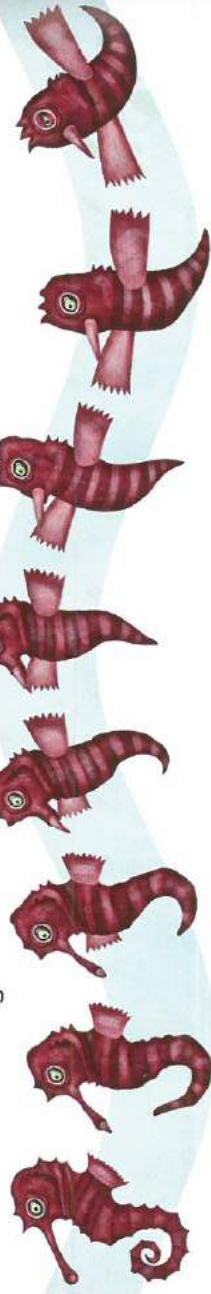
Mimi pomaly vypúšťala vzduch z úst. Bublinky jej zahalili tvár.

„Joj, to štekli!“ zjojkla Mimi so smiechom.
„A čo toto?“

Líza vsrkla do úst vodu a vytryskla ju Mimi priamo doprostred čela.

„Ty veľryba!“ chichotala sa Mimi a vypustila Líze do tváre bublinkový oblak.

„Pod', Mimi, ideme hľadať tú neviditeľnú rybu,“ Líza zľahka postrčila Mimi dopredu. Obe dievčatá plávali ako delfíny. V prítomí vodných rastlín číhal hlúčik červených rýb. A v tóni pod kameňom ich striehol celý húf. Odkiaľsi z úzadia sa blížil obrovský karmínový mrak. Mimi a Líza boli obklúčené.

Šíky červených rýb sa zastavili v bezpečnej vzdialenosti od dievčat. Podozrievavo na ne zazerali. Potom sa plutvami chytli za brušká a rozrehotali sa:

„Tá žltá ešte ako-tak šla, ale čo sú toto za obludy? Namiesto plutiev akési pochybné výrastky. A tie hlavy! Ony sa vôbec

nelesknú! To čo je? Takéto ohavy sa nehanbia plávať v našej vode?“

„Počúvajte, vy... Čo ste ešte nikdy nevideli nikoho, čo by nebol červená ryba?“ Lízu išlo od rozhorčenia rozhodit.

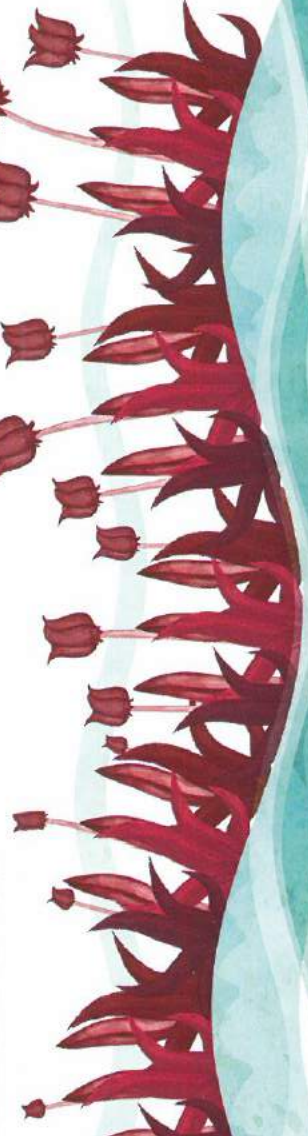
Mimi však ostala pokojná.

„Na svete je miesto pre všelijaké tvory. Niektoré bývajú na súši a niektoré v mori. Jedny lietajú, ďalšie behajú, iné sa zasa plazia a sú aj také, čo plávajú,“ vysvetľovala rybkám trpezlivo. Rybky zaryto mlčali. A Mimi začala vypočítavať. Rybičky pod letným dotykom jej prstečka menili tvary.

„Sú malé ryby a veľké ryby. Sú delfíny a veľryby. A morské hady, hviezdice a koníky. Medúzy a chobotnice. Ryby s fúzami, so závojnami, s pichličkami aj s lampášikmi.“

„Aj s prísavkami a s nohami. Videla som ich v zoologickej,“ pochváľila sa Líza.

Mimi pokračovala:

„Na súši rastú stromy a kvety, behajú tam zvieratá aj ľudské deti a na nebi lietajú vtáky.“

Rybičky sa od prekvapenia rozčvirkali ako krdel lastovičiek.

„Skutočne? Naozaj? To sme my nevedeli. Mysleli sme si, že všetky tvory sú rovnaké. Že všetky tvory MAJÚ byť rovnaké.“

Rybky stíchli, zamysleli sa. Čosi si uvedomili a zahanbili sa. Skrúšene sklopili hlavičky.

„Mali by ste sa žltej rybe ospravedlniť,“ povedala Líza.

„Ale najprv ju musíme nájsť,“ pripomenula Mimi.

Krdel červených rybiek sa rozfrngol na všetky strany.

„Žltá ryba! Žltá ryba, kde si? Žltá ryba, už sa nemusíš báť!“

Líza sa prepletala v húštine vodných rastlín:

„Rybička, už nemusíš byť neviditeľná!“

Neviditeľná ryba sa však neobjavila. Ako ju nájsť v tomto mori vody? Mimi sa bezradne vznášala pod hladinou. Nechala sa unášať prúdmi, ktoré vo vodnej mase rozvírili rybičky plávajúce krížom-krážom. No jasné!

„Stop!“ zvolala Mimi.

Červené ryby i Líza sa zmätene zastavili.

„Stop,“ zopakovala Mimi dôrazne. „Neviditeľnú rybu nenájdeme očami, ale citom. Voda okolo nej sa vlní inakšie

ako okolo vás alebo okolo nás. Len musíme dávať pozor, aby sme ju zbytočne nevrátili.“

Červené rybičky v mihu oka znehybneli. Mimi a Líza splývali s napriahnutými rukami, hľadajúc zvláštne vlnenie zázračnej ryby.

Mimi sa nevdojak obtrela o jemné chvenie a zoširoka sa usmiala. Líza prekvapene vyhrkla: „Ja vidím neviditeľnú rybu!“

„A ja ju cítim,“ pohladila Mimi vlnky. „Pod rybička, už sa nemusíš báť.“

Krdeľ červených rybičiek sa ostýchavo priblížil.

„Prepáč, žltá ryba. Bolo to od nás hlúpe.“

Je dobré, že si iná.“

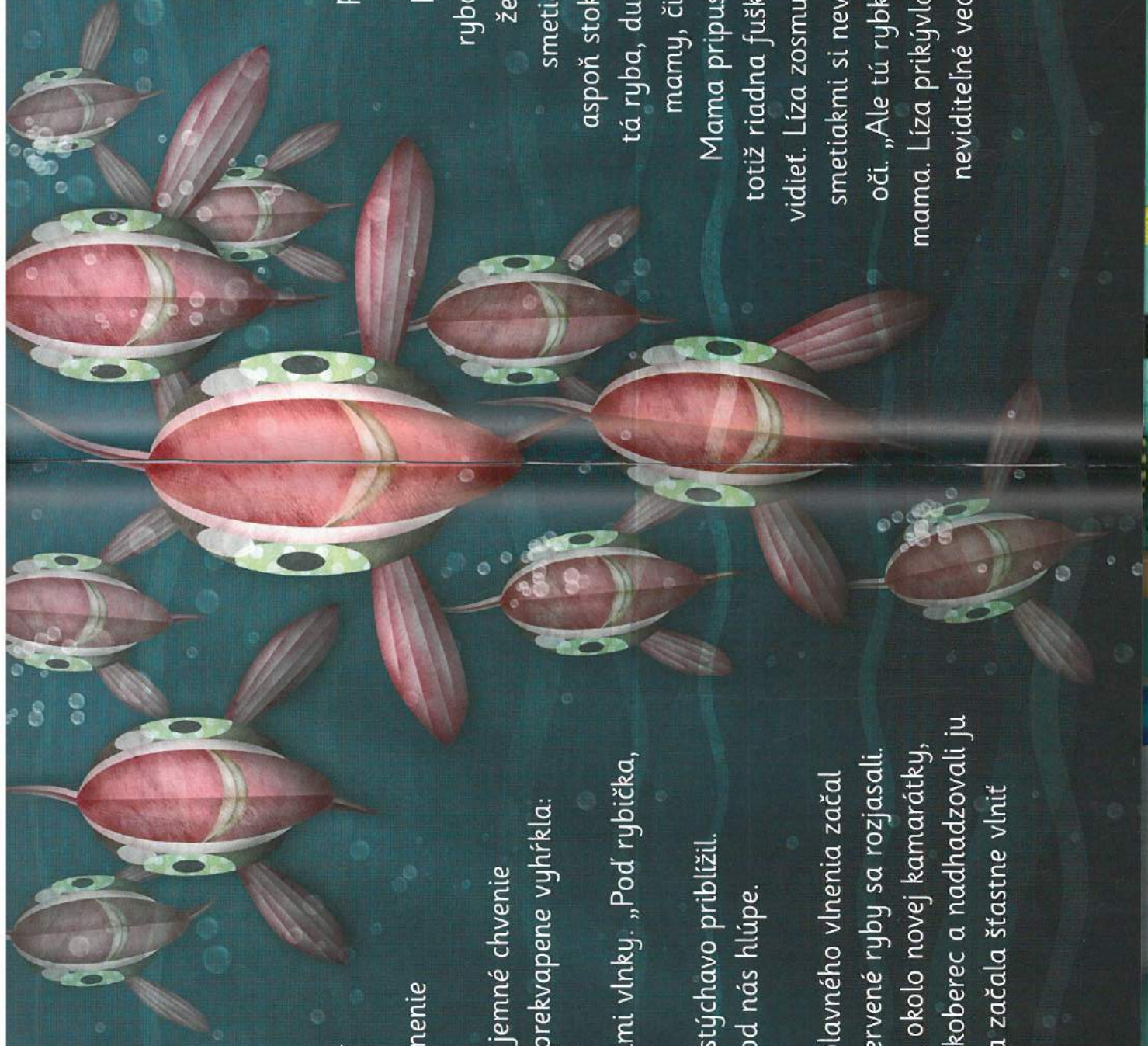
Neviditeľný tvor uprostred plavného vlnenia začal pomaličky naberať farbu. Červené ryby sa rozjasali. Veselo ako kolotoč sa krútili okolo novej kamarátky, rozprestrel sa pod ňou ako koberec a nadhadzovali ju ako trampolínu. Žltá ryba sa začala šťastne vlniť

a chvostom pritom čarovala vlnky, ktoré roztancovali celý rozšantený krdeľ červených rybičiek. Keď sa

Mimi a Líza vyškriabali z akvária, teta Rybáriková im dojato ukazovala prstom, ako červené rybky papulkami bozkávajú veľkú žltú rybu.

Napriek dobrodružstvu s neviditeľnou rybou Lízu ešte i večer v postielke škrelo, že si pri schovávačke nevšimla Mimi za smetiakmi, aj keď sa tam poriadne pozrela aspoň stokrát. Mimi sa určite zneviditeľnila ako tá ryba, dumala Líza. Pre istotu sa však opýtala mamy, či by na to Mimi musela byť zázračná.

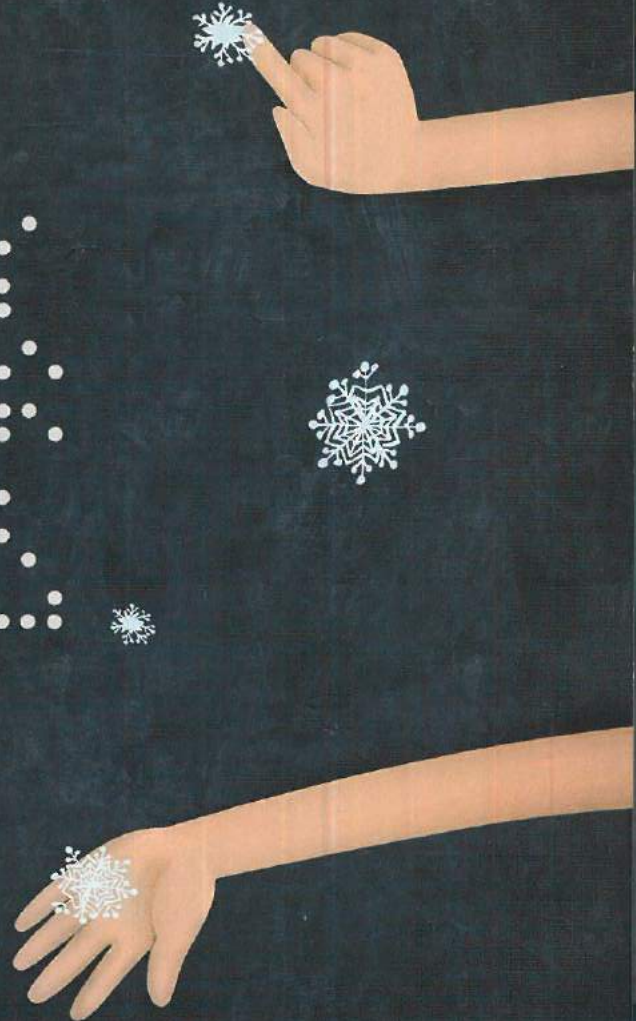
Mama pripustila, že asi áno – byť neviditeľným je totiž riadna fuška. Ale oveľa ťažšie je neviditeľné veci vidieť. Líza zosmutnela. To ona nedokáže. Ani Mimi za smetiakmi si nevšimla, aj keď na ňu určite vypliešľala oči. „Ale tú rybku si predsa videla, nie?“ uisťovala sa mama. Líza prikývla. „Tak vidíš, dnes si sa naučila vidieť neviditeľné veci,“ povedala mama a Líza sa šťastne ponorila do neviditeľných snov.

Mimi sa večer pred spaním s nádejou opýtala tatina, či by niekedy nemohli ísť k moru. Tatino sa poškrabkal na brade a odvetil, že áno. Ale nie teraz. Potom neskôr, v lete. Mimi si spokojne zívla a vyhlásila, že dovtedy bude plávať aspoň v akváriu. Tatinovi skoro vypadli oči, našťastie mal pevne nasadené svoje hrubé okuliare. V akváriu, chcel sa začudovať poriadne nahlas, ale potom si spomenul, že Mimi predsa nevie plávať. Čosi zmätene zakoktal. To už však Mimi spala, akoby ju do vody hodili.

Vianoce

Líza s mamou sa zadychčane štvrali hore schodmi.
„A oblátky máme?“ uisťovala sa Líza.
„Máme,“ ubezpečila ju mama.
„A med, med tiež máme?“
„Máme.“
„A salónky?“

„Aj salónky máme,“ odvetila mama trpezlivo. „Aj kapra, ovocie, zmrzlinu a sviečky. Všetko má-ááááááá...“ Mama začala z ničoho nič spievať ako teta Melánia, teda, nie až tak krásne, pravdupovediac to skôr znelo ako kvílenie sirény. Prepchaté tašky jej vypadli z rúk, jablká a pomaranče sa gúľali dolu schodmi.

„Mami, čo sa deje?“ opýtala sa Líza zdesene. Čo ak mama dostala vianočný záchvat alebo čosi podobné? V poslednom čase neprestajne frflala na akési stresové obdobie, premýšľala Líza.

Mama sa zhlboka nadýchla a priznala:

„Zabudla som na stromček.“

„Ach, mama,“ chytila sa Líza za hlavu.

Mama pobehovala po schodoch za utekajúcim ovocím a zmätene Lízu presviedčala:

„Neboj, neboj, všetko je v poriadku, len toto pozbieram a pôjdeme... ešte stihneme... niekde na trhu ešte mať budú... pokoj, pokoj, neboj sa, Líza.“

Vtom ju niekto priateľsky chytil za plece.

Mimin tatino nešikovne podal Lízinej mame žiarivý oranžový pomaranč.

„Zbytočné chodiť na trh. Už tam aj tak nik nebude,“ povedal s neistým úsmevom.

„Niééé!“ zavyla Líza.

Mimi potiahla tatina za kabát.
Čosi mu šuškala.

Tatino pokyvoval hlavou.

„A ste si isté, že stromček potrebujete? Môžeme mať predsa spoločný,“ navrhol a rýchlo dodal, „ak proti tomu teda nič nemáte.“

Mimi žiarila ako sniežko. Aj Líze sa hneď vyjasnila tvár. „Naozaj?“

„Jasně!“ povedala Mimi. „Aj si ho spolu ozdobíme.“

„My máme takých slamených anjelov,“ rapotala Líza.

„Ja neviem,“ ošivala sa Lízina mama. Napokon však pristala. „Pod jednou podmienkou. Kapra a šalát urobím ja.“

„Bez všetkého,“ súhlasil Mimin tatino. „Ale vy musíte ochutnať moju kapustnicu.“

„Toto budú tie najkrajšie

Vianoce zo všetkých Vianoc!“

tešila sa Mimi, keď doma s Lízou

ozdobovala hustú jedličku. „Ani stromček sme nikdy nemali krajší. Nasadíme spolu hviezdu?“

„Ty, Mimi, myslíš, že aj ja si pod vaším stromčekom nájdem nejaký darček?“ spýtala sa Líza s malou dušičkou.

„Samozrejme,“ smiala sa Mimi. „Veď je to náš spoločný stromček.“ Líze sa na tvári rozlial šťastný úsmev.

„A aký darček by si chcela dostať?“ opýtala sa jej Mimi.

„No,“ zamyslela sa Líza a spustila, „veľkú stavebnicu, neónové fixky, vílie krídla a tykadlá, baletnú sukničku, nejakú knižku alebo aj dve, diamantové nálepky, lietajúceho jednorožca, prehrávač, na ktorom sa dajú púšťať aj kazety, aj cédečka, sánky s volantom a ponožky s obrázkom.“

„Tak veľa?“

vytreštila Mimi

zavreté oči. Líza sa

trošku zahanbila. Naozaj si toho tento

rok želala strašne veľa, ale doteraz si

vždy priala iba sestru, nič iné. A teraz

už sestru nepotrebuje. Má predsa Mimi.

„No aj tak to všetko nedostanem,“ zahuhlala

Líza. „A ty si čo praješ, Mimi?“

Mimi nezaváhala ani na chvíľku.

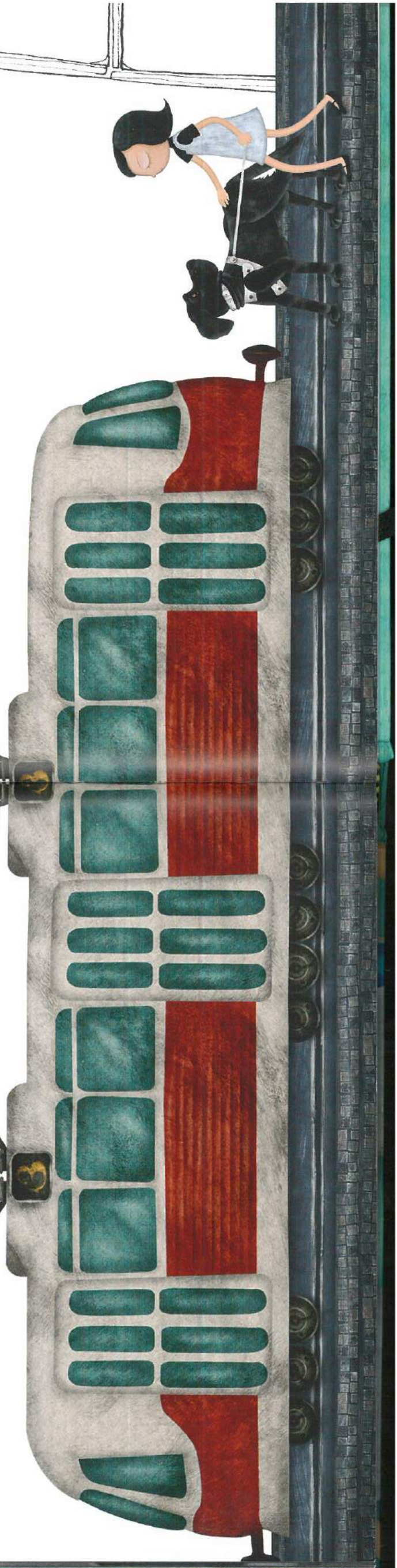
„Psíka.“

„Naozajstného?“ čudovala sa Líza. Mimi prikývla.
 „Ale nie obyčajného. Takého, čo by videl namiesto mňa. Vodil by ma po meste, čakal by so mnou pri semaforoch a pomohol by mi nastúpiť do električky. A ja by som sa oňho starala,“ vykresľovala Mimi farbisto.
 „Ako by sa volal?“ vyzvedala Líza. Mimi sa zarazila. Tolko o psíkovi snívala, ale ani jej nenapadlo vymyslieť mu nejaké meno.
 „Správny pes musí mať v mene R,“ vyhlásila Líza.
 „Ako napríklad... Citrón.“

Mimi sa rozsmiala.

„Pes sa nemôže volať Citrón! Bol by z toho celý kyslý.“
 „No tak ako?“ dobiedzala Líza. „Čerešňa? Tie sú sladké.“
 „Ale Líza, pes predsa nie je na jedenie. Mal by mať psie meno, nie ovocné.“
 „A to je aké?“
 „Neviem,“ priznala Mimi.
 „A čo tak Šaryk? To by bolo dobré meno pre psa?“ skúsila Líza.
 „ŠARYK,“ omáľala Mimi na jazyku to meno. Prijemne drnčalo. A nebolo ani kyslé, ani sladké, ale také správne, psie.
 „To je výborné meno,“ povedala Mimi.

Líza si však
spomenula na niečo
neprijemné.

„Mama hovorí, že živé zvieratká sa nemajú dávať ako darček.“
Mimino nadšenie opadlo. Veď aj tatino povedal, že vodiaceho
psíka dostane, až keď vyrastie. Na to, ako bude vlastnému
psíkovi v parku hádzať papek či sypať do misky granule,
si teda bude musieť ešte asi poriadne počkať.

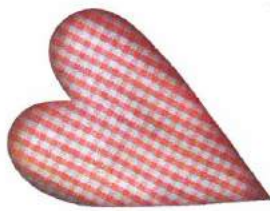
„Tak ja potom neviem, čo dostanem. Asi ponožky.
Bez obrázkov.“

Dievčatá ticho čupeli pod stromčekom. Farebné svetlá sviečok
sa trblietali Líze v očiach, tancovali jej v nich, oslepovali ju.
Ktovie, ako Mimi vidí svetlo. Líza sa otriasla. Takto to nemôže
skončiť! Nie na Vianoce. Chytila Mimine ruky do svojich dlaní
a teplo jej do nich fúkla.

„Mimi,“ šepla Líza. „Ak si budeš psíka veľmi, veľmi priateľ,
želanie sa ti určite splní.“

„Myslíš?“ vydýchla Mimi s nádejou.

„Áno. Určite,“ presviedčala ju Líza. Tuho zavrela oči a želala
si, aby to naozaj fungovalo. Želala si, aby Mimi dostala psíka,
s ktorým bude môcť vyjsť sama na ulicu a cestovať električkou.
Ak sa jej toto jedno prianie splní, už si nebude želať
nič iné, slúbila Líza. Ani vílie krídla, ani sánky
s volantom. Len toto jedno jediné želanie. Prosim.
Tri-štyr-ri! Teraz. Líza otvorila oči.

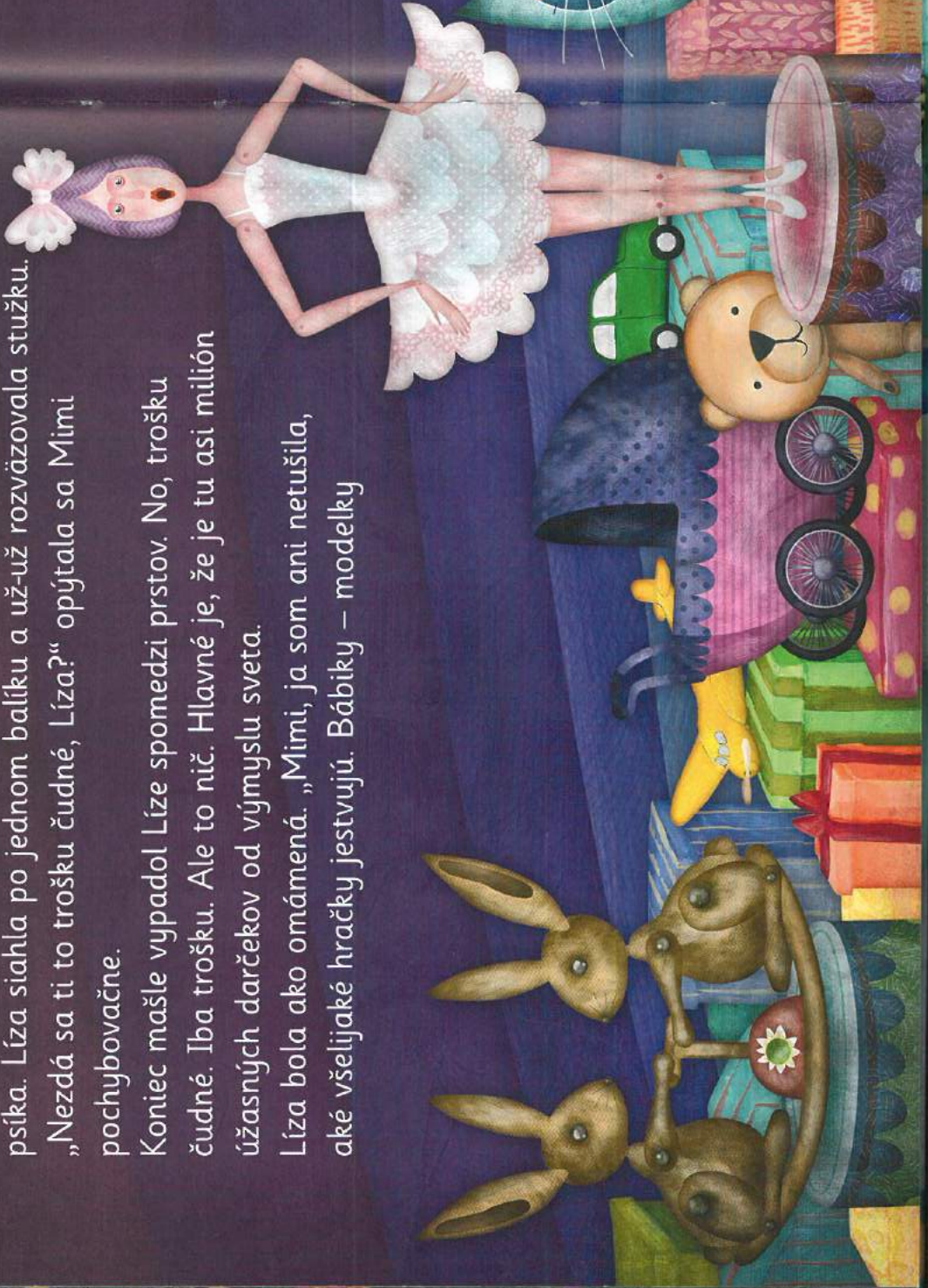
Niečo bolo iné. Líza ďalej držala Mimine ruky vo svojich dlaniach. Dievčatá stále čupeli pod vianočným stromčekom. Lenže ten stromček bol odrazu úplné stromisko, ktoré sa týčilo vo výšavách nad nimi. Obklopovali ho domy, veže, mrakodrapy postavené z krabíc a balíkov previazaných lesklými stuhami.

„Darčekové mesto!“ zhlkla Líza.
„Pod, Mimi, preskúmame ho.“

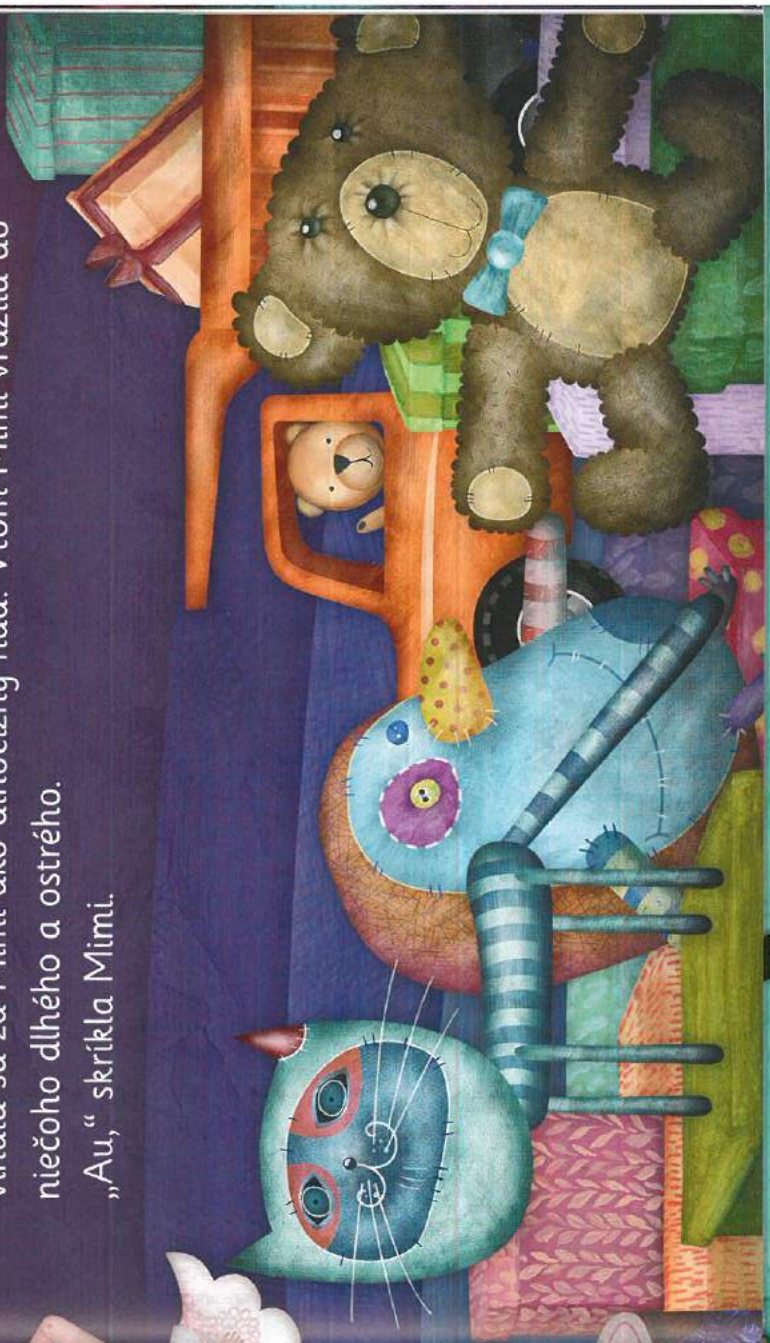
„Ale Líza,“ váhala Mimi. „Nemali by sme byť na Vianoce doma?“ Líza sa zamyslela. Áno. Vlastne by mali byť doma. Ale čo ak všetky tieto darčeky ležia u nich doma okolo ICH stromčeka? Sú všetky pre ne? Líza takmer zabudla na svoj sľub. Na ten, že si na Vianoce nebude želať vôbec nič, len nech Mimi dostane psíka. Líza siahla po jednom balíku a už-už rozvážovala stužku. „Nezdá sa ti to trošku čudné, Líza?“ opýtala sa Mimi pochybovačne. Koniec maše vypadol Líze spomedzi prstov. No, trošku čudné. Iba trošku. Ale to nič. Hlavné je, že je tu asi milión úžasných darčiek od výmyslu sveta.

Líza bola ako omámená. „Mimi, ja som ani netušila, aké všelijaké hračky jestvujú. Bábiky – modelky

s päťposchodovými vilami s bazénom, tryskáčové kolobežky, medvedíky na baterky, čo spievajú uspávanky a hovoria, že ťa lúbia, minivysávače, ktoré samy upratujú, dúhové princeznovské šaty a parochne a črievičky, hrkotavé nákladniaky s blikajúcimi očami, umelohmotné zvieratká, ktoré sa menia na kvietky, hovoriace lopty na diaľkové ovládanie, Mimi, to je úžasné, to je fantastické.“ rapotala Líza. Ako robot kráčala vpred, do hĺbín darčekovej džungle, ani sa len neobzrela. Mimi sa snažila udržať s ňou krok – takmer bežala, šmátrajúc po stenách balikových domov. V dlani jej uviazla jedna maša, vinula sa za Mimi ako dlhočizný had. Vtom Mimi vrazila do niečoho dlhého a ostrého.

„Au,“ skríkla Mimi.

„Priprav sa na súboj!“ zachrčalo to niečo hrozivo.
 „Prepáčte, ja som nechcela,“ ospravedlňovala sa Mimi zakríknuto.
 Odkiaľsi sa ozval Lízín zvonivý smiech.

„Mimi, ty trdlo, to je predsa hovoriaci svetelný meč!“

Mimi odľahlo, trochu sa zaharbila a trochu sa

i nahnevala. Odkiaľ to mala vedieť!

„Čudná hračka, takú nepoznám.“

Ja mám rada hračky, ktoré sú príjemné na dotyk a pekne voňajú.“
 „Voňajú?“ nechápala Líza. „Akože voňavkové hračky?“

„Ale nie. Napríklad drevené. Buková stavebnica vonia úplne inakšie ako javorová alebo borovicová. Bábika s konopnými vlasmi štekľí mäksie ako pletený maco. Gumená lopta skáče vyššie ako kožená.“

„Hm, možno,“ mykla plecóm Líza.

„Ale tieto ružové zvieratka s veľkými očami sú rozkošnejšie.“ Líza stisla gombík.

„Aha, ako mraučia.“

„Pst. Ticho,“ zahriakla ju Mimi. „Počuješ to, čo ja?“

Líza nastrožila uši. Odkiaľsi sa ozýval veselý džavot.

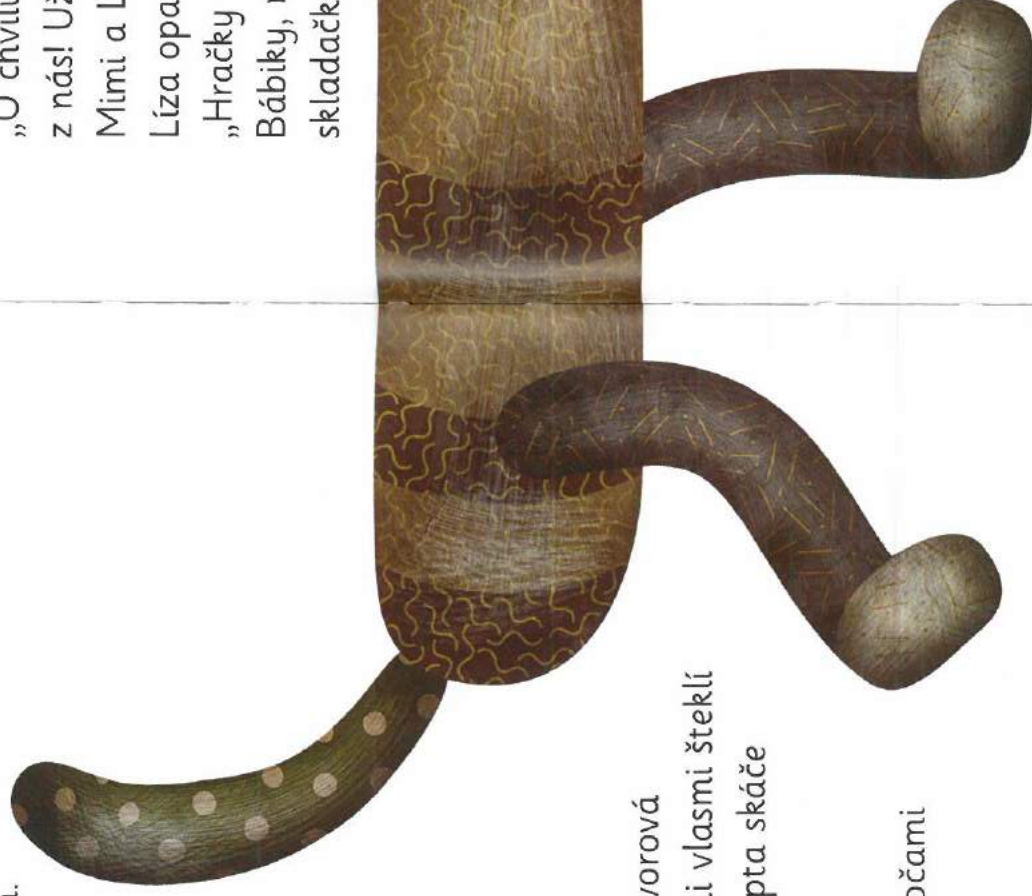
„O chvíľu sme u detí. Ja sa tak teším! A ako sa deti budú tešiť z nás! Už sa nemôžem dočkať!“

Mimi a Líza sa zakrádali za vzrušene sa prekríkujúcimi hlasmi.

Líza opatrne vykukla spoza balíkového múru.

„Hračky sa rozprávajú!“ vydýchla s úžasom.

Bábiky, medvedíky, autíčka, hojdiacie koníky, marionety, skladačkoví šašovia sa vzrušene prekríkovali, s nedočkavým

nadšením čakali na koniec štedrovečernej večere, keď si ich deti nájdu pod stromčekom, vybalia z balíčkov a v očiach im budú svietiť tisíce šťastných iskričiek.

„Vianoce! Vianoce! Vianoce!“ volali hračky zborovo. Vtom však čosi zavrčalo. Zlostne zaštekalo. Skočilo doprostred rozšanteného hlúčika.

„Vrrr, zasa tie Vianoce,“ odrfkol si dlhočizný neforemný pes s ovísnutými ušami. „A vy sa na ne tešíte, ťuťmáci. Viete vy vôbec, aké sú deti v skutočnosti?“

Hračky napäto stíchli. Pes pomedzi ne pokrívkával a zlostne vykladal:

„Chvíľu sa s vami pomojkajú a potom sa to začne. Posadia vás na nákladiak, spustia dole z kopca a budú sa smiať na tom, ako smiešne pri tom skučíte. Hodia vás do vody a budú sa pozerieť, či viete plávať. Otvoria vám brušká a vyberú vám

baterky. A nakoniec vás šmaria do kúta, takže po vás už ani pes neštekne.“

Hračky sa vydesene triasli. Niektoré zmrzli uprostred pohybu, iné tíško vzlykali,

dalšie sa k sebe zúfalo túlili. Líza to nemohla vydržať.

Vyrútila sa spoza škatúl a nahnevane zakričala:

„Čo to táraš za nezmysly? My sme deti a nikdy v živote by sme nič také neurobili!“

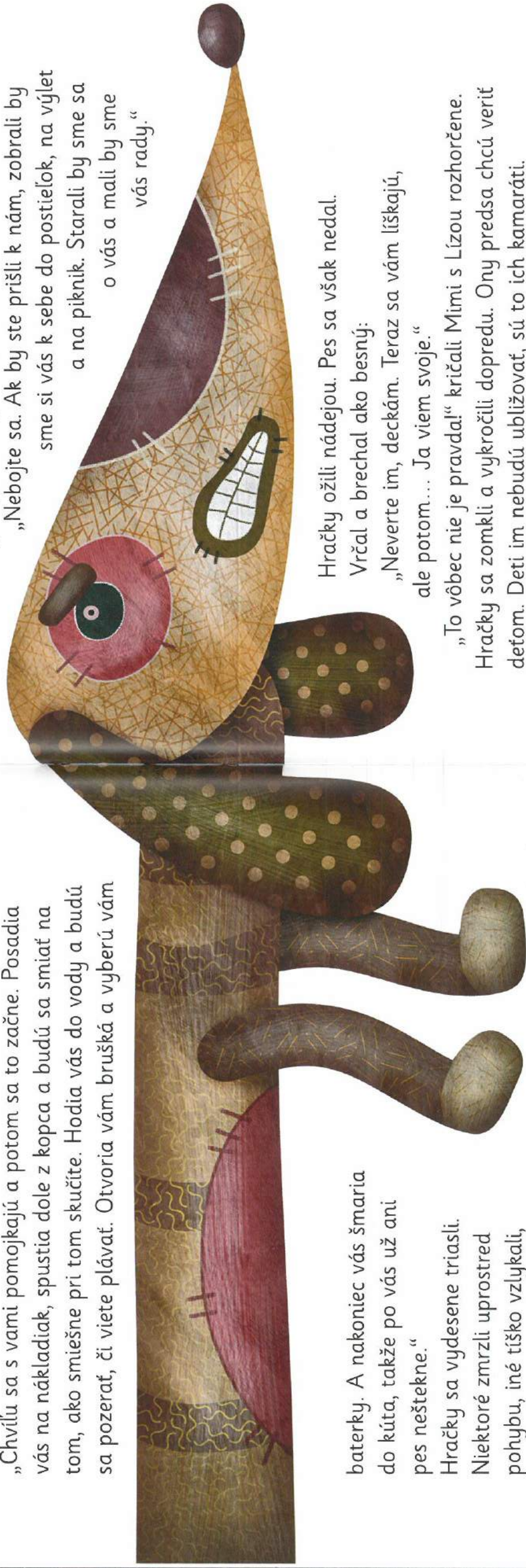
Mimi upokojovala vystrašené hračky:

„Nebojte sa. Ak by ste prišli k nám, zobrali by

sme si vás k sebe do postieľok, na výlet

a na piknik. Starali by sme sa

o vás a mali by sme vás rady.“

Hračky ožili nádejou. Pes sa však nedal.

Vrčal a brechal ako besný:

„Neverte im, deckám. Teraz sa vám líškajú, ale potom... Ja viem svoje.“

„To vôbec nie je pravda!“ kričali Mimi s Lízou rozhorčene.

Hračky sa zomkli a vykročili dopredu. Ony predsa chcú veriť deťom. Deti im nebudú ubližovať, sú to ich kamaráti.

S kým by sa potom hrali? Hračky boli rozhodnuté:

„Naskáčeme do balíčkov, hop-šup.“

Pes sa ich pokúšal zastaviť, zúrivo brechajúc popred ne pobehoval, no ony odhodlane pokračovali v pochode.

Pes pred nimi spätkoval, spätkoval, až vrazil do darčekového mrakodrapu, ktorý sa naňho s hrmotom zrútil. Zavládlo ticho.

„Haló? Si tam?“ zakoktala Líza.

„Hej. Kde by som asi tak bol,“ odvrkol pes naštvane.

Hračky si vydýchli. Napäté ticho prasklo. Hračky sa začali vzrušene dohadovať, aké to je, byť doma u detí, a mizli v ústrety Vianociam.

„Aj my by sme už mali ísť,“ súrila Mimi kamarátku.

„Hej,“ prisvedčila Líza, „ale...“

„Bežte domov, ja si tu Vianoce spravím aj sám,“ zavrčal pes.

„Ale...“ zahabkala Mimi.

„Čo ste hluché?“ štekal pes.

„Vôbec vás nepotrebujem.“

„Ale...“ váhala stále Líza.
 „Nemôžeme ťa tam predsa nechať,“ začala Mimi odpratávať balíky.
 „To teda nemôžeme!“ skríkla Líza a rezko sa dala pomáhať Mimi.
 „Prečo nie? Komu už záleží na starom vypíznutom psovi?“ ľutoval sa pes.
 Ani Líza zrazu nevedela, čo povedať.
 „No vidíte. Nie ste o nič lepšie ako ostatní,“ skučal pes schúlený medzi horami darčkových balíkov.
 Potom sa rozvzlykal: „Som hnusný a škaredý. Mňa si nikto nikdy nevybral ako darček. Myslíte, že som chcel dobrovoľne ostať naveky sám? Každý deň, aj na Vianoce?“
 „Ale...“ našla zrazu správne slová Líza.
 „Podľa mňa vôbec nie si až taký škaredý. Podľa mňa si dokonca celkom pekný.“
 „Klamárka,“ chcel pes zavrčať urazene, ale z kútika papule mu nebadane stiekla radostná slina.
 Mimi si k psovi čupla, pohladila ho po štetinatej srsti. Pes slastne zakňučal.

„Líza?“
 „Áno, Mimi?“
 „Čo myslíš, keď už máme spoločný stromček, mohli by sme mať aj spoločný...“
 „Darček?“
 „Áno,“ zašepkala Mimi.
 „Mohli. Dáme mu dobré psie meno a budeme sa oňho starať.“
 „Šaryk,“ šepla Mimi.
 „Šaryk?“ bafol pes pochybovačne.
 „Áno, Šaryk,“ zopakovala Mimi a pes sa jej vrhol do náručia.
 Líza ho poškrabkala pod bradou, za odmenu mala do mokra oblízajú celú tvár. Vtom sa vianočný stromček rozžiaril ako tisíc hviezd.
 „Už sa to začína,“ povedala Líza zasnene.
 „Musíme sa vrátiť domov,“ strhla sa Mimi.
 Líza sa poobzerala okolo seba.
 „Ale ako sa z tohto bludiska dostaneme von?“

Kam len dovidela, všade sa váľali porúčané kopy balíkov.

Nikde ani jednej cestičky. Šaryk veselo zavrťel
chvostom, štuchol Mimi a Lízu vlhkým ňufákom:

„Ja som už jednu cestičku vyňuchal.

Vonia vyprázaným kaprom a kapustnicou.“

Líza sa rozosmiala:

„Nieкто tu má tuším lepší čuch než ty, Mimi!“

„Hm. Kapor vonia rybníkom a kapustnica hřibami,“ nedala
sa Mimi „Ale ty si aj tak najlepši vodiaci pes na svete,“ uznala
a dala Šarykovi na ňufák veľkú pusú. „Náš,“ žiarila Líza.

Boli to šťastné a veselé Vianoce. Pri štedrovečernom stole sedeli piati: Lízina mama, Líza, Šaryk, Mimi a Mimin tatino. Líza si spomedzi zubov vytiahla kapriu kostičku a dôrazne sa pozrela na mamu:

„Čo by sme si tak asi bez Šaryka boli počali?“

Mama hľadela na šťastného psa tróniaceho za stolom medzi šťastnými dievčatami. Kútiky úst sa jej zdvihli do nežného úsmevu. Mimin tatino

po nej šibalsky žmurkol a podotkol, že každý občas potrebuje zaviesť tým správnym smerom. Lízina mama sa trošku začervenalala, ale ruku spod letného dotyku dlane Miminho tatina neodtiahla. To Líza videla na vlastné oči tak jasne, ako to Mimi cítila svojím citlivým srdcom. A Šaryk, najlepší spoločný vodiaci pes na svete, to potvrdil rozhodným:

HAF.

MIMI a LÍZA

Prvé slovenské vydanie

Podľa námetu Kataríny Kerekesovej a Kataríny Moláčkovej
napísala Alexandra Salmela
Ilustrácie Katarína Kerekesová, Boris Šima a Ivana Šebestová
Grafická úprava Ivana Šebestová
Produkcia Dana Klimová
Zodpovedná redaktorka Katarína Škorupová
Editorka Zuzana Šeršeňová
Zalomenie a príprava do tlače Pavel Kordoš
Spolupracovali Pavol Ďurák, Mária Nerádová, Martina Rozinajová, Monika Krupalová
Konzultácie ku konceptu a dizajnu knihy Júlio Nagy

Vydalo Vydavateľstvo Slovart v spolupráci s Fool Moon, spol. s r.o., v roku 2013.

Tlač FINIDR, s. r. o., Český Tešín

ISBN 978-80-556-1088-7

10 9 8 7 6 5 4 3

www.slovalt.sk
www.mimializa.sk
www.asil.sk

Katarína Kerekesová, Katarína Moláková,
Alexandra Salmela

Mimi & Líza

„Škoda, že sa mi ešte nenarodili vnúčatá, tak rada by som im každý večer čítala z knižky o Mimi a Líze.“

Zuzana Kronerová — teta z pexesa

A čo bolo najčudnejšie, Mimi mala oči zatvorené, aj keď sa s Lízou normálne rozprávala.

„Ahoj. Ty spíš?“ vyhrkla Líza začudovane.

„Nie. Mám iba zatvorené oči,“ odvetila Mimi, akoby na tú otázku bola už zvyknutá.

„Tak ich otvor,“ dobiedzala Líza.

„Ale... to nejde. Ja som slepá. Ja ich mám stále zavreté, svet vidím rukami a ušami,“ vysvetľovala Mimi trpezlivo.

Jedna má oči stále zatvorené a druhá ich má dokorán.
Každá pozerá, ale spolu vidia.

Mimi & Líza

Katarína Kerekesová
Katarína Moláková
Alexandra Salmela

slovar

ISBN 978-80-556-1088-7

9 788055 610887

www.mimializa.sk

Mimi a Lízu stretnete
aj vo Večerníčku.

Riassunto in lingua italiana

Autore: Polina Krokha

Relatore: Svetlana Slavkova

Titolo: Proposta di traduzione dallo slovacco al russo dei racconti per l'infanzia "Mimi a Liza"

Riassunto:

La presente tesi è stata realizzata allo scopo di proporre una possibile traduzione dallo slovacco al russo dei racconti per l'infanzia "Mimi a Liza". Il testo originale slovacco nasce dalle serie televisive d'animazione, uscite nel 2013. Il libro parla di due amiche, Mimi e Liza, e delle loro avventure. Non si tratta, però, di due protagoniste consuete: Mimi è cieca. Gli autori Katarína Kerekesová e Alexandra Salmela, quindi, cercano di affrontare un argomento sociale importante. Nei racconti viene raccontata la storia di due amiche che vivono le loro avventure insieme. Spesso è proprio Mimi che le salva dai guai. Nonostante che Mimi non veda il mondo che la circonda, lo sente in un modo molto più profondo rispetto alla sua amica Liza.

I presenti racconti sono stati tradotti in varie lingue, tra cui l'inglese, il francese, il portoghese e il cinese, ma non sono ancora stati tradotti in russo.

La presente tesi di laurea si compone di un Indice, di un'Introduzione, di tre capitoli, di una Conclusione, di un'Appendice e di una Bibliografia.

Il primo capitolo rappresenta un panorama della letteratura per l'infanzia in Russia e in Slovacchia. Vengono nominati gli autori e i processi più importanti nell'ambito di letteratura per l'infanzia per entrambi i paesi.

Il secondo capitolo parla della storia di creazione di Mimi e Liza, della reazione da parte della critica, della rilevanza sociale del progetto. Inoltre si parla delle

illustrazioni che accompagnano il libro (per esempio, ogni racconto ha un titolo in slovacco e uno in in lingua braille).

Il terzo capitolo rappresenta una proposta di traduzione dallo slovacco in russo.

Il processo di traduzione dallo slovacco al russo si svolge nell'ambito di due lingue affini, perciò la proposta di traduzione è seguita, nel quarto capitolo, da un commento delle scelte traduttive. Le maggiori difficoltà affrontati durante il processo di traduzione sono legate ai cosiddetti "calchi linguistici".

Il quarto capitolo è suddiviso in cinque sezioni, ciascuna dedicata a un ambito linguistico particolare. La prima sezione parla delle difficoltà affrontate durante la traduzione dei nomi propri e dei titoli dei racconti. Alcuni personaggi hanno i nomi parlanti, che provocano delle associazioni al lettore slovacco. Si è reso necessario trovare delle soluzioni per rendere i nomi e i titoli in russo altrettanto "parlanti".

La seconda sezione è dedicata ai problemi della traduzione del lessico. In questa sezione si tratta dei riferimenti culturali, riconoscibili da un lettore slovacco e "vuote" per un lettore russofono. In alcuni casi abbiamo deciso di utilizzare la parafrasi, di altri abbiamo tradotto soltanto il concetto, permettendo così ai piccoli lettori di conoscere altre realtà (per esempio, che cosa si mangia a Natale in Slovacchia, ecc.).

La terza sezione parla della morfologia. I sistemi linguistici dello slovacco e del russo sono piuttosto simili, ma ciò rende ancora più difficile la traduzione di quei pezzi in cui i sistemi non coincidono.

La quarta sezione è dedicata ai modi di dire. Come sempre, essi rappresentano una grande difficoltà durante il processo di traduzione. Nonostante la similitudine delle due lingue, i modi di dire incontrati nel testo originale risultavano a volte

molto diversi, anche per quanto riguarda la forma, dalle loro corrispondenti traduzioni in russo.

La quinta sezione, infine, parla della sintassi. Durante il processo di traduzione abbiamo elaborato alcune frasi, rendendole più comprensibili per i lettori russofoni.

In conclusione, abbiamo affrontato problemi di diversa natura. Molti di essi sarebbero legati al fatto che il russo e lo slovacco sono lingue affini. E' stato difficile a volte evitare dei calchi linguistici.